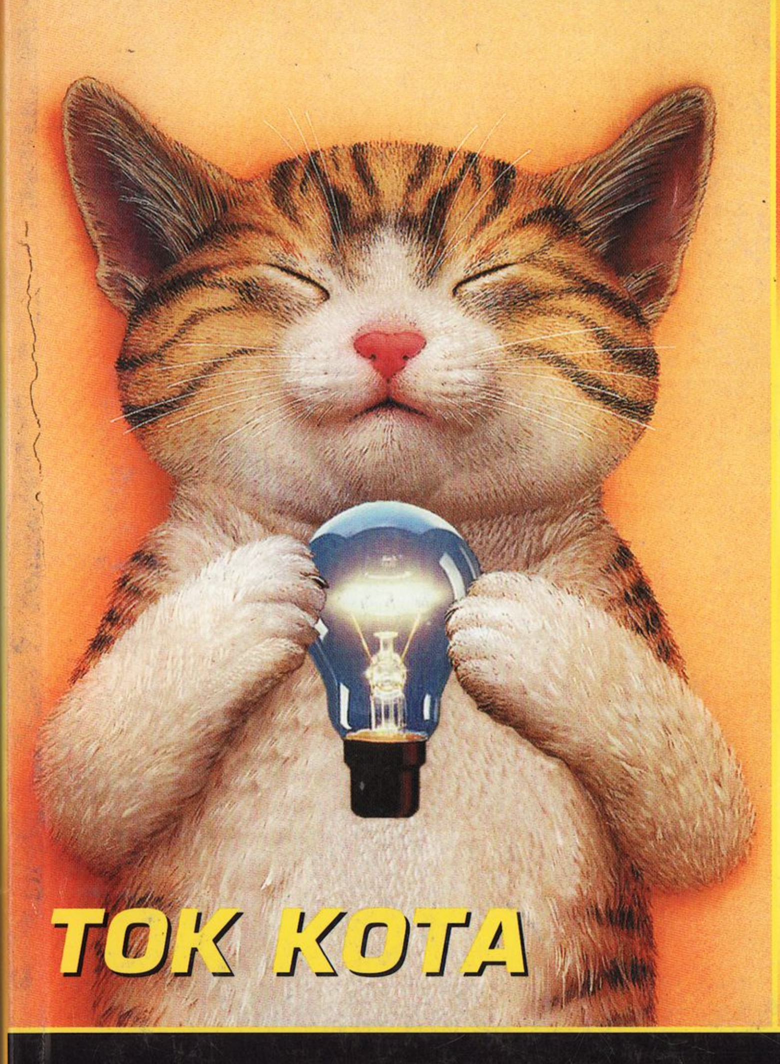
ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ #2 '03

ГРОМОВ

КАЛУГИН

ДИШ

ОРЛОВ

КОПЫЛОВА

СИЛИН

ОБРУЧЕВЫ

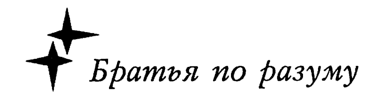
БЕРЕЖНОЙ

КОГДА ДВЕ ГОЛОВЫ - ЛУЧШЕ?

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

журнал фантастики # 2 '03

Содержание

Братья по разуму

Главный редактор *Александр Ройфе*
Редактор *Василий Мельник*
Издатель *Игорь Огай*

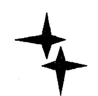
Над номером работали: Сергей Кабанов, Алевтина Горева, Александр Набоков. **Использованы фотографии** Д.Новикова (Митрича). **На обложке** – компьютерный монтаж с использованием работы У.Бенскотера «Удовлетворенность».

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-3212 от 20.04.2000. Лицензия ИД № 02440 от 24.07.2000. Юридический адрес: 143400, Московская область, г. Красногорск, ул. Ленина, 53.

Почтовый адрес редакции: 143400, Московская область, Красногорск-8, а/я 105. **Тел./факс** 563-55-54. **Электронный адрес:** starroad@rusf.ru. **Интернет:** www.rusf.ru/starroad.

Подписано в печать 20.01.2003. Формат 60x88 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1500 экз. Зак. № 328.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»: 140010, г. Люберцы, Октябрьский просп., 403. Тел. 554-21-86.

Комиссия по контактам

И снова мы с вами, уважаемые читатели фантастики! Рады предложить вашему вниманию очередной номер. А открывает его письмо Валерия Окулова, поклонника фантастики со стажем из города Иваново (печатается с сокращениями).

В предисловии к своей книге «Что такое фантастика?» один из крупнейших отечественных литературоведов XX века Ю.И.Кагарлицкий написал почти 30 лет назад: «К фантастике можно подойти с разных сторон, и в каждом случае перед исследователем откроется богатое поле деятельности». Кто фантастику не уважает, тот вещает о ее перманентном кризисе и последние десятилетия со дня на день ждет ее «закономерной» кончины. На эти «заклинания» фантастика внимания не обращает! Но, к сожалению, не сбываются в современном мире и прогнозы ее апологетов – например, И.А.Ефремова, написавшего четыре десятилетия назад: «По мере все большего распространения знаний и вторжения науки в жизнь общества... НФ действительно умрет, возродясь в едином потоке большой литературы как одна из ее разновидностей (даже не слишком четко разграничиваемая), но не как особый жанр».

Хотя в сегодняшней России скорее пристало говорить о распространении невежества и безграмотности, при вторжении науки и техники XXI века (в виде Интернета и сотовой связи) в жизнь все же незначительной части социума научная фантастика действительно почти умерла! Об этом в последнее время писали Д.Володихин («Как много разговоров о вымирании НФ...»), П.Амнуэль («В современной русской фантастике новые идеи не нужны никому...»), С.Лукьяненко («Перевес фэнтези над НФ – симптом тревожный...»). Но о начале ренессанса НФ как разновидности «большой литературы» говорить всерьез никак невозможно. Феномен Пелевина, не только ставшего лауреатом десятка фантастических премий («Бронзовая Улитка», «Странник», «Великое кольцо»...), но также отмеченного «Малым Букером» и немецкой Премией им. Шенфельда, – он и есть феномен!

Права Ольга Славникова: «Когда сюжет в мэйнстриме пошел на убыль, продвинутые авторы постановили себе брать все, что плохо ле-

жит. В первую очередь полем литературной игры стали детективы, во вторую – фантастика». Так появились «Охота на ясновидца» Анатолия Королева, «Голубое сало», «Пир» и «Лед» Владимира Сорокина, «Укус ангела» Павла Крусанова... Но дело-то в том, что авторам подавляющего большинства подобных постмодернистских сочинений еще надо доказывать их принадлежность к «высоким» жанрам!

Сергею Алексееву и Юрию Козлову, в фантастах также вроде бы не числящихся, причастность своих мистических триллеров и геополитических фантазий к мэйнстриму доказать будет трудно... Они и не собираются что-то доказывать, их книги и так пользуются спросом у определенной части российского общества. Пусть себе критики вещают о смерти литературы, романы «определенного уровня обслуживания» всегда в ходу.

В 90-е годы прошлого века произошло не только явное расслоение, но и некоторая «варваризация» общества, литература же стала заложником коварной цепи: автор – издатель – продавец – читатель. Кто в жесткой игре участвовать не захотел – списан в расход! Под ливнем рекламных помоев недоразвитого общества потребления приоритеты читателей изменились, а каковы «думы», таковы и «властители дум»! Это верно и для мэйнстрима, и для фантастики – «очень корпоративного, вполне жизнеспособного организма» (Вл. Березин). Вот и А.Столяров совсем недавно написал в «Октябре», что фантастика как «литература коммерческая, очень лабильная» (к которой он, конечно, никакого отношения не имеет) отвечает на интуитивные пожелания общества. Например, современные фантасты России практически не пишут о будущем, будущим они не интересуются, а почему? По Столярову: «Будущего у нас пока нет!»

В целом в нашей фантастике наблюдается большая разноплановость и разнокалиберность. Что может быть общего между А.Казанцевым и братьями Стругацкими, В.Головачевым и Е.Лукиным, А.Бушковым и С.Лукьяненко?! Только то, что все они используют форму отображения мира, при которой создается «чудесная» картина Вселенной. Распространена эта форма в мифологии, фольклоре, искусстве... И в «научной фантастике», условно подразделяющейся на утопию/антиутопию, философскую, бытовую, юмористическую, техническую и т.п.

Есть еще только один вид искусства, объединяющий столь разнообразные подвиды и подгруппы, – цирк! Цирк включает в себя эквилибристику, акробатику, иллюзионизм, музыкальную эксцентрику, клоунаду и даже представления лилипутов! Можно ли анализировать состояние циркового искусства «в общем», смешивая в кучу акробатов, клоунов и лилипутов? Ясно, что нет! А можно ли анализировать в общем состо-

яние фантастики? Пожалуйста! Еще Ю.И.Кагарлицкий писал: «Литература – область, где нетрудно заметить большое разнообразие оттенков, но реальная картина развития создается не тогда, когда все они зафиксированы, а когда выделены ведущие тенденции... Состояние литературы всегда определяется по крупнейшим ее представителям, а не по их подражателям, даже если имя им легион».

Но тут возникает вопрос: а как узнать, кто «крупнейший»? (Ведь в свое время замалчивали и разносили Лескова и Фета!) Евгений Лукин, один из лидеров философской и юмористической фантастики, за последние годы ставший лауреатом двадцати премий? Марина и Сергей Дяченко, за те же годы отмеченные десятком наград? Или все же Василий Головачев, Александр Бушков или даже Юрий Никитин, которые в наградных списках обычно не значатся, но книги которых, выходящие огромными (по нынешним понятиям) тиражами, на лотках и прилавках не задерживаются?

Павел Амнуэль, как-то предположивший, что НФ-премии определяют процесс развития жанра, годом позже сам назвал свое предположение «наивным» (в статье «Время сломанных велосипедов» в журнале «Если»). А на последующих страницах того же номера Евгений Лукин (в статье «С приветом из 80-х!») заявил, что всю жизнь добивался «смерти НФ»! Что с помощью фантастики он лишь пытается разобраться в фантасмагории реальности... И что Амнуэль – почти что Казанцев!.. Чистый цирк и в критике! Сколько критиков – столько и мнений. Кто отмечает как «отрадный факт», что засилье фэнтези заканчивается; кто пишет, что в русской фантастике появляется интерес к метафизике личности, а социальная проблематика приедается; кто заявляет, что литерату-

Карикатура из фэнзина «Ansible»

ра качественно меняется, книги становятся лучше, литпроцесс стал ориентироваться не на заказ, а на потребность.

Еще в 1985 году в «Литературной газете» затеяли дискуссию на тему «Фантастика: зрелость или старость?». Похоже, к «зрелости» российская фантастика и через 17 лет не подошла, ведь зрелость – это прежде всего принятие противоречий! У нас же каждый выступающий (и только он!) всегда прав! Так что реальной картины состояния сегодняшней российской НФ получить не удастся – достаточно для этого и объективных, и субъективных причин... Бывшие когда-то почти аксиомами «постулаты Кагарлицкого» сейчас верны не все: можно еще согласиться с тем, что «чисто статистический подход к оценке современной фантастики и ее возможного влияния неверен в принципе», но с тем, что «влияние, относительно к своему объекту, серьезная фантастика оказывает много большее, чем окружающий ее океан бульварщины», согласиться сейчас уже никак невозможно. Времена, когда «фантастика в лице ведущих своих представителей была частью мирового литпроцесса», к сожалению, прошли... Похоже, возвращаются времена, когда вновь необходимо отстаивать «уникальность» НФ, пусть этим и подчеркивается ее «провинциальность».

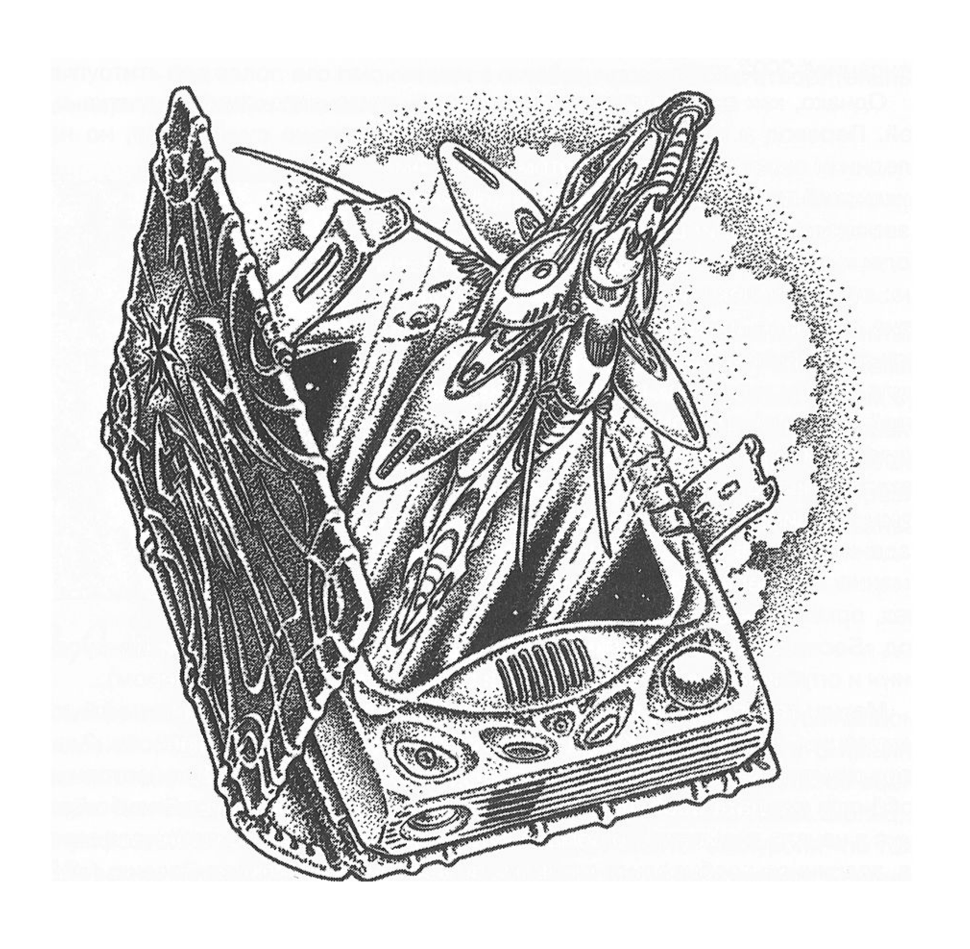
Необходимость «обновления» обусловлена даже рынком: вопрос, кого издавать дальше, – постоянен! И каждый редактор хочет угадать – на кого ставить. О том, куда может дрейфовать «Ф-архипелаг», мнения (естественно) разные. Вот А.Столяров пишет: «Как самой характерной чертой предшествовавшего периода было то, что наука в нем стала структурной силой, прямо влияющей на развитие, так основополагающая черта нового времени будет, вероятно, в том, что структурной силой станет культура» (ох, не верится...). А кто-то заявляет, что «свой» путь Россия прошла до конца, нечего выпендриваться, пора вставать на путь европейский! И «новая» идея – всего лишь в отказе от старых: даешь индивидуальность и свободу!

В отношении прогнозов (как литературных, так и общественно-политических) хорошо написал Николай Романецкий: «Десять лет назад казался незыблемым "фантастический реализм", как пятнадцать лет назад – существование Советского Союза!» Тем не менее от прогноза не удержался и сам Романецкий, предсказывая успех идейных приоритетов романтизма...

Культура – свобода – романтизм. Может, это и есть «триада успеха»? Черта с три! «Гротеск – это единственное, что остается от литературы в веках». Так писал Пруст (по словам Валерия Попова). Гротеск – единственный стоящий номер в фантастическом цирке!

Валерий Окулов

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ

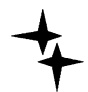
30/XII Обнаружена неизвестная рукопись Толкина

Оксфорд. За день до Нового года средства массовой информации облетела сенсационная новость о том, что обнаружена неизвестная рукопись Дж. Р.Р. Толкина – прозаический перевод древнеанглийской героической саги «Беовульф» и построчный комментарий к ней. Рукопись якобы обнаружил профессор Уитонского колледжа (город Нортон, шт. Массачусетс) Майкл Драут: он разыскивал в оксфордской научной библиотеке заметки Толкина о «Беовульфе», ему вынесли большую картонную коробку, на дне которой он и наткнулся на 2000-страничный манускрипт. Новостные агентства и информационные сайты поспешили назвать эту находку «важнейшей издательской сенсацией 2003 года»...

Однако, как выяснилось неделю спустя, сенсация оказалась слегка дутой. Перевод и комментарий Толкина действительно существуют, но наследники писателя всегда об этом знали. Американский профессор и вправду обнаружил неизвестную рукопись создателя «Властелина Колец», но в ней не 2000 страниц, а куда меньше: это текст лекции, которая была опубликована в начале декабря под названием «“Беовульф” и критики». А предновогодняя истерия была не чем иным, как грамотной пиар-кампанией, первым этапом «раскрутки» будущего двухтомника (в одном томе планируется напечатать перевод саги, в другом, соответственно, комментарий). Хотя нельзя не признать, что это издание будет весьма любопытным: как-никак, именно из «Беовульфа» Толкин узнал об эльфах, орках и энтах (кстати, поэтический перевод «Беовульфа», выполненный лауреатом Нобелевской премии Шимусом Хини и опубликованный в 2000 году, в свое время стал бестселлером).

Между тем поклонники Толкина, число которых благодаря удачной экранизации «Властелина Колец» растет в геометрической прогрессии, 3 января отметили 111-ю годовщину со дня рождения писателя. Для настоящих хоббитов эта дата особенная: именно ее так пышно празднует Бильбо Бэггинс в начале знаменитого романа. Чтобы поднять бокал за любимого автора, толкинисты собирались в пивных по всему миру, включая Россию ***(«ЗД-информ»)***.

3/I С автора фэнтези сняты уголовные обвинения

Хилдсбург (шт. Калифорния). Суд округа Сонома за недостаточностью улик освободил от уголовного преследования Майкла Ши, американского писателя, создателя фэнтезийной трилогии «Тощий Нифft», «Копи Бегемота», «А'Рак» (первая часть трилогии в 1983 году получила Всемирную премию фэнтези в номинации «Роман»). Ши обвиняли в попытке похищения 11-летнего мальчика, однако приметы нападавшего, сообщенные полиции этим мальчиком, не совпали с приметами писателя, за исключением одной – шрама на левом предплечье. Именно из-за нее полиция арестовала Ши неподалеку от парка, в котором произошло нападение. Чтобы писателя могли выпустить под залог, его поклонники в октябре провели благотворительный концерт джазовой и блюзовой музыки ***(«ЗД-информ»)***.

7/I Новым Грандмастером стала Урсула Ле Гуин

Честертаун (шт. Мэриленд). Президент Ассоциации американских фантастов (SFWA) Шарон Ли объявила о том, что на церемонии вручения премии «Небьюла», которая пройдет в середине апреля, новым Грандмастером будет названа Урсула Ле Гуин, автор тетралогии «Волшебник Земноморья», романов «Обездоленные», «Левая рука тьмы» и «Другой ветер». Это решение принято правлением SFWA вместе с ныне здравствующими экс-президентами ассоциации. Между прочим, звание Грандмастера не присваивалось с 2000 года, когда им стал Филип Хосе Фармер ***(«ЗД-информ»)***.

8/I Толкинистов позвали в ЮАР

Блумфонтейн (ЮАР). Власти этого города, вдохновленные многомиллионными сборами фильма «Властелин Колец», вспомнили о том, что именно здесь родился Дж. Р.Р. Толкин, и решили зазвать к себе туристов со всего мира. Как сообщил представитель местной администрации Марк Шольц, в Блумфонтейне поставят статую писателя и будут водить экскурсии «по толкиновским местам» (дом семьи, могила отца, собор, где крестили Профессора). Планируется также ежегодно устраивать литературные фестивали и

выпускать почтовые марки «на тему». Что ж, неплохой бизнес-план, хотя до создания «министерства по делам Средиземья», как в Новой Зеландии, дело вряд ли дойдет ***(«ЗД-информ»)***.

15/I Объявлена дата выхода пятого «Поттера»

Лондон. Издательства «Scholastic» и «Bloomsbury» обнародовали дату выхода пятой книги о Гарри Поттере («Гарри Поттер и орден Феникса»): в США, Великобритании, Канаде и Австралии это случится 21 июня, то есть накануне главного языческого праздника – Иванова дня. Как стало известно, пятый роман на треть длиннее предыдущего, который вышел почти три года назад. Обнародовано также два микроскопических отрывка из будущей книги. Вот один из них: «Дамблдор опустил руки и внимательно посмотрел на Гарри через свои очки-полумесяцы. “Пора мне, – сказал он, – рассказать тебе то, что я должен был рассказать пять лет назад. Пожалуйста, присядь. Я намерен рассказать тебе всё”».

В онлайновом книжном магазине «Amazon», который начал принимать предварительные заказы на пятого «Поттера», за два часа продаж еще не вышедшая книга возглавила список бестселлеров. А всемирная книготорговая сеть «Barnes and Noble» уже сообщила о том, что будет продавать этот роман начиная с 0 часов 21 июня. Тем же, кто читает по-русски, придется чуть-чуть подождать: издательство «Росмэн» выпустит книгу только к концу года ***(«ЗД-информ»)***.

18/I Умерла вдова Хайнлайна

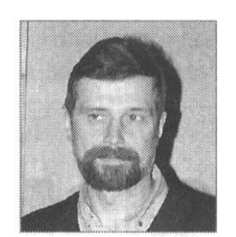
Атлантик-Бич (шт. Флорида). В возрасте 86 лет в местной больнице скончалась Вирджиния Хайнлайн, вдова Роберта Хайнлайна, одного из самых известных фантастов всех времен и народов. В больнице она находилась с октября – после того, как упала и сломала бедро.

Долгие годы Вирджиния была преданным помощником и первым читателем книг своего супруга. После его смерти (1987) благодаря ее усилиям увидела свет автобиографическая проза Хайнлайна, а также авторский вариант романа «Чужак в чужой стране». Как свидетельствовал Айзек Азимов, именно после женитьбы на Вирджинии Роберт из левого либерала превратился в человека консервативных взглядов и начал отстаивать в своем творчестве традиционные западные ценности ***(«ЗД-информ»)***.

ОЖЕРЕЛЬЕ МИРОВ

Александр Громов

ТОЛСТЫЙ, ЛЕНИВЫЙ, ОПАСНЫЙ

Александр Громов, лауреат всевозможных фантастических премий, автор романов «Год Лемминга», «Тысяча и один день», «Завтра наступит вечность», слывет самым большим пессимистом в нашей фантастике. Какие только напасти он не обрушивал на бедное человечество, и самое ужасное, что его прогнозы имеют свойство сбываться. Написал, к примеру, о затоплении Европы — и пожалуйста, в странах ЕС разразилось наводнение... Рассказ «Толстый, ленивый, опасный» (он должен войти в антологию «кошачьей фантастики», которую намерено выпустить издательство «АСТ») сам автор считает добрым. По крайней мере, концовка у него хорошая. Хотя, по достоверным сведениям, Александр Громов с большим трудом удержался от того, чтобы закончить этот рассказ фразой про счетчик Гейгера...

А кот спросил:
— Умеешь ли ты выгибать спинку,
мурлыкать и пускать искры?
Ганс-Христиан Андерсен

1

Он мяукал так тихо, что я ни за что не услышал бы его жалобы сквозь дверь, если бы не вышел проверить почтовый ящик. Более того, я едва не наступил на него всем весом и только в последний момент каким-

то немыслимым финтом увел ногу в сторону. Едва не упал, между прочим.

Котенок. Недель четырех-пяти от роду, не больше. Внешность – обыкновенная, мяв – жалобный.

Я бы даже сказал – плач, а не мяв. Котенок плакал, как плачут все котята-сироты, безостановочно и безнадежно. На меня он никак не отреагировал, как видно, не имея оснований верить в людскую доброту. Он был прав. Кому нужен беспородный приблудный котенок, серый в полосочку? С родителями ему не повезло: не были они ни персами, ни сиамцами, ни шибко ценимыми почему-то бесшерстными уродами. Впрочем, на таком холоде бесшерстный котенок уже умер бы. Если предположить, что он, такой ценный, вообще оказался бы на холоде, что вряд ли.

Этот был подзаборник. И сын подзаборника. А может, дочь.

– Дверь прикрой, дует, – крикнула Люся.

Мы с женой живем на первом этаже, более того, наша дверь ближайшая от двери парадного. Когда на улице холоднее минус двадцати, грязный снег, принесенный на ботинках жильцов, лежит возле нашей двери и не тает.

Ежась на морозном сквозняке и проклиная слабосилие Гольфстрима, плохо греющего наши края, я проверил ящик – ничего, кроме рекламных листков. Ожидаемого извещения о почтовом переводе некоей суммы от журнала «Юный оккультист» за статью, вышедшую еще два месяца назад, там не оказалось.

Сказав по адресу редакции несколько теплых слов, я вернулся. Котенок мяукнул в пространство, по-прежнему игнорируя меня. Что было уж совсем удивительно – сидя на обледеневшем резиновом коврике, он равно игнорировал струю тепла, идущую из приоткрытой двери!

«Стоик», – подумал я.

– Мя! – согласился котенок.

– Что же мне с тобой делать, а?

– Мя!

– Ты уверен?

Кажется, он был уверен в том, что я либо дурак, задающий глупые вопросы, либо скотина, вздумавшая чесать язык, вместо того чтобы помочь. И в том, и в другом случае я не стоил его внимания.

– Мя-а-а! – вывел он, отвернувшись от меня.

– Ладно, стоик. Иди грейся.

Мне пришлось взять его на руки: задняя половина тела у него не действовала.

– О! – сказала жена. – Это зачем?

– Просто так. Видишь, у него задние лапы отмерзли. Пусть погреется. Где моя старая ушанка? Ну та, которую ты все время выбросить грозишься. Доставай, пришло ее время.

– Ну зачем нам котенок? – атаковала Люся.

– Тебе его не жалко? – спросил я.

– Жалко. Только вот в чем дело: кошка в течение своей жизни может произвести на свет сто – сто двадцать котят. Слониха – максимум двенадцать слонят. А луна-рыба запросто выметывает сто миллионов икринок. Многие ли из них вырастут и дадут свое потомство? В среднем во всех случаях – две особи!

Вообще-то Люся товаровед, но когда-то окончила биофак.

– Значит, девяносто восемь котят из ста гибнут во младенчестве, так?

– Меньше. Ты забываешь о кастрированных, стерилизованных и вообще о тех, кто почему-либо не участвует в размножении. Благодаря человеку, между прочим. Но большинство гибнет, это факт. И это хорошо. Если бы все выживали... бр-р, кошмар!

– Мя! – не согласился котенок.

– Этот выживет, – категорически заявил я. – Где шапка? Почему у нас в доме ничего нельзя найти?

Ворча, что и от дворовой блохастой фауны есть некоторая польза в смысле утилизации всякой дряни, заполонившей квартиру, жена достала с антресолей мой старый треух. Я пристроил его под батарею – сиди здесь, кошарик! – и совершил налет на холодильник. Налакавшись сливок, котенок немного поурчал, завернулся сам в себя и заснул.

– Он кот или кошка?

– Я толком не разобрал, – сознался я. – Кажется, кот.

– Ну и что ты с ним будешь делать? – резонно спросила Люся. – Ты же знаешь, у меня аллергия на шерсть.

– Только на собачью.

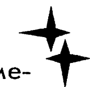
– А если окажется, что и на кошачью тоже?

– Может, еще не окажется, – успокоил я. – Пусть хотя бы до весны поживет. В крайнем случае, весной выпустим.

– Выгоним вон, ты хочешь сказать? – немедленно уточнила жена.

Изо всех сил сдерживаясь, я попросил ее точно определить, чего же ей все-таки хочется – убить зверушку или спасти?

Когда вопрос ставится так, ответ очевиден. Я заранее знал, что по весне всякий намек с моей стороны на то, чтобы выгнать котенка, Люся воспримет в штыки.

– Пока оставим, а? – окончил я примирительно. – Мне он не помешает.

Надо сказать, что мое основное занятие, как правило, не требует перемещений из домашнего уюта на службу и обратно. Читали, небось, астрологические прогнозы во всякого рода журнальчиках? А брошюрки со знаками зодиака на обложках? Некоторые из этих брошюрок написаны мною. Иногда я еще строчу популярные статейки по астрологии, в коей слыву авторитетом средней руки. Это очень просто и вовсе не противно. Я давно понял: обмануть можно только того, кто сам хочет быть обманутым. А раз вам этого хочется – пожалуйста, я к вашим услугам. Дело простое, если на столе у вас стоит компьютер с двумя-тремя специфическими программами, а рука насобачилась выводить обтекаемые фразы.

Одним словом, днем я остаюсь дома и могу сколько угодно присматривать за котенком, мешая ему драть когтями обои или висеть на шторах. Почти без отрыва от гороскопов.

– Как хочешь, – холодно согласилась жена.

Утром котенок ожил – как видно, отогрел под батареей отмороженные задние лапы. Одобрительно поурчал, увидев блюдечко со сметаной, поел, наскоро вылизался и принялся исследовать квартиру. Обошел ее по периметру, понюхал там и сям, этим и ограничился.

– Да, ты не исследователь, – сказал я ему. – Кто ты есть, я еще не понял, но уж точно не Пржевальский. Подзаборник ты. Гекльберри Финн. Айда мыться.

Почти для всякого кота мытье с мылом сродни пытке. Я заранее настроился на истошный мяв и приготовил зеленку, чтобы смазать царапины на руках. Ничуть не бывало: мои руки остались неповрежденными, а котенок вел себя флегматичнее плюшевой игрушки. Раза два я даже встряхнул его, чтобы убедиться, что он не захлебнулся.

Разумеется, я искал на нем блох, намереваясь если не истребить их всех за один раз, то хотя бы проредить их поголовье. К моему удивлению, паразитов не оказалось. Ну, положим, блоха – тварь шустрая, может удрать в шерсть и ищи-свищи ее там, но кладки блошиных яиц бегать не умеют, это достоверный факт. Они заметны даже на ощупь – если они вообще есть. А тут их не было! Ни одной.

Я мог бы и раньше догадаться об этом. Все бродячие котята, встречавшиеся мне до сих пор, усиленно чесались. Мой полосатый гость не почесался еще ни разу.

Выходит – что? Он рожден домашней ухоженной кошкой, и какой-то гад выбросил его за дверь? К такому заключению я пришел и держался его целых несколько часов.

О, как я ошибался!

Завернув мокрого котенка в тряпку, я отнес его сушиться под батарею, а сам засел за составление прогноза для знаков Скорпиона и Стрельца на следующую неделю. Скорпионам полагалось нишкнуть, не проявлять инициативы в любых делах, избегать дружеского общения, деловых встреч, долгосрочных контрактов и сексуальных контактов. Стрельцам же, напротив, расположение планет сулило море по колено и успех во всех начинаниях при условии, что оные начинания будут тщательно продуманы. Обеспечив себе таким образом «задний ход», я сбросил файл на хард-диск и пошел проведать сохнущего.

Он уже обсох и выглядел примерно как Квазимодо после года в фитнес-клубе. Что нельзя было исправить, то и не исправилось, зато шерсть выглядела великолепно. Если не считать ее окраса, в котором после мытья проявился желтовато-коричневый оттенок.

– Мя! – очень серьезно сказал котенок. Где, мол, обед? Неси!

Лакая сметану, он уже не урчал и вообще принимал все как должное. Он и не думал канючить, клянчить, тереться о ногу и благодарить за подачку. Пришло время приема пищи – надо ее принять, вот и все. Как правило, кошки насыщаются со спокойным достоинством, иногда позволяя себе помурлыкать, если пища хороша. Этот подзаборник меня удивил. Вылизывая блюдечко розовым язычком, он ничем не выказал своего удовольствия. Он не вкушал – он *заправлялся*. Как механизм. Заправившись – задрал вверх тощий хвостик-морковку и с независимым видом прошествовал мимо меня. Послеобеденный моцион, значит.

У кошек вообще проблемы с благодарностью, но это было уже слишком. Хоть бы разок мурлыкнул в знак признательности! Я наклонился и протянул к нему руку, еще не решив, действовать ли мне пряником или, напротив, кнутом, то есть погладить наглеца или оттаскать за ухо. Я всего-навсего прикоснулся к нему.

Лучше бы я сунул пальцы в электророзетку. Раздался сухой треск, и я взвился в воздух, тряся онемевшей кистью. Вот это искра! Вот это заряд!

Всякому котовладельцу известно, что кошачья шерсть электризуется при поглаживании или, допустим, если кот привык греться на включенном телевизоре. Была бы сухая шерсть, а уж накопить статику она сумеет.

Но не в таком же, едрена-матрена, количестве!

Через полчаса я пригладил стоящие дыбом волосы и вообще пришел в себя настолько, чтобы повторить эксперимент, – и снова получил удар, правда, уже слабее. Еще через минуту я сумел погладить ко-

тенка – без всякого удовольствия и сквозь отчетливый электрический треск.

– Ну то-то, – сказал я и оставил разрядившуюся зверушку в покое. Меня ждали великие дела – гороскопы на неделю для Козерога, Водолея и Рыб. Первым я порекомендовал не упустить важную информацию из-за рубежа и посулил романтическое знакомство; вторым обещал зависть коллег и предостерег от мотовства в будущую пятницу; третьих заверил в том, что их трудолюбие обязательно воздастся им сторицей когда-нибудь потом, когда рак свистнет. Не зодиакальный Рак, а обыкновенный, речной.

Покончив с этим делом, я вспомнил о котенке. Он устроился в кресле, не делая никаких попыток точить когти о мебель и обои. Ну просто образцовый домашний котяра. Будущий пуфик.

Только бледнолицый способен дважды наступить на одни и те же грабли. Я прикоснулся к нему.

– Теперь мне понятно, почему тебя мамаша бросила, – сообщил я котенку, кончив трясти рукой и изрыгать проклятия.

Он только зевнул в ответ – открыл, мол, Америку!

По дороге с работы жена купила кошачий лоток, две пластмассовые миски мерзкого желтого цвета, целый пакет какого-то специального комбикорма для котят с желудком не больше наперстка и огромный флакон антиблошиного шампуня.

– Вымой этого неряху.

– Уже мыл, – доложил я. – Блох нет. Если и были, то давно сдохли от электрошока. Лучше бы ты купила пару флаконов антистатика.

– Шутишь?

– А ты его погладь.

Она попыталась. Ее вопль и балетный прыжок напугали и меня, и котенка.

– Он током дерется!

– А что я тебе говорил?

– Ты? Ничего ты не говорил! Сказал «погладь», я и погладила! Ты нарочно надо мной издеваешься, да? Нарочно?

В общем, я же и оказался виноват.

Вечером я стал изобретать ему название. Конечно, следовало бы сказать «имя», но у электрофорных машин имен не бывает.

Традиционные варианты а-ля Барсик, Васька или Пушок были отвергнуты мною сразу. На аристократическое имя он не тянул по всем статьям. Для бандитской клички был слишком уж вальяжен. Я очень быстро понял, что нужное слово надо искать среди всего, что связано с электричеством.

– Назови его Динамо, – посоветовала из кухни Люся, грохоча кастрюлями.

Я отказался: имя как имя, но я вам не футбольно-хоккейный фанат какой-нибудь. Может, еще Спартаком котяру обозвать? Или Локомотивом? Ездовой кот Локомотив...

Был бы он ездовым – тогда да, пожалуй. Но ему и себя-то было лень таскать по квартире, не то что полезный груз.

– Тогда пусть будет это... как оно называется?.. Магнето.

– Угу. Турбина. Трансформатор. Электрочайник.

– А может, ты картошку почистишь? – агрессивно осведомилась жена.

Что у них с логикой, у этих женщин?

– Позже, – важно ответил я. – Не мешай и не встревай. Вот дам коту имя – тогда почищу.

Если хочешь сделать что-нибудь качественно, а не абы как – никогда не делай двух дел одновременно. Увы, даже лучшие из женщин не способны постичь эту нехитрую истину, а вид бездельничающего (с их точки зрения) мужа может довести их до белого каления.

Я решил сосредоточиться на одной задаче. Легко догадаться, что это была не картошка.

Может, назвать его Ампером? Или Вольтом?

Двусмысленность. Есть в океане подводная гора Ампер, на которой чуть было не нашли Атлантиду, а вольты – это не только единицы напряжения, но и какие-то особые выкрутасы, которые иногда выкаблучивают скаковые лошади. Вольты и курбеты.

Кулон? Как единица заряда это имя подошло бы котенку идеально, а как ювелирное украшение – ни в коем случае. Ну не был он похож на Кулона, и все тут!

Ом?

Георг Симон Ом, немецкий физик, автор одноименного закона, простого и обобщенного, а заодно и единица электрического сопротивления?

А что? Чем плохо?

– Ом! – позвал я.

Котенок соизволил отреагировать – шевельнул ухом.

– О-ом!

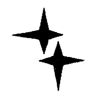
На меня уставился зеленый глаз. Котенок внимал.

И тихо потрескивал.

– Значит, договорились?

– Мя!

– Тогда дай лапу. Или нет, сначала я тебя заземлю...

2

Пришла весна, и в один из солнечных апрельских дней я спросил жену:
– Ну что, выпустим его?

– Кого?

– Ома.

Она задумалась.

– Бывает электрический скат, а у нас электрический кот, – продолжал я. – Мутант, наверное. Уникум, куда до него бродячим конкурентам. Давай спорить, что на воле он выживет.

– А если нет? – сейчас же спросила Люся.

– Есть второй вариант: он выживет нас. Из этой квартиры. Что тебе больше нравится? От него все ковры в статике и током бьют. Вчера меня так шарахнуло – темно в глазах стало. Вот заземлю этого поганца, раскручу за хвост и отправлю полетать в форточку...

– Не преувеличивай и отнеси его к ветеринару, – тоном приказа ответила жена.

На следующий день я заманил Ома в сумку и поехал в ветеринарную клинику.

– Что у вас? – спросил немолодой грузный ветеринар с седыми усами.

– Не у меня, а вот у этого...

Я вытряхнул Ома на стол.

– А у него что? А ну, иди сюда... кис-кис... Ох!..

Он только и успел сказать «ох», а выключился, я думаю, уже в падении. Ветеринара швырнуло в моем направлении, и он снес меня, как умело пущенная городошная бита сносит одним махом «тещу в окошке». Да еще и придавил собой.

Когда я выбрался из-под ветеринара, он слабо шевелился – жив! – однако не был способен ни на что другое. Мне пришлось привести его в чувство, слегка похлопав по щекам. А котенок-подросток как ни в чем не бывало сидел на столе и чинно умывался.

Больше всего меня удивляло то, что сам он, похоже, ничуть не страдал от инспирированных им электрических ударов. Что-то новое в физике.

А уж в физиологии...

Разумеется, в глазах ветеринара во всем виноват был я. Воздержусь от цитирования употребленных им выражений. Мне стоило больших трудов убедить местного Айболита в том, что он не является жертвой глупого и опасного розыгрыша.

– Как его зовут?

– Ом.

– А я думал – Распредщит. Ом, значит? – Ветеринар хмыкнул. – Не рой, друг, Ому яму.

Данным каламбуром и ограничился вклад ветеринарии в усмирение кошачьего электричества. Остальное нам с Люсей пришлось делать самим.

Мы покрыли наш прекрасный паркет специальным токопроводящим линолеумом, и я заземлил его на трубу отопления. Чуть позже я счел за благо тщательно заземлить компьютер, телевизор, микроволновку и, главное, холодильник с его огнеопасным хладагентом. Я заземлил все, кроме стиральной машины, которая и без того была заземлена. Я заземлил даже тостер.

Эти меры помогли. Правда, линолеум приходилось раз в два дня тщательно мыть с шампунем, чтобы он не терял токопроводящих свойств, зато Люся была довольна чистотой в доме. По ее словам, Ом был сущей находкой для дрессировки такого лентяя, как я. К тому времени я уже не мог избавиться от кота при всем желании: Люся души не чаяла в этом полосатом мерзавце и всегда держала под рукой резиновые перчатки на случай, если захочется его погладить.

Не баловать его? А вы пробовали воспитывать живой электрошокер, который запросто может незаметно подкрасться сзади и невзначай тронуть вас лапой?!

Не потереться о ногу, нет. Ом никогда не ласкался – он требовал и всегда знал, что добьется своего.

– Обед! – командовал он выразительным взглядом. – Почему задержка? Разгильдяйство! Выговор в личное дело!

Он жрал все: «вискас», макароны, мясные обрезки, кабачковую икру, ананасовый компот, курицу-гриль, гоголь-моголь, плавленые сырки, изюм, огурцы и кильку пряного посола. Он не отдавал предпочтения креветкам перед накрошенным в миску черным хлебом. По-моему, он был способен без вреда для здоровья поглощать картофельную кожуру и столярный клей. Главное – чтобы пища имелась в достаточном количестве, а остальное – несущественные мелочи.

Он лакал молоко, а когда я на пробу влил в его миску пива, не отказался и от этого напитка. Он лакал и темные, и светлые сорта, не отказываясь и от пива в смеси с молоком и огуречным рассолом. Свет не видывал еще такого неприхотливого кота! Он и валерьянку лакал с той же деловой важностью, не шалея и не пьянея. По-моему, вкусовые ощущения были ему неведомы. Он просто-напросто наполнял свой бак, как автомобиль на заправке.

С бензином и антифризом я не экспериментировал: все-таки кот не автомобиль. Да и я не Цезарь Борджиа.

Уж не знаю, какая доля поглощенных Омом калорий шла на выработку электричества, но думаю, что никак не меньше половины. Другой кот на его месте за один месяц округлился бы в арбуз на лапках — этот долго оставался тощим. Только на второй год жизни он как-то поладил со своей встроенной динамо-машиной и резко пошел вширь. Но до этого было еще далеко.

Имя? Котяра отзывался на Ома, но только взглядом и чутким поворотом ушей, причем быстро научился игнорировать провокационные восточные заклинания типа «Ом Рам» и «Ом-мани-падмэ-хум». Дураком он не был. Себе на уме — да, но какой кот хотя бы немного не себе на уме? И какой кошачий экземпляр не преисполнен самоуважения и неистребимого внутреннего достоинства? Спешить вприпрыжку на зов, виляя хвостом, словно шпиц позорный? Ага, разбежался. Кому нужен кот, тот пусть идет к коту и не слишком фамильярничает.

Составители гороскопов по натуре не исследователи («а жулики», добавляет Люся, но я считаю ее точку зрения излишне прямолинейной). Мне, например, никогда не приходило в голову составить свой гороскоп, а уж об Оме и говорить нечего. Прошло немало времени, прежде чем в мою голову забралась мысль проделать элементарный физический опыт. На сугубо школьном уровне.

Я немного помучил кота голодом, затем при помощи холодной котлеты заманил его в стеклянную кастрюлю, изолировав таким образом от пола. Касаться его шерсти голой рукой — увольте. Я набросил ему на полосатую спину предварительно заземленный кусок фольги. После чего разорвал заземление и подсоединил к месту разрыва лампочку от карманного фонарика.

Она зажглась. Слабенько так, тускленько. Едва-едва. Но все же это был ток, непрерывно вырабатываемый ток. Вот так в отсутствие заземления и накапливается заряд... Гм. А постоянен ли уровень тока?

По какому-то наитию я прицелился и изо всех сил щелкнул кота по уху.

Лампочка перегорела.

Ом даже не мяукнул — лишь вопросительно поглядел на меня: что, мол, за глупые шутки? Не стыдно обижать маленьких?

Мне не было стыдно. Мне было некогда, иначе бы я продолжил эксперименты — и как знать, на пользу ли самому себе? Но в то время я корпел над крупным заказом — рукописью книжонки с астрологическими прогнозами для всех и вся на будущий год, а потому, не располагая лишним временем, отложил все изыскания на потом. Ну генериру-

ет кот электричество, ну и что? Мешает оно мне? При случае заряжу от кота аккумулятор ноутбука. Если завтра власти выбросят лозунг насчет котофикации всей страны и электрификации всех котов, меня не зазовешь на митинг протеста. «Не рой, друг, Ому яму...»

Уговорили, не буду.

В середине мая я уехал на дачу и забрал Ома с собой. Пришлось купить для него специальный контейнер: я вовсе не желал получить удар током за рулем на оживленной трассе. Сначала кот протестовал, затем смирился и всю дорогу продрых в контейнере на заднем сиденье машины. Сюрпризы начались потом.

Птички-цветики, молодая травка. Все это слабо интересовало Ома. Он побродил немного за шмелем, сующим свой нос в каждый одуванчик, презрительно взглянул на скворца, вышмыгнувшего из дыры скворечника, зевнул во всю пасть и решил, что жить тут можно.

Птиц он не ловил, за мухами не гонялся, скачущих в траве лягушек преследовал только взглядом, и то нехотя. Инстинкта грозы мышей в нем не было напрочь – за все лето он так и не принес мне ни одной задавленной мышки, чтобы похвастаться и доказать свою полезность. Чаще всего его можно было видеть валяющимся где-нибудь на солнышке брюхом кверху, лапы врозь. Он всегда выбирал сухие, даже очень сухие места и после сытного обеда и солнечной ванны трещал искрами особенно громко. По-моему, его не только не смущал накопленный заряд – ему нравилось его накапливать! И чем больше, тем лучше.

Позже выяснилось, что кошки его тоже не очень интересуют. Люся до сих пор утверждает, что он все себе отморозил, еще когда сидел у нас под дверью на промерзлом коврике, но я так не думаю. Просто-напросто Ом был очень функциональный зверь, и амурные кошачьи шашни не вписывались в его жизненную функцию.

Оно и к лучшему, пожалуй. Если бы он передал свои гены потомству... Ой, не надо!

В первый же день на даче Ом познакомился с местными котами – громадным черно-белым авторитетом по кличке Рейхсфюрер и рыжим с обгрызенными ушами Гальюном, получившим свое позорное прозвище за случайное падение в выгребную яму. Когда эти двое встречались нос к носу, развитие ситуации можно было предсказать безошибочно: короткий концерт с нарастающей напряженностью вокала и последующая погоня Рейхсфюрера за Гальюном по грядкам и кустам. Так было и на этот раз.

Убежден, что Ом не хотел ничего дурного – он всего лишь решил полюбопытствовать, кто это несется мимо него с такой прытью и зачем.

Удиравший что есть духу Гальюн был котом взрослым и рослым – что ему какой-то юнец-недомерок? Даже не помеха. Не та весовая категория.

Неуловимый взмах лапы на бегу – и бедный Ом улетел в заросли молодого ревеня. С задним сальто и поворотом.

Дальнейшие события не заставили себя ждать. Ом был в бешенстве. Его зашвырнули в какие-то лопухи, и даже не в результате честной кошачьей драки – просто походя!

Честное слово, у него даже нос побагровел от злости!

Затем мой котик повел себя странно: негромко зашипел, прижал голову к земле, развратно отклячил зад и выстелил над спиною хвост, как скорпионье жало. Хвост стал толще по меньшей мере втрое – этакий гаубичный ствол, – и по нему с сухим треском пробегали бледно-фиолетовые разряды. Как волны.

Недолго это продолжалось. Жуткий мяв, короткий, как выстрел, заставил меня подскочить. И в то же мгновение со звуком упавшего на раскаленное железо плевка с Омова хвоста сорвался алый шарик.

Мало кому доводилось видеть шаровую молнию, а уж наблюдать ее рождение везло единицам. У меня волосы встали дыбом – в особенности когда мне показалось, что шарик, сердито жужжа, вильнул в мою сторону!

Рейхсфюрер с Гальюном чесали галопом и были заняты только друг другом. Алый шарик гнался за ними, огибая кусты, – сначала довольно шустро и даже догоняя, затем стал отставать и, как видно потеряв наводку, взмыл кверху и там взорвался. Словно зенитная ракета, промазавшая и ушедшая на самоликвидацию. Главное, с таким же оглушительным грохотом.

У соседей лопнуло стекло в парнике, а больше никто не пострадал, если не считать того, что у меня надолго заложило оба уха. У котов, полагаю, тоже. Во всяком случае, ни Рейхсфюрер, ни Гальюн с тех пор и близко не подходили к моей даче, а значит, и к Ому. Ему-то для полного счастья хватало небольшой территории, но что он считал своим, то было его, и точка. Все остальное – глупые шуточки. Шуточек он, как и все коты, не понимал, но твердо знал, что глупость наказуема, и поступал соответственно – наказывал.

Не рой, друг, Ому яму – этот тезис следовало зазубрить каждому, кто с ним общался.

Зато грозы он боялся до судорог и при первой вспышке молнии пулей летел в дом, где находил убежище под диваном. Умница, котик! Зачем притягивать постороннее электричество своим собственным?

Мне казалось, что в громоотвод, установленный поблизости на во-

донапорной башне, этим летом молнии били гораздо чаще, чем раньше. А соседский мальчишка, копавший червей для рыбалки в куче прелых листьев возле заземления громоотвода, возмущался: «Да что, блин, за блин?! Все дохлые!»

Я-то не видел в этом ничего необычного. Чем длиннее червяк, тем сильнее его шарахнет при разряде молнии на штырь. Как полагается убегать от шагового напряжения? Прыжками. Наши дождевые черви, к счастью, еще не мутанты и не циркачи, прыгать не обучены...

В мечтах я изобрел установку для утилизации атмосферного электричества и использования его в единой энергосети. Главной приманкой для молний был тщательно заизолированный Ом, а мне оставалось бы только стричь купоны. Воодушевленный, я даже скачал кое-какую информацию по молниям и налег на ее изучение. Увы, в денежном выражении полезный эффект от моего изобретения оказался ничтожным – не стоило и возиться. От огорчения я составил астрологические прогнозы для Рыб и Овнов самым простым и наиболее пакостным способом: взял прогноз конкурентов и садистски вывернул его наизнанку, перекрасив белое в черное, да еще подпустил могильной жути. Сидите и не рыпайтесь, рыбки и овечки. Я сказал. А если кто из коллег-конкурентов возразит, я заявлю ему в ответ, что он не специалист, а сявка, поскольку не учел в расчетах влияние затмения Япета Титаном и искривления хвоста кометы Джакобини-Циннера...

– Ай!.. – Я подпрыгнул чуть ли не до потолка и, падая обратно, ушиб лодыжку и искалечил стул. – ...! ...! ...!

Ом терпеливо ждал, когда я кончу изрыгать слова, значащиеся лишь в очень немногих словарях. С его точки зрения, он был ни в чем не виноват: всего лишь коснулся моей ноги, проходя мимо по своим личным делам. Подумаешь! А не расставляй где попало ноги!..

– За хвост раскручу, – злобно посулил я ему.

Кот выразил сильнейшее недоверие к моим словам. Я и сам себе ни на грош не верил. Раскручу? За хвост? Вот за этот самый хвост, с которого может сорваться красненький шарик? Нет уж, в крайнем случае найму для этого дела кого-нибудь другого и настоятельно посоветую ему застраховать свою жизнь... от стихийного бедствия, наверное.

3

Пятнадцатого октября в нашей квартире произошло убийство.

Как легко догадаться, убили не меня. И не Люсю. И даже не Ома – позволил бы он кому-то себя убить! Он убил сам.

Несмотря на первый этаж, решеток на окна я не ставил принципиально, подозревая в них смертельную ловушку на случай пожара, если огонь отрежет естественный путь через дверь. По этому поводу между мной и Люсей время от времени гремели словесные баталии: «Я же почти все время дома сижу!» – «Вот именно, что почти! Специально выберут время и влезут, когда тебя не будет!» Я отмахивался. Но права оказалась Люся, а не я.

Мои гонорары иной раз приходили по почте. Но чаще я ездил за ними сам.

Лучше бы я остался дома. Может, спугнул бы форточника и тем самым спас ему жизнь.

Ценности уцелели, зато компьютер погиб. Ну какая мне, скажите, разница, был ли он украден или вульгарно сгорел, завоняв всю квартиру едким дымом?

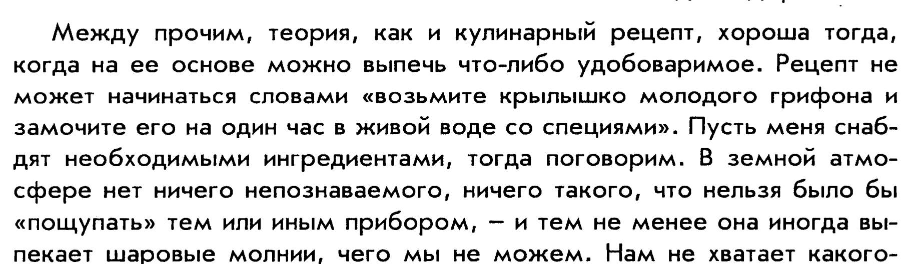
Когда я вернулся домой, вызванные соседями пожарные уже вовсю раскатывали свои шланги, намереваясь добить водой то, с чем не справился огонь. А на подоконнике среди битого и частью оплавленного стекла, чуть ниже вываливающихся из квартиры дымных пластов, как ни в чем не бывало сидел Ом и любовался природой, неодобрительно косясь зеленым глазом на людей в брезенте. Мне и сейчас страшно подумать, что бы он сделал с пожарными, посмей они снять его за шкирку или сбить струей из брандспойта! Одним словом, я явился вовремя. И лишь чуть-чуть раньше милиции.

Кто бы мне объяснил, почему именно я должен был отвечать на вопросы: как случилось, что лежащее на полу тело обуглилось, и оконные стекла расплавились, а занавески уцелели? Ах, паяльной лампы у вас не имеется? А где, позвольте узнать, вы держите огнестрельное оружие? Соседи определенно слышали очень громкий выстрел. Это был взрыв? Вы уверены? Тем хуже для вас...

В ответ я лишь наотрез отказывался сдать припрятанный пластит, толковал о непознанных свойствах шаровой молнии и кивал на Ома. Вы бы мне поверили?

Еще до того, как меня перестали изводить повестками, я записался в городскую библиотеку, а заодно прошелся частым гребнем по Сети. Я прочитал о сотнях случаев наблюдений шаровой молнии и заодно освежил в памяти печальную судьбу академика Рихмана. Ероша волосы и шевеля губами, я пытался вникнуть в путаные теории и описания лабораторных экспериментов, почти всегда громоздких, нередко дорогих и, главное, ни к чему не приведших.

Теории, теории... Газовые, электромагнитные, кластерные, даже термоядерные...

Между прочим, теория, как и кулинарный рецепт, хороша тогда, когда на ее основе можно выпечь что-либо удобоваримое. Рецепт не может начинаться словами «возьмите крылышко молодого грифона и замочите его на один час в живой воде со специями». Пусть меня снабдят необходимыми ингредиентами, тогда поговорим. В земной атмосфере нет ничего непознаваемого, ничего такого, что нельзя было бы «пощупать» тем или иным прибором, – и тем не менее она иногда выпекает шаровые молнии, чего мы не можем. Нам не хватает какого-нибудь завалященького крылышка грифона, о котором пока никому ничего не известно.

Единственное, что я вынес из своих изысканий, – статистику, говорящую о том, что шаровая молния чаще взрывается, нежели исчезает бесследно или распадается на куски без взрыва. Утешительное известие, нечего сказать! Значит, всякий раз, когда в мой дом залезет глупый вор... Почему-то я был убежден, что сгенерированная моим котом молния ни за что не захочет мирно погаснуть, не для того она создана. Нет, уж лучше я поставлю на окна решетки!

Но для начала мне пришлось сделать в квартире ремонт и приобрести новый компьютер. Удивительно, но Люся, примерная хозяйка, всегда крайне трепетно относившаяся к порядку в доме, ни словом, ни жестом не выказала неудовольствия разрушительной деятельностью полосатого поганца. В этом была своя логика. Разгром – плохо, но кража разорительнее, да и обиднее, а котик – молодец. Сторож и защитник. В отличие от мужа, который... ну, это неинтересно. Она закармливала Ома деликатесами, предусмотрительно держась от него подальше, когда он с барской ленцой шествовал к своей миске.

Ом жирел. Теперь он светился по ночам мягким синеватым светом и безостановочно потрескивал. Не раз он заваливался дрыхнуть на мониторе компьютера, и я не смел его согнать, поневоле обходясь ноутбуком. В квартире резко пахло озоном. Любой диэлектрик, от ковра до меховой шапки, нахватавшись электричества, норовил нанести мне оскорбление действием.

Друзья перестали заходить ко мне на огонек. После знакомства с Омом один из них долго лечился от внезапных головокружений, второй по сию пору заикается. Ушли в прошлое частые дружеские посиделки с пивом или коньяком: теперь они не нравились не только супруге, но и коту, что было гораздо серьезнее. Упреки можно не замечать, но попробуй проигнорировать удар током! Толстый, ленивый, наглый, смертельно опасный блюститель моей печени главенствовал в квартире, и Люся в нем души не чаяла.

Будь что будет! Железная решимость избавиться от полосатого му-

чителя зрела во мне с каждым электроударом. Однажды весенним утром, едва дождавшись, когда жена уйдет на работу, я заманил Ома в контейнер и увез километров за двести, где и выпустил. Гуляй, котяра! Прости, но жить тебе следует подальше от нас. Факт, что ты не пропадешь: коты-конкуренты будут бояться тебя почище свирепого волкодава. Адью!

Ох, какую я выдержал семейную свару! Разумеется, жена ни на минуту не поверила, что Ом удрал сам, соблазнившись весенними запахами и призывным мяуканьем уличных кошек. Несколько дней мы не разговаривали.

Постепенно все вошло в норму. Я привычно составлял гороскопы деловые, гороскопы здоровья и секс-гороскопы – короче говоря, не надрывался и не бедствовал. Свободного времени хватало на многое, в том числе и на то, чтобы подумать: как-то там Ом? Хорошо ли устроился на новом месте? И не собирается ли вернуться по примеру многих увезенных в дали дальние котов и кошек? Ох, не приведи Господи...

В июне, не помню какого числа, мелькнуло сообщение в теленовостях: в поселке Ухохлопово шаровая молния убила собаку. Жертвой оказался питбуль-медалист, а кто был виновником, я понял, едва нашел упомянутый поселок на карте области. Сволочной населенный пункт находился примерно на полпути к тому месту, где я выпустил кота!

Казалось, Ом предупреждал: «Внимание, иду на вы!»

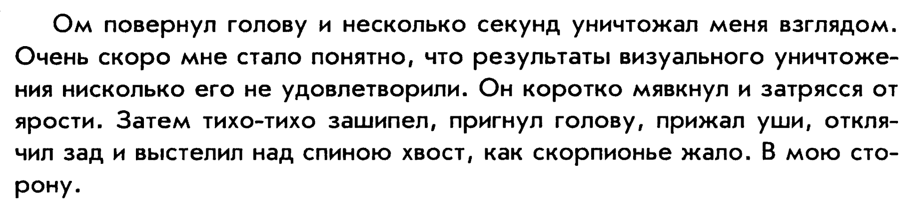
Я купил газовый пистолет и опробовал его на даче сначала на Рейхсфюрере, а затем на Гальюне. Срабатывало отменно. Мне было жаль ни в чем не повинных котофеев, по моей милости едва не отдавших Богу душу, но у меня было оправдание: я готовился к борьбе за свою собственную жизнь. Или Ом, или я, третьего не дано.

Я был убежден, что и для Ома это отнюдь не тайна. И морально готовился к бою не на жизнь, а на смерть. И содержал в порядке матчасть.

И все же встреча с Омом произошла неожиданно.

Не жить бы мне, если бы он первым увидел меня. Но он, грязный, исхудавший и яростный, сидел на жухлом газончике перед нашими окнами, тянул жутковатое «мя-я-а-а!», хлестал по траве хвостом, громко трещал разрядами и вызывал меня на честный бой. Честный – с его точки зрения. У меня не было шаровой молнии, как не было и атавистического хвоста, с которого она могла бы сорваться. У меня с собой не было даже газового пистолета – оставил дома! Вышел, как водится, за хлебушком...

Тихо-тихо я попятился назад. Наверное, недостаточно тихо.

Ом повернул голову и несколько секунд уничтожал меня взглядом. Очень скоро мне стало понятно, что результаты визуального уничтожения нисколько его не удовлетворили. Он коротко мявкнул и затрясся от ярости. Затем тихо-тихо зашипел, пригнул голову, прижал уши, оттопырил зад и выстелил над спиною хвост, как скорпионье жало. В мою сторону.

Сколько раз я презрительно смеялся над персонажами киноужастиков, пригвожденными к месту непреоборимым страхом! Им бы действовать — драться или бежать, — а они, поскуливая, отдают себя на растерзание жвалами или безропотно подвергаются какому иному членовредительству. Пошлый киношный штамп! И уж само собой разумеется, я не верил, что страх может пригвоздить к месту и меня!

Мышцы не слушались. Я уподобился дереву, неизвестно зачем пробившемуся из асфальта. Неужели только для того, чтобы разъяренный котяра угробил меня светящимся шариком, пока не объясненным наукой?

Какой там шарик! Шерсть на коте встала дыбом, по ней бегали разноцветные сполохи, похожие на полярное сияние. Сухой треск разрядов слился в пулеметную очередь. Толстый, как полено, хвост, окруженный призрачным сиянием, выцеливал неподвижную мишень.

Не рой, друг, Ому яму...

Я хорошо видел, как сияние перетекало к концу хвоста, превращаясь в сердито потрескивающий, стреляющий искрами радужный шар. Отчасти это напоминало выдувание мыльного пузыря. Вот только пузырей таких размеров я еще не видывал.

Кот уже не шипел — он пыжился, вкладывая все силы в орудие мести. Сначала шар был не больше теннисного мяча, затем достиг размеров мяча гандбольного, баскетбольного, детского надувного шарика, баллона метеозонда... Еще минута — и вызревающая шаровая молния превзошла бы объемом монгольфьер.

А дальше? Не знаю, каких размеров чудовище хотел вырастить Ом, чтобы наверняка испепелить своего вероломного хозяина. С дом? С Землю? Быть может, он решил расправиться не только со мной, но и вообще со всеми двуногими, то и дело норовящими пнуть кота, раскрутить его за хвост, увезти черт знает куда и бросить, натравить питбуля?.. Наверное, он твердо знал, что дело его правое.

А я стоял, прикованный к месту, и смотрел.

Взрыва как такового не произошло — раздался лишь оглушительный хлопок, у меня заложило уши, а в доме со звоном осыпалось одно-единственное оконное стекло. Мое, кстати. Но это было уже неважно...

Ом лежал на боку. Он был мертв. Не обуглен, не обожжен – просто мертв. Даже шерсть на нем не пострадала. Только теперь его можно было без боязни взять на руки.

Кое-кто из соседей до сих пор считает меня извергом, уничтожившим кота взрывпакетом. Но это тоже неважно.

Не знаю, какие изолирующие прокладки могли перегореть в коте. Думаю, он просто надорвался, замыслив вырастить на мою голову боеприпас чудовищной мощности. И не рассчитал своих сил.

Я вырыл ему яму. Возле трансформаторной будки. Что еще я мог для него сделать?

Прошло время. Однажды из будки повалил густой дым, но я думаю, что на этот раз кот был ни при чем.

Недавно Люся принесла нового котенка. Он еще не приучился ходить в лоток, но это единственный его недостаток. Зато достоинств не счесть, и главное из них вот какое: когда я глажу его, то не отпрыгиваю с воплем, а ощущаю под ладонью лишь слабое потрескивание.

Слабое-слабое.

Полина Копылова

ПЛЕННИЦА ТАМПЛИЕРА

У Полины Копыловой нетривиальная литературная судьба. Ее первой (и пока единственной) авторской книгой стал роман «Летописи Святых земель» (1997), победивший в школьном конкурсе, а потом случайно оказавшийся в издательстве «Азбука». Казалось бы, вышел один роман — начинай писать следующий. Но Полина выбрала другой путь. Она терпеливо копила житейский и литературный опыт, работала в периодической печати, писала стихи. А недавно вернулась в жанр с повестью «Virago», опубликованной в антологии «Сакральная фантастика». Ее новое произведение, которое «ЗД» печатает в журнальном варианте, парадоксальным образом сочетает в себе чувственные сцены и религиозные рассуждения. Неплохим эпиграфом к нему могло бы стать стихотворение самой Полины: «Привыкнув балансировать на грани / Между мирами, / Часто замирая, / Чтобы получше рассмотреть мгновение, / Порою / Шатаешься, как в бурю, / Стоя / Обеими ногами на земле».

Пустой большак огибал пологие холмы, как высохшее русло. Судия Бреон помнил такие со времен Первого Похода. Он поймал себя на том, что ждет чуда; боясь радоваться, строго поджал губы: чудо — не подарок, не праздник и не счастливый случай, чтобы его ждать или предполагать. Но волнение не слабло. Что за мальчишество в тридцать-то пять лет, после двух Походов, возведения в сан Судии и десяти лет законного брака?

Этельгард, верно, уже в пределе замка своей матушки: едет шагом — спешить некуда — и беседует с наперсницей. О чем бы? Тут он устыдился своего желания знать и вернулся к мыслям о том, что ему было поручено.

В донжоне — у самого цоколя — приготовлено узилище, холодное,

но сухое. Зимой туда можно поставить жаровню, летом сойдет и так. Постель – сенник и войлоки. Здесь же стол и скамья, чтобы есть не с пола и не с колен. Еда – с поварни замка. Для умывания и оправки подавать будет стражник. Одежду стирать и чинить – вместе с холопьей. Возможно, будут и поблажки, если заложница окажется смирной. А если нет – пригодится ножная цепь: ее укоротят на столько звеньев, сколько потребуется для укрощения ШъяЛмы, возлюбленной ШъяГшу, Снежного Тигра Гор. Ее прибытия он и ожидал в надвратной башне своего родового замка.

Конвойный отряд приближался ходкой рысью. Блестели шлемы, сверкали копья, облачной белизной сияли кот д'арм, меченые у сердца крестом. Едва стало возможно разглядеть лица, он высоко вскинул правую руку, приветствуя братьев по вере и оружию.

Въехали. Воины спешивались и кланялись; он принимал поклоны коротким кивком, глядя поверх макушек на кожаный возок. Возок был зашит. Внутри было тихо. Внутри было лихо. Судия Бреон невольно положил ладонь на рукоять меча. И возок стали распарывать.

Дратва поддавалась ножу с тугим треском. Наконец сверху донизу разошлась черная прореха, и в ноздри Судии ударила густая вонь – он аж переступил назад. Так воняло дерьмо и заживо гниющее мясо пленных горцев, которых они гоняли рыть землю и громоздить валуны вокруг зимнего стана в Первом походе. Так пахли их собственные нечистоты и плоть – когда во Втором походе раненых и покалеченных оказалось больше, чем здоровых, но ни у кого не поднималась рука нанести страдальцам «удар милосердия» и они, лежа на мокрой осенней земле, голосили и скулили, забыв молитвы. Лишь потом был изобретен особый усыпляющий яд...

Двое воинов, сморщась, рывком вывернули из возка тюк лохмотьев. Стиснув рот, сощурившись, Бреон нагнулся и толчком рук перевернул его. Звякнуло железо; тюк со стоном превратился в шелудивую оборванку. Ее руки и ноги были скованы. Судия онемел от ярости, потом с усилием разжал губы:

– Что вы мне привезли?

«Братья» понуро молчали.

– Это заложница. Заложниц полагается содержать пристойным образом. Вы превратили ее в грязную бессмысленную скотину. Кроме того, судя по всему, она больна. А ну как умрет?! – голос Судии язвил теплый воздух остриями льдинок. Хмурые воины хорошо знали цену его словам – многие лица покрыла бледность. Бреон этого не видел. Пересилив тошноту, он склонился над женщиной, а потом и вовсе опу-

стился на колени. Липкое от сошедших потов, словно бы смятое лицо. Возле глаз черно. Черен и рот.

– Раскуйте быстро! Сколько времени она была в возке?

– Три седмицы...

Едва стали возиться с оковами, она дернулась всем телом и разлепила веки. Судия встретил бессмысленный взгляд и сообразил, что может не знать наречия, на котором с ней нужно говорить. Он не владел горским. В его распоряжении были только родной язык равнины и святая вульгата.

Когда полумертвую заложницу подняли в верхние покои донжона и, как кожу с размякшей рыбины, сняли с нее лохмотья, Судию снова замутило. Узкая спина уложенной ничком на скамью ШъяЛмы была исполосована кнутом, и все шрамы гноились. Он отвернулся, мучаясь тем, что испытывает омерзение и презрительную жалость – словно к издыхающей суке – к женщине, чья краса, наверное, была неописуема, раз ее выбрал окаянный ШъяГшу. Такого ШъяЛма, даже обесчещенная, не заслуживала. Уложили пленницу не в узилище, а в гостевом покое. Возвратившись к себе, Судия написал супруге послание с настоятельной просьбой вернуться как можно скорее.

...Раскосые соски на слабых грудях, худые ребра, яма живота, ниже кочкой выпирает срамное – все тело изжелта-водянистое и квелое, как побитая заморозком груша... Бреон стиснул зубы. Ни одна из тех, кого при нем пытали воронкой, тисками или огнем, не стояла перед его внутренним взором так долго.

На другой день голубь принес из владений княгини Уты весть о том, что Этельгард спешно возвращается. И в тот же день ему сообщили, что заложница окончательно пришла в себя. Умерив, сколько смог, волнение, он вошел к ней.

Резкая до мурашек мысль: некрасива. И по крови явно не т'хоаргэ: такие лица (конечно, не столь изможденные) во множестве попадутся на любой городской улице. Это облегчило ему первые слова – приветствие и вопрос, на каком языке она предпочтет говорить.

– Я владею вашей вульгатой, – негромко прозвучало в светлом воздухе покоя, словно сам воздух и прозвучал. Неужели правда то, что ШъяГшу учит языки тех племен, которые намеревается покорить? И то же самое – в заводе у его... Кажется, горцы называют таких женщин – не жен и не наложниц – «спутницами», да.

– Очень хорошо, – улыбнулся Судия, радуясь, что теперь может по-людски сочувствовать благородной пленнице, а не жалеть... Он так

ретиво погнал стыдное воспоминание, что тряхнул головой, и старательно зачесанные назад волосы (из-за них он научился держать голову неподвижно и чуть закинутой) оказались на плечах. Волосами он гордился, их же и стеснялся: копна светлого золота любой даме на зависть.

– Вам сообщили, под чьим вы кровом?

– Да. Вы – Мирской судия Пресвитерианства. Я правильно титулую?

– До точки. А вы – Спутница Снежного Тигра Гор? – переложенное на вульгату, титулование прозвучало неожиданно значительно.

– Это – кратко. – ШъяЛма растянула уголки больших темных губ. Улыбка ее почти обезобразила. – Впрочем, это ли – предмет разговора?

– Нет, иное. Вы – заложница Пресвитера, я отвечаю за вас. Цена вашей жизни – мир между Пресвитерианством и ШъяГшу. Стоит ШъяГшу нарушить мир... – Судия смолк, прищурился. По движению ее подбородка понял: смысл недосказанного ей ясен. – А теперь скажите: кто так жестоко с вами обошелся?

ШъяЛма опустила глаза.

– Какая разница, Судия...

– Бреон. Обращайтесь ко мне по имени. Титулование положено только во время суда. Так кто?

– Князь Сигрид.

– Почему?

Она промолчала, как молчат, когда пожимают плечами, не зная ответа. Наверное, ей больно пожимать плечами и она усилием сдержала привычное движение.

– Я знаю Сигрида. У него крутой нрав. Но он не может назначить экзекуцию без причины. Скорее всего, вы его чем-то оскорбили, сами того не зная. – «Не зная – да и откуда ей было знать, – что Сигрид – мой брат». Бреон также не знал, почему не сказал ей об этом сразу. Как если бы хотел выглядеть в ее глазах лучше, чем был, – хоть он и не в ответе за суровость Сигрида. И он поспешил внести ясность: – Я и Сигрид – в близком родстве. Он мой младший брат.

Между ними словно дунуло сквозняком. Женщина сглотнула, зрачки ее скользнули в сторону.

– Поэтому я хочу знать причину его жестокости. Как брат его по крови и вере и как Судия над всеми мирскими братьями.

– Я посмеялась над ним... Бреон...

– И что стало поводом для смеха?

– Его лицо. Он обгорел на солнце, как мальчишка. Ему невдомек, что маски горцев – не для устрашения и не для защиты от сглаза.

Это объяснение чуть не довело Бреона до обиды за брата.

– Он погорячился. Надеюсь, добрый прием, оказанный вам здесь, загладит последствия его горячности. Моя супруга Этельгард приедет со дня на день. Вы будете под ее опекой...

Она слушала светловолосого варвара вполуха и отвечала машинально – пригодилась выученная в студенчестве латынь. Ее беспокоили еле слышные пока хрипы за грудиной. Ее зашили в возок, когда она свечкой оплывала в лихорадке. Вялая пневмония легко перерастает в туберкулез, который ничем здесь не взять. Стало тошно от страха. Надо пить молоко! И сырые яйца. И мед. И упросить – конечно, его, Бреона, а не его супругу, чтобы пускали хоть на стену... Нет, на стену не пустят. Да куда угодно, где солнце!

Снимая Этельгард с седла, ощущая в ладонях тепло ее чистой плоти, Бреон вдруг сообразил, что жена его будет опекать женщину, чьи груди и срамное он видел, как видел сосцы и петли своих гончих сук. Нет, он не может умолчать о том, что ему случилось увидеть заложницу голой. Иначе ее стыдная нагота будет между ним и Этельгард, как нечистая лигатура.

После трапезы они об руку отправились к заложнице – и перед каждым поворотом он думал, что сейчас легонько придержит жену за локоть и расскажет... Но так и не рассказал. Этельгард назвала заложницу «милая» и спросила, нет ли в чем нужды. «Благодарю вас, благородная дама, всего в достатке», – ответили губы ШъяЛмы. И этот правильный как будто ответ (именно так благородному пленнику отвечать и полагалось) прозвучал так, словно был вынут совсем из другого разговора.

Строгость Этельгард напоминала строгость отличницы, выбранной в старосты. Ее реплики были отработаны до последнего обертона. Вся в белом, со склоненным лицом нависающая над постелью, она была эффектна. Разумеется, от нее терпко тянуло недельным потом, а край головного покрывала лоснился: не стиран с тех пор, как вышит. ШъяГшу однозначно бы побрезговал. Для него наложницу мыли целый день. Впрочем, наложницы были до того, как птица угодила прямехонько в мотор ее «Цессны».

Ей повезло. Винт заклинило, но в штопор «Цессна» не сорвалась и, подчинясь сданному на «отлично» пилотажу, соскользнула по ровненькой глиссаде на тихие воды горного озерца. Воды было по пояс. Голубоватые камни на берегу сияли под солнцем, их тени были почти черны. Ни былинки. Она перевела взгляд выше, чтобы сориентироваться по контуру скального гребня. На узком карнизе стоял... тигр?

Матовый мех голубел в тон камню. Размытые серые полосы казались игрой света. А из-под пушистых подусников спускались сабельные клыки – их объемная твердая белизна резала глаза. Саблезубый... Поначалу изумление даже не дало ходу страху. Потом она стала пятиться по мелководью к притопленной «Цессне».

Саблезубый спустился – стёк – со скалы и встал у самой воды, приподняв переднюю лапу. Все ее сознание ушло во взгляд: говорят, если долго глядеть в глаза зверю, он в конце концов струсит. Видимо, тигр думал то же самое о людях. Потом сбоку, за пределами ее поля зрения, коротко простучал сорвавшийся камешек. Тигр повел грузной головой на звук.

Неровный стук сменился хрустом ускоряющихся шагов – по берегу быстро шел человек: длинные белесые волосы, облегающая блестящая безрукавка поверх тесной... водолазки? Но когда он приблизился, она разглядела, что безрукавка состоит из крошечных плоских колечек и под ней – узкая замшевая одежка. Лицо беловолосого было скрыто под расписной маской. Сквозь раскосые прорези в нее вперились прозрачно-серые, с кровянистым отливом глаза. И только в чем-то окончательно уверившись – она уловила, как потеряла напряжение его осанка, – он открыл лицо. Скуластое, резко выточенное, азиатское – при этом белобровое и нежно-розовое. Он был альбиносом. И она, помнится, подумала, что ему нельзя долго стоять на солнце.

– Шъя? – гортанно спросил он, как будто у него было перехвачено горло. Она попугаем повторила это «Шъя», скопировав интонацию и показав на себя.

– ШъяЛма? – увереннее протянул он.

Она почувствовала, что не стоит называть свое паспортное имя. И глазами выразила согласие.

– ШъяГшу. – Он склонил голову. Затем вскинул. Тигр подался было вперед. Резкий окрик уложил зверюгу на осыпь.

Имя, которым назвал ее альбинос, означало «Звезда Полудня». Его имя было – Снежный Тигр Гор.

– Она просит книгу, Бреон.

Судия обернулся к жене. На кончике его пера – он делал пометки в допросном пергаменте – налилась чернотой опасная капля.

– Книгу? Какую же?

– Она говорит – любую. Я в затруднении.

Бреон бросил перо в чернильницу. Он уже давно заметил, что Этельгард пребывает в затруднении относительно ШъяЛмы, не в силах понять, что у той на уме.

– Что же тут затруднительного? Пошли ей Священное писание и Анналы. Может статься, она проникнется учением Христовым и обратится. – Он поймал себя на том, что сказанное им звучит насмешливо, и подосадовал на себя.

– Чтобы она обратилась, с ней нужно вести беседы. Стоит поговорить об этом с отцом Лотарем.

– Не ранее, чем она все прочтет и выскажет свое мнение. – Судия уловил на лице супруги тень очередного затруднения и пообещал: – Я сам с ней побеседую.

Библия была как Библия – неподъемная, с золотой застежкой. Куда интереснее оказались Анналы. Как пояснила Этельгард (она, величаво нависая над постелью, говорила, а два прислужника сгибались под тяжестью фолиантов), их на склоне лет начал писать сам Пресвитер Иоанн. И с тех пор в Палату Пресвитера в Абе для сведе́ния многих монастырских летописей в Анналы каждая обитель Пресвитерианства ежегодно посылает летописца. Подлинные Анналы состоят более чем из пятисот фолиантов. А по замкам рассылаются «бревисы», подробность которых зависит от знатности заказчика. Наизнатнейшие могут заказать и полную копию – им ежегодно будут доставлять новый том. В замке Бреона эти пятьсот томов имелись – помимо прочих сведений они в изобилии содержали судебные прецеденты, которые он выписывал, намереваясь составить новую Судебную книгу. Но то, что дали ШъяЛме, было всего лишь емким «бревисом», который (чтобы не ворочать фолиантами) держали под руками, как справочник...

Ей надо было выяснить только одно: каким образом в параллельном мире с саблезубыми тиграми и горной империей Т'хоАрГэшь появились эти чертовы крестоносцы!

Первого звали Иоанн. Вернее, Жеан, сеньер д'Аванн. Он был тамплиером, храмовником. Она не без труда вспомнила, откуда знает это слово – из детского романа о рыцарях. И, кажется, тамплиер в романе был так себе. Какой это был роман? Неважно.

Этот самый Аванн в 1307 году от Рождества Христова бежал из Франции...

Из Франции?!! Ладно, дальше...

...спасаясь от неправедного суда короля Филиппа Красивого.

Взгляд несся по тесным колючим строкам, обегая миниатюры.

Жеан нашел прибежище на Кипре. Оправлялся после пыток, устно и письменно поносил нечестивого папу Климента и город Рим – гроб повапленный. А превозносил – Париз (Париж???!!!), где восторжествовали и приняли смерть его братья – рыцари Храма. Потом с другими бег-

лыми храмовниками он отправился в Азию искать царство Пресвитера Иоанна.

Царство Пресвитера Иоанна... Что-то из курса истории Средних веков, которым она манкировала.

...Две недели карабкались по бесплодным горам, съели всех лошадей, горько досадовали, что не догадались на конину приманивать стервятников. В воскресенье второй седмицы их едва не убило камнепадом – от страха они забыли молиться. Но под утро Жеан увидел сон наяву: ему явился некто лучезарный, чей лик был незрим, и поведал, что брат Иоанн обрящет царство, которого взыскует, но не так, как предполагал. Царства этого еще нет. Он должен стать его основателем, дабы через века его паства могла водвориться в Эрусалеме и Паризе (Париж!!!), воссоединившись с христианским миром. Перевал, перед которым они остановились передохнуть, оказался последним – далее путь вел на равнину, населенную мирными язычниками.

Руки прыгали, щеки горели. Ей уже не нужно было читать дальше. Пылкий тамплиер и его собратья забрели, как и она, в дыру между мирами! Но почему после тамплиеров – она? Те-то хоть царство искали! А она отрывалась по полной на новомодном курорте.

...После пробных кругов инструктор сказал, что она летает хорошо. Она и сама это знала: воздух под крыльями был тверд и гладок, как молодой лед, а при маневрах упруго кренился, словно прокладывая траекторию для новехонькой «Цессны». На следующий день она полетела уже одна...

И...

Метящие в лоб скальные острия. Смертный вой вспоротого воздуха. *От страха они забыли молиться...* Какие там молитвы! Она запамятовала даже слово такое – «Бог»! Не в этом ли дело?

Бреон теперь к заложнице почти не заглядывал. Женщина лучше поймет женщину. Даже если им кажется, что они вовсе не понимают друг друга. Этельгард в девичестве нагляделась и наслушалась всякого. И знает женскую природу во всех ее проявлениях – от последней низости до блаженной святости. Разгадает она и природу ШъяЛмы – скорее раньше, чем позже, если они примутся обсуждать книги. Ах да. Он обещал Этельгард поговорить со ШъяЛмой. Как это уместнее сделать? Не являться же с вопросами: он не приходский учитель. А вот пригласить ее к общей трапезе...

Этельгард сочла эту мысль удачной.

Своим присутствием ШъяЛма ей досаждала. И досаде этой не находилось объяснений. Необъяснимость порождала иную досаду – на са-

мое себя, за растерянность перед пленницей низкого рода. В ее смирении коренилась смертная гордыня: ШъяЛма не открывалась перед теми, кто не смог бы ее оценить. Да кто она такая, Господи помилуй, чтобы судить, кто достоин, а кто недостоин перлов ее души? Но досада не помешала благородной даме отыскать среди платьев наряд, который пришелся бы к лицу бледной ШъяЛме, и подобрать для нее украшения. От щедрот своих она уделила пленнице серебряное зеркало. И позволила себе лишь вскинуть брови, когда ШъяЛма послала служанку спросить: «Нет ли краски для лица?» Краска у Этельгард имелась. Матушка, притворно сокрушаясь, что к тридцати краса дочери начнет увядать, подарила той целый ларец притираний, помад и румян.

Смех и грех. Скорее съешь эту косметику, чем на себя намажешь. Вот темка была бы для статьи. Так, что с собой сделать? Подглазья белилами затереть... Нарумяниться. И помалу всего, помалу.

Отведя круглое тяжелое зеркало на вытянутой руке (дурацкое серебро – лицо в нем плоское и темное, как в стоячей воде!), она разглядывала укрытую бархатом грудь с двумя рядами жемчугов и переплетенные жемчужными нитями восемь косиц. Потом рука задрожала. Она уронила зеркало на кровать – хватит с них красоты, более чем! – и улыбнулась. Что называется, как мало нужно для счастья.

Хозяева приветствовали ее в трапезной одинаковыми кивками. Бреон сделал жест в сторону ее места – за господским столом, но в торце, что-то объяснил домочадцам на местном наречии. Все подняли кубки – за процветание владения? за благополучие владельцев? На этом демократия закончилась, и господское семейство принялось за еду. А у нее вдруг возник в голове вопрос: «Почему у них нет детей?»

– Как вы нашли книги, ШъяЛма?

«Прямо как на экзамене...»

– Они поучительны. И почасту изложенное там приводило меня в изумление. – Почему ей всегда хочется туго-туго завернуть любой свой ответ Бреону в общие слова?

– Что же, к примеру?

«То, что у тебя нет детей».

С чего ее так заело? Когда-то она сама не собиралась становиться матерью раньше тридцати пяти. Правда, здесь рожают в тринадцать.

– Повесть об основании Пресвитерианства.

– Разве не более удивительны чудеса Священного Писания?

– Такие чудеса, Бреон, творит любое божество. И это позволяет предположить, что в разных вероучениях один и тот же Бог носит разные имена.

Оборони ее этот Бог от богословского диспута!

– Как один и тот же Бог может у нас – прощать, а у вас в горах – кормиться дымом жертвенных сердец?

Тьфу на тебя. На, получай:

– Богу служат люди. Они могут заблуждаться по части обрядов и способов служения. А могут в слепоте своей и вовсе не видеть света Господнего. Разве богомерзкий первосвященник романский не именем Господним учинил гонение на честных рыцарей Храма? Но кому он этим услужил?

Бреон, искушенный в науке умствования, понял, что ШъяЛма показала ему только самое последнее звено длинной цепи рассуждений – стало быть, она не хочет вступать в беседу о Писании, видимо, полагая, будто знает о Боге и вере больше, чем он, Бреон. Неужто?

– Разве служение единому Богу не должно вершиться по единому обряду?

Судия ждал, не отводя светлого взгляда; он задавал вопросы, подсказывающие ответ. К черту эту трепотню.

– Бреон, можно ли этак смешивать пищу телесную – с трапезой духа?

Оба супруга прикусили языки.

Должно бы возмутиться. Но вместо этого был миг восхищения. Воистину достойная противница. Великое искушение послал ему Господь. Что-то еще она выкинет? Будь его воля, он бы хоть сейчас продолжил беседу. Однако воля его! Что же его удерживает? Чувство меры? Или – ее дерзость? Он бы не хотел еще раз услышать подобное, особенно на людях. А уж если ШъяЛма так держалась и с Сигридом...

Однако раз уж она заметила, что нечестивый Климент учинял гонение на рыцарей Храма именем Бога, то должна понимать: вырывание заживо сердца на жертвенном алтаре – то же самое, что костер на Иудейском острове. Но коль скоро она это понимает, почему не попыталась отвратить повелителя своего ШъяГшу от зла? Одно из двух – или кумиром ее является Власть, или зло в душах горцев столь сильно, что ей одной его не побороть. Вот она и опустила руки, а в свое оправдание выдумала ересь о равенстве разных служений: ведь Писание ей было еще неведомо. Если так, то он зря тревожится о ее душе – рано или поздно ШъяЛма обратится. Это будет победа выше иной военной. И он будет к ней причастен...

О, какие мысли! Снова и снова искушение. Что натворила эта язычница несколькими словами! Ясное дело, Этельгард приходится непросто, хоть она не по разу прочла все подробные списки Анналов и приложенные к ним повести. Впрочем, что могут подсказать истории, где

пленниц удерживает в плену их честное слово, а их стражи через каждые две строки просят у них прощения?

Если бы это был фанатизм, тот, привычный ей, тупой и упертый. Так ведь нет! Это была *вера*, наполнявшая его до кончиков волос. Вера же внушала ей безотчетное уважение. Но тут уважение мешалось со злостью, тем более глупой, что с Судией, по сути, все ясно: воин, варвар, то, что ему кажется добром, навяжет другому силой, если иссякнут слова. Чего еще от него ждать? Странно, что ее не злил ШъяГшу, хотя был верующим еще почище Судии: одно Море чего стоит!

Море было одним из Великих Снов наравне с Ровной Землей, тучной и мягкой, Небесной Дорогой (чтобы летать без крыльев)... Великим Сном была и Звезда Полудня — она, ШъяЛма. И она сбылась первой, хоть и не так, как увиделась в древности пророку. Теперь ШъяГшу шел к Морю по Ровной Земле. Его не заботила чужая вера. Не то что истового Судию. А ведь и у того есть Сны — Эрусалем, Париз: долговязые зубчатые башенки на миниатюрах — Нотр-Дам, для Бреона равный храму Соломона.

И все-таки, почему у этой идеальной пары из рыцарского романа нет детей?

Рыжие волосы гостя сияли так, словно в них запуталось лучами полуденное солнце. Бреон опасался бы за жену и ревновал ее к Лиану Пламеннику, если бы Этельгард не знала Лиана с отрочества. А нынче Пламенник явился и вовсе из-за ШъяЛмы: ему требовалась история для новой баллады. Впрочем, думы о балладе не мешали трубадуру щуриться на каждую юбку. А девки, чуя горячий Лианов глаз, сбивались с усердной рысцы и зазывно зыркали через плечо, вертихвостки, чем злили Бреона: сучьих свадеб он не терпел.

Обед уже миновал, и гостю пришлось подкрепляться в одиночестве. Чтобы не скучать, он зазвал к себе пробегавшую мимо дверей служанку и был вознагражден ворохом сплетен о ШъяЛме: и яйца-то она пьет по полдюжины зараз, и молока целый кувшин выхлебывает — да еще грей его, и в кади полощется дважды на дню — утиральников не напасешься... А из себя рослая, но ледащая: грудки чуть, заду поболе, только весь отсиженный, красный. Лиан все щурил голубые глаза — в их прищуре служанке мстились кущи райские, и она продолжала трещать: лицом-де пленница не вышла, рот как у жабы, а глаз темный, дурной. Языками здешними не владеет... Откровения служаночки свели на нет и без того мимолетное Лианово к ней вожделение. Он закруглил разговор и выпроводил дуреху с миром.

Надо думать, служанка по извечной женской привычке ШъяЛму оболгала... Лиан ожидал-таки увидеть истомленную красу. Если она пьет сырые яйца и молоко, стало быть, ее мучает кашель, скорбный спутник покинутых печальниц. Все это славно укладывалось в замысел новой баллады. Бестрепетный и безупречный Рыцарь; его Супруга, воплощенная добродетель; пленная горная Царица. Разумеется, баллада написана от имени Трубадура: влюбленный в прекрасную пленницу с чужих слов, он явился на нее взглянуть. Свидание, любовь, предложение бежать, обменявшись одеждой, побег пленницы. Трубадур сознается в содеянном, Рыцарь заключает его в темницу, приговаривает к казни. Но едва секира занесена, горная Царица всходит на помост: она хочет принять христианскую веру и венчаться... Словом, ШъяЛма просто обязана быть красавицей!

Для этой красавицы Лиан полдня убил на туалет и даже окатил водой кудри, памятуя о чистоплотности ШъяЛмы. Медные локоны отяжелели в змеиных извивах, лицо стало уже и как будто старше. Он никогда так не нравился сам себе, как сегодня. Жаль, что пленница не поймет его песен. Но пусть Бреон – или лучше Этельгард, она ценительница изящной словесности, – ей перетолмачат. Он подтянул струны на лютне и арфе и сошел в залу.

Там уже вовсю ревел огнем камин – Лиан мог бы войти под его свод, не пригибаясь. В сердце шевельнулась печальная зависть: младшему сыну не видать замка с таким камином. У огня одиноко восседала Этельгард. Ее полускрытое тенью лицо походило на маску Двойственности из миракля. Но у Двойственности и платье должно быть двухцветным, а на Этельгард было все белое – даже башмачки. Лиан поцеловал даме подол и руку: ее совершенная красота и добродетель вызывали у него только почтение.

– Рада видеть тебя, Лиан! Садись к огню. Не отведаешь ли горячего вина?

Неспешно потягивая напиток и перебирая в памяти достойные упоминания новости, он спросил, где Бреон. Тот, оказывается, уламывал ШъяЛму. Вот, стало быть, как? Судия принимает в ней участие? Поглядим... Может, стоит изменить замысел баллады?

Завязавшуюся беседу прервал приход Бреона и ШъяЛмы – она шла чуть позади Судии, косо подбирая на животе просторный суконный блио.

Красива? Некрасива? Лиан не мог решить. Черные брови, гнутые, как горские мечи, густо подведенные лазурью глаза, пунцовый рот поразили его. Разумеется, он понял, что на ней – краска. Но тут краска не скрывала изъянов или отметин возраста; она лежала на живом лице,

как еще одно лицо, и обоим лицам одинаково пристали одни и те же глаза – очень темные и блестящие. Определенно, в них крылся смех, но ни на одном из лиц не было ни следа улыбки. По ходу беседы Лиан все чаще косился на пленницу. Чужая. Словно окутана иным воздухом поверх одолженного платья и чистейшей, как жемчуг (и где нахваталась?!), вульгаты. И как нехотя поддается течению здешней жизни! Ведь могла не выйти. Но отчего-то послушалась Бреона – верно, чужеродство дает ей свободу играть людьми, как болванчиками из шахмат, в которые он, Лиан, всегда проигрывал! Певец большим глотком прикончил питье. Он был разгневан: живая ШъяЛма одним своим видом убила придуманную! Надо ли говорить, что голос его звучал излишне резко и струны противились неласковым пальцам.

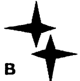
На середине третьей песни ШъяЛма, склонившись вперед, раскашлялась, и Бреону пришлось проводить ее до дверей. Лиан готов был поклясться, что она раскашлялась притворно! Еще три песни, новых, чтобы побаловать Этельгард, и довольно. Сославшись на головную боль, он отправился к себе.

Мимо пробежала служанка – та самая, с которой он беседовал за обедом. «Эй, милочка!» В красных отблесках факела ее мордашка засияла дикой розочкой. Но Лиану опять было не до нежностей. Гнев распухал в груди, тесня дыхание. Гордячку с разрисованным лицом хотелось самое меньшее отодрать... Отодрать! Непристойный смысл слова сстроил все мысли на один лад. «Милочка, загляни ко мне на минутку, я у тебя еще кое-что хотел спросить...» Она пошла овечкой. «Не одолжишь ли ненадолго свое платье, хочу устроить шутку к общему удовольствию...»

Он был на полголовы повыше покладистой милочки – из-под юбок виднелись алые башмаки, но прочее было безупречно: женщиной он наряжался не в первый раз. А лицо... Да нахлобучить чепец поглубже! Стражи на пороге ее покоев спросили, что надобно. Соврал тонким голосом: мол, господин Бреон велел узнать, как заложница себя чувствует. Пустили.

Два смежных покойца. В первом – пусто. Вот и славно. Он натянул перчатки: женщины иногда начинают кусаться. Вожделение и гнев дошли до предела.

ШъяЛма расплетала косицы, сидя на широком ложе. Меховые покрывала были отвернуты. Возле узенького беленого камина исходила паром кадь с душистой водой. Она подняла глаза на звук шагов. Он прыгнул к ложу, зажал ей рот, опрокинул навзничь, с удовольствием ощутил, как зубы беспомощно прикусили перчатку. Скорее навалиться на нее, пока не сжала колен, и ее же подолом заткнуть ей рот. Что?

За руки хватать? Ах ты... Но она упорно оттягивала его правую руку в сторону, словно распинала его на себе; мелькнули темные глаза — без тени страха. И в нос ударило — как кувалдой! От боли он света Божьего невзвидел, и тут новый удар пришелся между ног.

Ей было все не отдышаться — сердце дергалось и сбоило, перед глазами шли жидкие круги. Насильник сидел на полу у косяка, жалкий в женском обличье, голова закинута, весь перемазан кровью из разбитого носа. Кретин рыжий.

Удивительно, как Судия не вышел из себя: высокие скулы покрылись пятнами, глаза сузились, рука не отпускала меча. На стражниках лица не было. В дверях скулила девчушка, завернутая в Лианов плащ.

— Вас, Лиан, — голос Бреона был едва узнаваем, — я больше не желаю видеть под моим кровом. Но прежде чем покинуть замок, вы прилюдно испросите у оскорбленной вами женщины прощения. На коленях. Если она соблаговолит вас простить, вы отправитесь на все четыре стороны. Если нет — я буду вынужден вас судить. Девица за легкомыслие будет высечена и отослана из замка. Воинов ожидает казнь без суда, ибо они пренебрегли долгом.

Он дождался, пока всех выведут, и с усилием нагнул голову: шея слушаться не желала.

— ШъяЛма, как хозяин этого дома я приношу вам извинения за случившееся бесчинство и клянусь, что не допущу такого впредь.

— Да Бог с ним, Бреон. Он, как я в залу вошла, на меня дикими глазами уставился. Вы ли виноваты?

А кто иной? Если за жестокость брата ему было неловко, то теперь — откровенно стыдно: ведь сам упросил ее спуститься, хотя она на его глазах зашлась от кашля.

— Бреон...

— Я весь внимание.

— Хочу вас просить: не велите сечь эту девку. — ШъяЛма словно против воли улыбнулась. — Что она такого сделала?

— Пренебрегла своим долгом и добродетелью.

Улыбка застыла на губах ШъяЛмы — была уже не нужна, а все держалась, хотя обведенные лазурью глаза наполнил сумрак.

— Как вам будет угодно, Судия... Но я бы также не хотела прилюдно унижать Лиана. Едва ли это будет по нраву вашим домочадцам.

— Я защищаю справедливость. Здесь нельзя делать уступок.

— А милосердие?

Он снова вспыхнул.

— Ваша доброта, ШъяЛма, приводит меня в восхищение. Однако,

покусившись на вас, Лиан и прочие подвергли угрозе Пресвитерианство. Это непростительно.

Бреон гневно сжал губы. Он сроду не менял своих решений – не изменит и ныне. Однако поневоле он признался себе, что помимо великого гнева им владела мелкая злоба на дуру, очарованную Лианом, и на бесстыдника Лиана, которому скотская прихоть важнее чести. Хотя... Вот что можно сделать.

– Скажите мне, ШъяЛма, как вам показались песни Лиана?

Она пожала плечами, удивленная поворотом беседы.

– По правде сказать, все на один напев. – И улыбнулась, теперь непринужденно. Ему опять стало совестно: кругом виноват.

– Я обяжу его сложить в вашу честь песню. Это не кажется вам унизительным?

– Как вам будет угодно.

– Я рад.

Он был рад, что она не пала духом, что не кашляет. Учтиво пожелав ей спокойной ночи, Бреон отправился к Лиану.

В темнице Лиана был свет и слышались голоса: Лиан и... Этельгард. Он остановился, удивленный, сделал знак встрепенувшемуся стражу – мол, тише – и встал за дверью.

В отличие от ШъяЛмы, Лиан духом пал. Он рассказывал Этельгард о случившемся, переслаивая речь вздохами. Этельгард увещевала: «Лиан, да как можно было, или не знаешь, зачем она здесь?» И тут Пламенника понесло: «Вы живете с ней о бок, дама Этельгард, разве вы не замечаете, что она каждым взглядом вас оскорбляет? Ведь именно за это Сигрид потчевал ее плетьми! Да, гнев помрачил мой разум... Но я, ей-богу, на пики бескольчужной грудью брошусь, а прощения у нее просить не стану, как ваш супруг велел!»

Этельгард внимала. Бреону хорошо было слышно ее глухое дыхание. Почему она не возражает, она, женщина, которую насилие должно ужасать?! И почему он, Судия, не видит в поведении пленницы ничего оскорбительного? Да, она скрытна. Порой дерзка – и на ее дерзость не сразу ответишь: ее суждения неожиданны, непривычны. А как еще ШъяЛма должна себя держать? Дни напролет лить слезы? Всем вокруг восхищаться – притворно, потому что у горцев лучшее оружие, лучшие ткани. Да, они угоняют из завоеванных земель мастеров – и что с того? Чужое мастерство им преданно служит.

Этельгард злится на то, чего не умеет понять. Шальной Лиан ей понятнее – еще бы, его она знает с младых ногтей. Бреону стало горько. Как будто его обманули. Тем временем Этельгард от увещеваний перешла к утешениям. Судия потихоньку удалился в опочивальню

и там сбросил тяжелые одежды прямо на пол. Слуг видеть не хотелось.

Он не сомневался, что Этельгард дословно передаст ему весь разговор, что одобрит придумку с песней. Но в душе она сохранит бессловесную неприязнь к ШъяЛме.

Когда она пришла и начала взволнованно выгораживать Лиана, Бреон неожиданно для себя оборвал ее на полуслове, сказав, что решение его неизменно. Про искупительную песнь он и не помянул.

Но просить прощения Лиану все-таки не пришлось. ШъяЛма наотрез отказалась его видеть. Выпроваживая певца, Судия не удержался и сказал ему об этом.

На конюшне визжала девка. Мрачный Лиан выудил из мошны золотой и попросил передать несчастной – с сожалениями о случившемся. Приговоренные стражники, слава Богу, о пощаде не молили. Едва ли не с легким сердцем он передал их экзекутору и поднялся на площадку надвратной башни.

Внизу стлался большак, тот, по которому он отроком улетал охотиться в холмы, по которому уезжал в Первый поход и во Второй и возвращался со славой и печалью по убитым, чьи честные имена так и не стерлись из памяти, как ни теснили их десятки других, громких и грозных имен, которые он, Судия, мог единым словом превратить в позорные клейма. По этой дороге сюда ехали те, кого он судил.

Было время, когда тяжбы родов грозили Пресвитерианству усобицей: знатнейшие не могли поделить отхваченные в Первом походе богатые золотом и самоцветами куски предгорий. Подумать только, это было пять лет назад! Он тогда чуть ли не кричал: некогда судиться и делить копи, нужно браться за копья, одни младшие сыновья и лучники-ополченцы Эрусалем не отобьют и в Паризе не водворятся!

Два года назад старый горский правитель умер. И явился ШъяГшу. И показал воинам Христовым, каковы Горы на деле: казалось, будто каждая расщелина извергает яростных воинов в черной стальной чешуе. ШъяГшу с маху отбил предгорья. И зазимовал, копя силы. По весне Судию вернуло в замок гневное послание Пресвитера: Святейший грозил суровой епитимьей, если Бреон не возьмет под свою руку земли, оставленные на жен и кастелянов. Бреон внял. А через два месяца после его возвращения по этой же дороге привезли ШъяЛму.

А ведь это чудо: тьму обезумевших нехристей остановила хрупкая жизнь одной-единственной женщины. Впрочем, чудеса, похоже, начались до того: никто из пленных не мог сказать, откуда взялась госпожа ШъяЛма, все, как сговорившись, твердили, будто однажды ШъяГшу

вернулся с ней с охоты и возвестил, что начали сбываться Великие Сны – эта женщина спустилась с полуденного неба на крылатой лодке. Хотя наиболее ушлые пленники припомнили, что поначалу Звезда не говорила ни слова, а когда заговорила – выговор у нее оказался такой, что не передразнишь: вроде слогов не глотает, присловий не путает – а слова звучат, как незнакомые. Крылатая лодка казалась Бреону досужей выдумкой. А вот выговор – послушать бы. Но на вульгате она говорила чисто, как примерный клирик. Кто в горах ее научил? Впрочем, возможно, языки ей, страннице, даются легко. А вот откуда она взялась? Среди горянок светловолосых нет... Собственно, почему бы не задать ей прямого вопроса?

Он дождался, когда она выйдет гулять в заросший травой двор. Был полдень, солнечные лучи падали отвесно, сложенные из известняка стены слепили, как горные снега, их отсвет припорашивал серебром ее бескровные щеки, а волосы блестели, как мокрый шелк. Наверное, такая она была в горах, только из-под снежного серебра пробивался нежный румянец.

– Не зябнете ли вы?

Женщина покачала головой. Он пропустил два удара сердца прежде, чем предложил ей руку. Она без удивления оперлась.

– ШъяЛма, прошло уже немало времени с тех пор, как вы здесь...

Ну уж. Месяц с небольшим. Она покосилась на Бреона: солнце праздновало полдень в его шевелюре, высокие скулы были гладко выскоблены. Это бритье было для нее непостижимо – чем он, Господи помилуй, может бриться? И какая это, наверное, мука мученическая.

– ...и могли все узнать про замок и про мой род, поскольку в вашем распоряжении Анналы... Потому, надеюсь, поймете мое любопытство. Я хотел бы знать вашу историю. Возможно, ее следовало бы и записать. Таким, как я или вы, нельзя пренебрегать памятью потомков.

«Тебе-то особенно. У тебя же детей нет».

Она могла бы его соблазнить. Он отпустит ее. Она бежит. В горы. Там ШъяГшу, удушливая роскошь. И война. Т'хоАрГэшь ляжет от моря до Моря – правда, то море, чей берег уже давно завоеван, называют Великой Рекой. На том берегу должна быть Земля Чудовищ, куда людям нельзя: таков Зарок.

Бреон ожидал. Он знал цену своему вопросу. А она знала цену ответу. Каково ему будет услышать, что язычница ШъяЛма училась в Сорбонне и спасалась от июльской жары в Нотр-Дам, лакая там потихоньку из жестянки пивко.

– Вы правы, Т'хоАрГэшь – не моя родина.

Она устала молчать и мысленно дорисовывать мир за пределами зароков и сказаний. Уже два года она только и делала, что слушала, читала, рассматривала, вникала, редко-редко подавая голос в ответ на прямые вопросы. ШъяГшу, впрочем, задавал мало вопросов – непостижимым образом с ним было очень легко, хотя с точки зрения ее мира (Боже, где он?!) горец был сущий нелюдь. Пленные рыцари в лучшем случае могли рассчитывать на рабство в каменоломнях и копях; но чаще всего на них опробовали новые пытки и, разумеется, во множестве рвали рыцарские сердца: боги алкали жирного жертвенного смрада. А между тем поклонники этих сердцеедов умели снимать бельма, делать трепанацию черепа, лечить туберкулез, составлять календари на века вперед с учетом лунных и солнечных затмений и возводить дворцы, которым нипочем были землетрясения. И при этом они лелеяли Великие Сны, соблюдали смешные Зароки, наверняка унаследованные от побежденных некогда племен, и совершенно амикошонски относились к своим коренным богам.

– Моя родина лежит... вне пределов этого мира.

Он вскинул брови.

– Легендарные земли часто кажутся выдумкой... О Пресвитерианстве мне как будто приходилось слышать – как раз его и считают на моей родине легендарной землей... То бишь выдумкой.

– Как же далека должна быть ваша родина, если Пресвитерианство там считают выдумкой!

– Моя родина – другой мир. Представьте, что этот – выпитое яйцо. – Она невольно ухмыльнулась. – Я – из другого яйца.

Он осмыслил – и подивился легкости, с какой вселенская ячея из множества миров представилась его мысленному взору.

– Но, стало быть, эти миры соприкасаются внешними сторонами тверди... И, значит, слухи о крылатой лодке – правда? И эта снасть способна пробить свод небесный? Все семь небес, что тверже алмазов? И – стойте! – если вы пробили наши небеса, значит, ваш мир – сверху... И вам пришлось дойти до дна вашего мира, прежде чем низвергнуться в наш? Стало быть, вы прошли круги ада, а потом пронизали кущи райские? – Он не знал, верить ему или смеяться. Это звучало даже не ересью – ребячьей побасенкой.

– Может, я еще не завершила путь по кругам ада.

Он невольно вздрогнул. Круглый двор. Кольцо протоптанной тропинки.

– Если наш мир – ад, за какие грехи вы в него ввергнуты?

– Этого я не знаю. Ибо теперь моя прежняя жизнь кажется мне сном потрясенного разума.

Судия отступился. Он не смел посягать на ее исповедь. Но по его глазам она поняла, что он не утратил надежды вызнать правду.

Этельгард смотрела на них из узкого окна в тени сходящихся стен. Они разгуливали рука об руку и беседовали. Ну и что? Ну и что?! Если уж на то пошло, ее ночной разговор с Лианом был поступком куда более предосудительным – если бы кому-то пришло в голову судить! Мало ли о чем шел разговор между ШъяЛмой и Судией? Но камни стен источают горечь – и она забивает горло, выжимает из-под век едкую влагу.

Бреон... Она очень не вдруг поняла, ради кого он зачастил в материнский замок; она считала – ради матери; та источала столь спелый мед соблазна, что в пору было думать о колдовстве. Мать! Этельгард не смела гневаться на нее, хоть та и заслуживала гнева: золотокосая, желтоглазая, равнодушная ко всему, кроме самой себя. Кто только не объявлял ее, княгиню Уту, своей Дамой. Когда она целовала рыцарей в лоб, то присасывалась губами, словно выпивала сквозь кожу толику мозга. Никакие благовония не могли совладать с ее собственным духом – сладковатым и острым до щекотки в ноздрях. Каждое полнолуние к нему подмешивался слабый гнилостный запах. Не раз и не два в такие дни девочка Этельгард нападала на ее кровавый след – эта-то кровь и пахла гнилью.

Она ничего не хотела об этом знать, хотя никто вокруг не таил грехов и грешков: замковая челядь любилась в каждом закутке. Своего тела Этельгард в этаком положении представить не догадывалась. И каков же был ужас, когда однажды под вечер заныло в низу живота и по ногам потекло горячее. Забившись в нужник, она при свечке задрала юбки: кровь. И запах гнили. В этот миг она шепотом призналась себе в том, что раньше страшилась даже мысленно облекать в слова: мать – нечиста. И она, Этельгард, – тоже. Неужто это нельзя отмолить, неужто нельзя изничтожить постом кровоточивую плоть?

Ей было четырнадцать.

Она обрядилась во власяницу и тайно ушла в пустыню, которая людям представлялась лесом. Во второй раз дурные крови пришли через три месяца. Потом настала зима.

Бог посылал заледеневшие ягоды – шиповник, можжевельник, иногда орехи. Голове было легко, виски наполнял тончайший шум – как бы пение, и с каждым днем оно становилось явственнее. В один солнечный день она шла по завьюженной дороге, едва чуя под собой снег. Воздух всей толщей блестел от солнца, а под деревьями голубел, как будто самое небо опускалось на лес. Пение в висках было слышно как никогда, и вдруг дорога стала подниматься вверх – идти сразу стало труд-

нее, но, преисполнившись восторга, она шагала прямо к солнцу, пока Свет не принял ее.

До сих пор в храме ее родового замка служат благодарственный молебен за небывало мягкую зиму: в тот год не встали реки, а сырой снег только в лесу и держался — с пашен он сходил в тот же день, что выпадал. По свежевыпавшему снегу и поскакал на охоту двадцатилетний тогда Бреон. Но прежде звериных троп напал на следы босых ножек, а потом нашел и отшельницу, лежавшую без памяти на снегу. Ее завернули в два плаща и увезли в его замок. И когда она очнулась, недоумевая, как попала из студеного леса в мягчайшую духоту перин, то первым делом увидела золотоволосого рыцаря — он смотрел на нее из-за плеча дамы зрелых лет и улыбался. Через две недели рыцарь Бреон сопроводил ее во владения княгини Уты. Слух о подвижничестве долетел туда раньше, и каждая деревня от мала до велика целовала наследнице подол и несла под благословение золотушных младенцев.

После подвижничества тщеславие и убожество матери виделись ей по-новому — она жалела стареющую даму, которая спешила угнаться за временем, держа в небрежении свою душу. Тем более что Господь удостоил Этельгард великой награды: дурные крови больше не приходили. Потайное место источало лишь капли прозрачной влаги, которая пахла весенней землей. Эта награда осталась бы ее тайной, но женщины, которыми окружила спасенную наследницу матушка, — увядающие болтушки, обязанные наставлять ее в суетных женских искусствах, — перепугались (смешно сказать!), что она беременна. Этельгард долго не могла взять в толк, на что они намекают, — а когда поняла, засмеялась в первый раз после возвращения из леса. Да, крови не приходят, ибо единственный мужчина, с кем она была близка, — Спаситель, внявший ее мольбам. Приживалки ничего не поняли — ни одна, кроме самой старшей — та сказала, что наградой за подвижничество стало бесплодие — и дай Бог, временное, дай Бог, к лету крови придут, дай Бог.

Не дай Бог! — мысленно взмолилась Этельгард. И Бог внял, больше того — оделил новым высоким счастьем: тот самый Бреон, что наведывался в числе прочих и вел с ней пустяшные разговоры, испросил дозволения сражаться за нее и славить ее имя. С ее именем в сердце и на щите он ушел в Первый поход. А вернувшись, попросил ее руки; лицо его было таким, что она поняла: отказать — значит совершить смертный грех; все грехи ее матери рядом с этим будут простительны. Но в опочивальне, разоблаченная до сорочки, Этельгард преисполнилась черных сомнений: со дна памяти поднялись охи и шорохи торопливых соитий, запах дурной крови, острый душок сладострастной испарины... Он вообразила себя опрокинутой, прижатой к ложу, распятой на перинах на-

пором похоти; исчез из памяти рыцарь, который просил дозволения по всякому поводу. Он – муж. Как-то оно будет? Как-то оно будет?! Она сидела на ложе едва жива, когда он вошел.

Он вошел. Опустился на колени. И гладил ее поверх сорочки, простирая вверх горячие руки и закрыв глаза, гладил нежно и исступленно, пока она не осмелилась дотронуться до его волос, провести рукой по щеке...

Она не рассказала ему про дарованную Господом чистоту. Решила: он должен понять сам. Но каждый день усердно штудировала Анналы, читала повести, изучала собрания былей и притч, стараясь постичь человеческую природу, ибо считала, что дар чистоты дан ей для очищения душ людских, чего не сделаешь без любви и жалости, а высшая любовь и жалость приходят через постижение.

Бреон говорил со ШъяЛмой, ничего более. А ее он каждую ночь гладит горячими ладонями поверх сорочки, как в первый раз, прежде чем познать. Она помнила, каким сладким было тогда жжение в глубине лона... Но почему гордячка-язычница так ей ненавистна? Этельгард было стыдно исповедоваться: с детских лет она не каялась в злобе на ближнего своего.

О бесплодии жены Бреон проведал вскоре после свадьбы. Поначалу, конечно, решил, что с первых ночей понесла. Потом, ни слова не говоря, принял бездетность как испытание: о кровных чадах всяк умеет позаботиться, а ты позаботься-ка о чужих, да великовозрастных к тому ж. ШъяЛма ему тоже вроде как дочь – если следовать этой мысли.

Ей, наверное, к тридцати, как Этельгард. Она – дней десять тому – просила у служанки чистую ветошь и два дня после того не выходила к трапезе... Нет, он не видел в ней дочь – это невозможно, как ни тщись. Сестру тоже не видел. Но отстраненно думал: эта зрелая летами, прихотливая умом женщина может понести. Не попросит больше ветоши, зато будет воротиться от еды, а то и блевать пустой с утра слюной; начнет изводить курьезными просьбами – того, этого подай; будет ходить, закинувшись назад, приобняв рукой раздающееся чрево, сторожась на лестницах – не упасть бы. Станет вовсе дурна с лица – пойдет бурыми пятнами, а с гребня начнет снимать колтунами палый волос. Но улыбнется каждому шевелению растущего в чреве плода. Ему вдруг увиделась эта улыбка, тихая, медленная, словно обернутая внутрь, к ребенку, проступившая на губах лишь случайной изнанкой.

«Может быть, я еще не завершила путь по кругам ада...»

Может, все вокруг – создано запертым в парализованном теле созна-

нием? Может, борясь с самой тесной на свете – нет ничего тесней бесчувственного тела! – тюрьмой, разум избрал высшую из свобод – творение – и сотворил этот мир непохожим на тот, приведший ее к падению. К падению... Самолет не дает упасть на четыре лапы. Но разве в ее жизни были падения того рода, что в жизни падших женщин? Нет и нет.

Все шло в руки с поразительной легкостью: высшие баллы, интересные темы, влиятельные поклонники, престижные заказы. Она охотно писала статьи про пустяшных людей. Главное – никого не обидеть: «звезду», про которую пишешь; подругу, которую «обходишь»; мужчину, которому отказываешь... Никого не обидеть! Что в этом плохого? Ведь она не может быть хороша для каждого. И она нарочно шла по краешкам чужих судеб, потому что готова была отвечать только за себя.

Правда, на курорте она вполне сознательно начала «ухаживать» за 46-летним издателем, синьором Орсини. Пора было замуж, к тому же она подумывала перейти с писания статей на сочинение романов – тут издатель пришелся бы кстати. Да что там! Он просто приятный человек...

Но в этом нынешнем мире не было ни глянцевых журналов, ни синьоров Орсини. Зато она могла бы соблазнить Судию. Стоит только перестать прятаться от него в ракушку недомолвок: «Вы не боитесь правды? Так внимайте».

Но почему же у него нет детей?

Солнце грузно опускалось в холмы. Оно было красно и холодно; неровный западный ветер казался его одышкой. «Надо бы убираться со стены, – подумала она, чувствуя первые мурашки, – и что он меня сюда затащил?»

Он и сам не знал. Поговорили уже о Великих Снах, о чудесах здешних и прежних, паризианских, святых. Потом он взялся рассказывать о рыцарских обычаях – не по писаному (кодекс-то помнился наизусть), а по-свойски, с усмешкой. ШъяЛма улыбалась, иногда с сомнением, словно не вполне понимая, что смешного в той или иной истории, но желая доставить ему приятное. Рассказ о безумце, который принял ветряные мельницы за великанов, заставил ее расширить глаза: бывает же такое! Но после этого над ними пролетел тихий ангел, обдав порывом алого от солнца ветра. Матерь Божия, ей, верно, холодно. Он распустил левой рукой завязки и снял с себя плащ – белый, шерстяной, на льняном подбое. Левое плечо мечено вылинявшим алым крестом.

– Это вышивала ваша супруга?

– Тогда она еще не была моей супругой. Она была моей Дамой.

– Как случилось, что вы выбрали ее в дамы?

– Вы готовы услышать об очередном чуде?

Это была шутка, вполне в духе предшествующего разговора. Но дальше он заговорил языком житий – размеренным и ясным. И осекся, когда ШъяЛма охнула, услышав о бесплодии, – и тут же ладонью зажала себе рот. А потом, словно забывшись, потянулась к нему рукой – и не дотронулась.

– Не надо жалеть ее, – враз окостеневшим языком выговорил Бреон, – благодаря этому дару она одарит многих...

А внутри жгло. ШъяЛма и Этельгард вовек не поймут друг друга. Потому что одна из них – не женщина, а при жизни святая.

Этельгард уже понимала, с чем ей придется бороться. Однако назвать вещи своими именами пока не пришло время. И она ждала, исподволь следя, как пересекаются пути ее супруга и ШъяЛмы – изо дня в день, час от часу – и пересечений, тайных и явных, все больше. Каждый день она возносила благодарственную молитву за то, что именно теперь избавлена от гнева и боли. И потихоньку растила в себе слова – справедливые и горькие, как воздух. Ничего не поделаешь: она вдыхала эту горечь, и однажды ее придется выдохнуть – всю, сколько ни есть в груди.

Замковая часовня безмолвно веяла Бреону в лицо свечным теплом и ладаном недавней обедни. Судия остался помолиться в одиночестве – однако молитва не шла, и он стоял посреди нефа, глядя мимо алтарного распятия. Мысли текли сами по себе, произвольно ускоряя свое течение.

Уже два месяца она каждый день у него перед глазами. Трапезы, прогулки. Беседы. И как легко слетают у нее с языка, без зазора ложась одно к другому, слова. Да и он не отстает. Поистине невыносимая легкость, если держать в голове все обстоятельства их... знакомства? дружбы? Каким понятием выразить суть их сближения?

Этого он не знал.

Зато он доподлинно знал одно: его к ней тянет. И с каждым днем сопротивление этой тяге приносит все больше боли – сродни той, которую он испытывал, проезжая мимо спаленных ее соплеменниками сел.

Боль бессилия. Ее одолевают только боем. Но как вызвать ШъяЛму на бой? Да и какой бой может быть между ними, ведь не она виновата в его боли. Так не должен ли он прежде всего вызвать на бой себя? И вести этот бой придется разумом, ибо ныне он не воин, а Судия.

Почему его к ней тянет?

Тело? Он его видел. Он мог бы легко представить, как изменило его врачевание. Всякая молодая женщина приводит мужчину в волнение, и раньше, даже будучи холост, он легко это волнение унимал. Ее лицо, если приглядеться, некрасиво, как она себя ни разукрась. Ее одежды не принадлежат ей и, стало быть, не раскрывают ее натуру. Походка? Осанка? Ее быстрый шаг – неровен и легок, медленный – протяжён и плавен. Она слегка клонит шею, но смотрит при этом вперед.

Она являет собой то, что в ней хотят видеть, – покорную участи заложницу. Только ему хочется разглядеть в ней подлинную ШъяЛму, потому что он чует ее след в обмолвках и недомолвках, которые намертво застревают в памяти. Умелый охотник по следу скажет, каков зверь. Он, Судия, ловец человеков – где его сноровка? И если его тяга – всего лишь чрезмерное охотничье любопытство, то откуда нутряная дрожь и боль, невыразимая словами – ведь их слова потому так легки, что теряют смысл, еще не слетев с языка. А она словно не замечает, что не беседуют они, но Бог весть для чего меняются наименованиями предметов и действий.

Он думал об исповеди, но к чему исповедь, если нет прегрешения? Он ШъяЛму плотски не вожделеет, в прельстительных снах ее не видит. А Этельгард спросонок улыбается все той же улыбкой, а стражники так же разом бьют об пол древками, приветствуя его у покоя заложницы...

И вот тут он повалился на пол и уткнулся лбом в колени.

Да что же с ним такое, что, что?

Он с малолетства разучился плакать. Сейчас сухой ком в горле довел его до удушья, и судорожный вдох вырвался обратно из легких хриплым стоном. Стоявшая на хорах Этельгард молча смотрела, как он корчился на белом полу.

Ее душу выворачивало недоумение: как это супруг ее может обладать ею на ложе с тем же усердием, что и раньше, улыбаться ей по утрам так же ласково, как и раньше, выносить вердикты на суде – столь же справедливые, что и раньше! – и при этом любить ШъяЛму. Недоумение вызывала не сама эта любовь. Она знала довольно старых легенд о любви противузаконной, которой оказывались подвластны самые благородные. Недоумение вызывало бездействие Бреона и ШъяЛмы. В легендах влюбленные всегда выдавали себя, позволяя третьей стороне проявить мудрость или безрассудство. Этельгард желала наконец застать их – за предосудительной ли беседой, за торопливыми ли ласками в укромном месте – и сложила речи на оба случая. Но случаев не представлялось. Разве что сейчас? Она бросилась с хоров вниз.

Бреон даже шагов ее не услышал. Он скорчился у нее под ногами, как от тычка под дых. Этельгард принялась его тормошить. Он медленно поднял голову, показав ей невидящие глаза. И вмиг обезумев – он не смеет быть таким! – она выкрикнула, что – знает, все знает, все видит, не слепая!

– О чем ты, Этельгард?

– О любви между тобой и ШъяЛмой!

Со сводов охнуло высокое эхо. Глаза Бреона потемнели, а сам он стал бледен.

– Ты это сказала, не я.

Он рывком встал и удалился, оставив жену коленопреклоненной. Она было поднялась, но когда услышала из галереи его хохот – осела уже на оба колена, еще не понимая, но с ужасом догадываясь, что сделала нечто непоправимое.

Она назвала его чувство. Его Белая дама бросила ему в лицо слово, о котором он подумать не мог – между ним и пленной блудницей какая ко всем дьяволам ада может быть любовь?! – но это высокое слово пришлось впору его боли, потому что ослу ясно: к нему-то, Бреону, никакой любви у ШъяЛмы нет и быть не может! Вот он и хохотал, и своды звенели, как будто в них бил серебряный молот.

Подумать только, кто ему полюбился! Гордячка-язычница, которая считает его обезьяной и путает словесами, гнушаясь перед ним открыться! Говорящая циновка горского вожака! Нет, вон ее из сердца! Да из покоя гостевого долой в узилище, что для нее предназначено изначально. Не то что в трапезную – на воздух не пускать, ничего ей не будет! Ни минуты более не владеть ей сердцем Судии Бреона.

Он двинулся в гостевой покой. Шаг его был тяжел, собственное застывшее лицо он нес, как пергамент с вердиктом. Стражники у ее дверей вдарили древками в пол – в последний раз! Неужто все в последний раз?!

Он распахнул створку.

Она отдыхала, но привстала с ложа, подалась вперед – как всегда при его появлении. Он остановился. В покое, тяжелея с каждым выдохом, повисло молчание.

– Бреон...

Сердце дало долгий перебой. Она смотрела ему в душу – он чувствовал медвяный холодок, ползущий по хребту, ощущал, как, избегая звучать в его скором ответе (а ведь она еще не задала вопроса!), ускользают из памяти слова.

– Можно ли задать вам вопрос?

Радуясь, что можно обойтись без слов, он кивнул.

– Что-то случилось? Вы кажетесь взволнованным.

Он сглотнул. Хотел было шагнуть к табурету у изголовья. Но остался стоять.

– ШъяЛма... Дело, видите ли, в том, что моя супруга Этельгард полагает, будто мы испытываем друг к другу... влечение.

– Разве я давала ей повод такое подумать?

Он глядел – как внове – на усталое бледно-золотистое лицо. Темные резкие брови, карие глаза (вот уж ничего не скажешь – горские: ленивые и невеселые), нос короток и выпукло обточен, большой рот. Что ему в ней? Но как хочется обхватить ее руками, прижать к себе, чтобы сердцем почувствовать ее сердце.

– Нет, вы не давали ей повода, ШъяЛма. Должно быть, ее навело на эти мысли мое к вам отношение.

– И как же вы намерены ее разуверить?

– Не знаю.

Кажется, она удивилась.

– Разве вашего слова не достаточно?

– Я не могу его дать.

– Что?

Златовласый варвар смотрел ей прямо в глаза. Спокойное лицо было открыто – для плевка, для удара. Для поцелуя. Потом он повторил:

– Я не могу дать ей слова. Потому что, ШъяЛма, я люблю вас. Я знаю, это по меньшей мере втройне дурно, потому что ваша жизнь в моих руках, потому что вы принадлежите другому и сам я связан узами брака. Но я, Судия Бреон, вас люблю – знайте это.

Он быстро вышел, не дав ни себе, ни ей опомниться.

Бедный Судия. Бедный варвар. Она с тоскливой отчетливостью понимала: даже встреть она первым делом его, а не ШъяГшу, и будь он при этом вдов или холост, ее не хватило бы на то, чтобы ответить на его любовь столь же самозабвенно.

Ей было его искренне жаль. Она им даже восхищалась. Но буйные порывы и восточное коварство Тигра были ей понятнее и ближе, хотя Тигра она, разумеется, тоже не любила в том смысле, который вкладывала в это слово. Вернее, подлинный смысл слова был ей вовсе неведом – хотя она чувствовала, что Бреон с отчаяния употребил его точно. И уехать он не может. И уж тем более не может устроить ей побег... Задница. Полная задница.

– Я прошу у вас, мой супруг, дозволения навестить мою матушку.

Он оторвал глаза от чистого пергамента, который уже с час держал на пюпитре, делая вид, что занят выписками: Этельгард стояла перед ним

в дорожном одеянии, давая понять, что его ответ не важен, даже скажи он «нет».

– Как вам угодно.

– Супруг мой, вы ничего не хотите сказать мне в напутствие?

– Я хочу задать вопрос. Как... ты догадалась? – Он поймал себя на том, что как будто не спрашивает, а уличает.

– У меня появилось чувство, словно я не с тобой. Словно ты отстранился от меня, оставив мне свое тело, свою речь и свои привычки. Но этого мало, чтобы казаться прежним.

От ее правоты бросало в дрожь.

– Я вернусь. Я должна поразмыслить. Потом я вернусь. Мы оба достаточно благоразумны, чтобы не породить новую легенду.

На подъемном мосту поезд Этельгард разминулся с гонцом в гербах замка. Гонца прислал Сигрид. В послании говорилось, что ШъяГшу презрел жизнь заложницы, нарушил мир и двинул орды на равнину. Бреон спровадил гонца на поварню, взяв с него крепкое слово молчать, – тот удалился, оглядываясь, как будто боялся удара в спину. Потом Бреон приказал дворецкому известить пленницу, что будет ждать ее на вечернюю трапезу в свои покои.

Действие снадобья ему видеть уже случалось – глубокий сон, незаметно переходящий в сон смертный. Так братья-мортусы помогали страдающим от неисцелимых ран. Они со ШъяЛмой напоят друг друга – и это не будет самоубийством. Все-таки про них сложат легенду, такую, которая не опорочит ни его, ни ее, ни Этельгард.

Она украсилась, как говорят в горах, всеми красками: сурьма на бровях, кармин темный на губах и светлый – на щеках, только на припухших веках синел ляпис – и лазурные черты далеко на висках сходились с сурьмяными. На много галерей вокруг стояла тишина. За столом никто не прислуживал. Они ужинали в молчании, неподвижно-прямо сидя в неподъемных дубовых креслах и неспешно беря пальцами щепотки еды. Бреон восседал перед ней во всей красе. Белое одеяние из плотного сукна, обшитое белым мехом, золотая гривна с топазами, зарукавья с топазами. Золотые локоны и светлые глаза – как будто в них еще длился белый день. Вокруг него мерцал едва ли не видимый ледяной ореол неприступности. И медленно, но верно пьянея, она все крепче задумывалась, как бы к Судии приступить.

Щеки пекло: больной румянец слился с хмельным. Когда дошло до последнего кувшина, она была так пьяна, что опасалась вставать. Бреон (а он и сам должен был порядком захмелеть) поднялся, наполнил

два чистых серебряных кубка и взял их в обе руки. Он говорил про какой-то обряд – примирения, что ли. Красивое строгое лицо опять было открыто. Для поцелуя. Ее манил этот рекущий на латыни мужской рот: прикоснуться сначала легко, едва-едва, даже не губами – дыханием; потом ощутить все трещинки и ложбинки; потом прижать губы к губам – так, чтобы его язык... Э, а умеет ли он этак?

– Погоди, – сказала она, с трудом подымаясь и уже не понимая, что переходит на «ты», – раз мы миримся, то, может, нам стоит поцеловаться?

И, взяв у него кубок, отставила его на стол. Бреон так и остался стоять со вторым. Она освободила его и от этого сосуда. И оказалась к нему вплотную. Сам он – ребенком – подходил так к высоким деревьям, чтобы почувствовать их величие. Ее губы, не тронутые отравой, были рядом, чуть ниже его подбородка. Дитя и древо. Всего лишь коснуться... Она опередила. И – если бы он был древом!

Но, утопая коленями в меху покровов и целуя ее в шею – верх пылкости, Этельгард, бывало, отстранялась! – он понял, что ШъяЛма ждет от него большего. Она раскинулась под его руками, блаженно смежив веки, – а он только и мог, что покрывать ее горло поцелуями. Потому что ниже тело Этельгард всегда бывало закрыто сорочкой и касаться его – значило проявлять похоть. Для соитий они укрывались с головой, проложив меж собой простыню с отверстием, оба напряженные, как тисовые луки. А сейчас он холодел, ощущая, как слабеет плоть...

«Бреон, не спеши... Повернись... Вот так. Закрой глаза...»

Он перевалился на спину; он обмирал от стыда и не мог разомкнуть сладкую цепь ее поцелуев, вьющуюся от горла по ключицам, вокруг обоих сосков (они, оцелованные, горели!) и ниже по животу. Тело угадывало, где оборвется цепь, разум отказывался верить. Но когда ее губы встретились с вздыбленной его плотью, он содрогнулся и не сдержал крика.

Он мог только поворачивать голову: руки и ноги отяжелели, как мокрые перины.

– Ты...

– Что – я?

– Мое семя... ты его... глотала?

– В горах говорят «вкусить». Глотают еду – с голоду.

Он понял.

– Скажи, ведь такое можно делать, если очень... любишь?

Он не отводил взгляда. Пришлось прятать от него глаза – зарывшись лицом в его же волосы... Такую, как у него, любовь – если нет на нее

ответа – отвергают пощечиной, но не унижают случкой, как сделала она по привычке, сохранившейся от прежнего мира: никого не обидеть.

Только не молчать.

– Что с тобой будет, если узнают?

– Кто узнает?

– Слуги...

– Порядочные слуги не вынесут пересудов за порог. Этельгард не скажет ни слова ни мне, ни своей родне. Разве только исповеднику. Этот тяжкий грех останется на моей совести, и я сам буду себя наказывать – никто другой. Если только я не пренебрегу долгом...

– В смысле – дашь мне бежать? Но тогда ШъяГшу...

– ШъяГшу нарушил мир.

Стало страшно. Обоим. В глубине ее сознания стыла отчетливая мысль: ее легкая смерть от его руки никак не противоречит его любви...

– Мы должны были убить друг друга. В тех кубках, что я наполнил последними, был безболезненно усыпляющий яд. Мы бы выпили друг у друга из рук – и это не было бы самоубийством. Но ты...

– Бреон... Это все равно самоубийство.

– Нет. Я бы принял смерть из твоих рук. Это не самоубийство. Это наказание, к которому я сам себя присудил. Ты бы стала моим палачом, не ведая того, и на твоей совести не было бы греха.

Она невольно подумала: их смерть разрешила бы все затруднения. Но мысль была только мыслью.

– Я помогу тебе бежать. Увезу подальше от замка на седле – как мертвую. И возьму с собой второго коня – для тебя.

– Но как ты объяснишь исчезновение второго коня? Или тебя не спросят?

– Когда ты окажешься в безопасности, мне будет уже все равно. Я смогу сказать им правду.

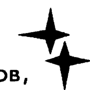
– Но тогда...

– Мы ведь никогда не увидимся... Скажу тебе так: пособничество твоему побегу я не считаю предательством, потому что для Пресвитерианства это ничего не изменит. Но если я перейду ради тебя на сторону ШъяГшу, это будет уже предательством. А вместе нам и тогда не быть.

И только тут ее ударило: если Тигр двинул орды, значит, она ему не нужна. И где она будет скитаться, больная и нищая?

Если б можно было бежать вместе! Не в горы...

– Бреон... – Она неловко обняла его, глядящего в темный потолок. Да нет, ему некуда податься из этих стен, с этой земли. Такому не

стать наемником и не скрыться в хижине. А вот у нее нет иных шансов, кроме побега.

Дорога заняла две седмицы. Они говорили на удивление мало – да и о чем бы? Все было решено, и каждое лишнее слово только травило душу. На постой они заезжали обычно в глубокой темноте – чтобы сонные хозяева не приглядывались. На слежавшихся сенниках и засаленных войлоках они отдавались друг другу с безмолвным неистовством и уезжали затемно, так что хмурый рассвет их бегства повторялся и повторялся, пока небо не подперли первые горы.

Постоялые дворы уже два дня не попадались. В редких брошенных поселениях стояли заставы. Ночевали на голой земле, обнявшись, чтобы согреться. Одним студеным утром ШъяЛма, одуревшая от многодневной тряски, волглых краюшек и стылой воды степных бочагов, вдруг словно впервые увидела, как заострилось у Бреона лицо. Тут ее разобрал такой кашель, что, откашлявшись, она свернула в кулак полную мокроты ладонь. Бреон зло перехватил ее запястье, надавив на сухожилие. Среди белесой слизи было два алых пятна.

– В горах это лечат... – зачем-то сказала она.

– Молоком и яйцами, да?

Он не мог оторвать глаз от ее крови. Наверное, это еще излечимо там, в ее мире. Даже если кровь. Но едва ли – здесь. Она оттирала руку о поникшую траву, пока не зачернила ладонь землей, и потом стряхнула землю о подол.

– Не только молоком и яйцами.

Она говорила не то. И не о том. И не так. А беглый Судия молчал, до белизны стиснув рот.

Она увидела эту голову склоненной. Нет, поникшей. Хуже! – повисшей на грудь. Перед ублюдком Сигридом. Перед сукой Этельгард. Что они с ним сделают, когда он все им расскажет? Станут ли слушать о том, что смерть ШъяЛмы уже не изменит расклада? Полно – заикнется ли об этом Бреон после того, как уверится в ее безопасности?

Господи, как быть? Она не может позволить себе... Или ему не может позволить? Не может позволить себе позволить ему... его...

Стало страшно. Как в кренящейся «Цессне». Нет, ее сознание накренило, как подбитую соколом «Цессну», – от страха за Бреона. И, пересиливая дурноту, она вцепилась в него: ты мой! не хочу! не отдам!

Оперуполномоченный спасательной службы ничего не понимал.
Двое, которых патрульный вертолет подобрал на Плато Термита, заявили, что явились из параллельного мира. Вернее, так сказала болезнен-

но бледная девушка, назвавшаяся Адой Легран. Она и впрямь значилась в базе как пропавшая без вести два года назад – аккурат в этом квадрате. Ее спутник, совершенно ошарашенный высокий блондин («...в левом ботинке» – мысленно съехидничал опер, занося в базу его приметы), молчал, как рыба. Похоже, у него отшибло память. Девушка назвала его имя – Бреон. Человек с таким именем и такой внешностью ни в каких базах не значился. Впрочем, это еще ни о чем не говорило, и опер с легким сердцем набросал в уме версию: торговцы людьми – похищение – пытки – психические травмы. За эту версию говорят шрамы у нее на спине и открытая форма туберкулеза на пределе излечимости. А поскольку г-жа Легран была спецкором «Космо», то есть человеком творческим, она выдумала сказку про параллельный мир – так бывает, если нет сил вспоминать пережитое. У молодого человека Бреона тоже имеются шрамы. Правда, на следы побоев и пыток они не похожи – скорее, давние ранения. Причем холодным оружием. И он не понимает тех трех языков, которыми в объеме универсального разговорника владеет опер, хотя вид у него вполне европейский. Возможно, амнезия. Другое дело, что людей здесь раньше не похищали. Исчезновение Ады два года назад списали на ее умение водить самолет.

Подробно расспросив Аду об обстоятельствах ее попадания в параллельный мир, опер удалился, укрепляясь в желании замять историю с чокнутой иностранкой и ее бесфамильным дружком.

Бреон сидел рядом и держал ее за руку. Он отказался выйти из кабинета, где ее осматривали, и так отчаянно пытался уловить, что говорит на беглом английском смуглый местный доктор, что пришлось попросить его перейти на латынь. Эскулап удивился, но без заминки перешел. И она еще подумала, что его рекомендациям стоит доверять.

Наверное, опер принял ее за ненормальную. Ну и Бог с ним. Здесь тоже прошло два года – с человеком всякое могло случиться.

Единственное – на что они будут жить? «Космо» ей на время лечения заказан. Впрочем, если написать роман... А, еще страховка... Мысль упрямой улиткой сворачивала со скучной дорожки. Черт, она не отказалась бы от полудюжины улиток! Наверное, ей можно. А Бреон, поди, побрезгует... И тут окатило жаром.

Бреон увидит Париж.

И Эрусалем.

Слез внутри – во всем теле – стало так много, что они никак не хотели пролиться. Только грудь ныла все сильнее. Но это ничего. Доктор сказал: два года, и все в порядке.

Где купить «Звездную дорогу»?

В Москве – в магазинах «Библио-Глобус» (ул. Мясницкая, 6, ст. м. «Лубянка»), «Молодая гвардия» (ул. Б.Полянка, 8, ст. м. «Полянка»), в Доме книги «Пресня» (ул. Красная Пресня, 14, ст. м. «Краснопресненская»), «Доме книги в Сокольниках» (ул. Русаковская, 27, ст. м. «Сокольники»), в сети «Новый книжный» (ул. Маршала Бирюзова, 17, ст. м. «Октябрьское поле»; ул. Сходненская, 50, ст. м. «Сходненская»; Пролетарский просп., 20, ст. м. «Кантемировская»; ул. Декабристов, 12, ст. м. «Отрадное»; ул. Митинская, 48, микр-н Митино; Комсомольский просп., 28, ст. м. «Фрунзенская»; Солянский пр-д, 1, ст. м. «Китай-город»), а также на книжной ярмарке в спорткомплексе «Олимпийский»;

в Санкт-Петербурге – в сети «Книжный салон» (Невский просп., 94, ст. м. «Маяковская»; центр «О'Кей», ст. м. «Озерки»; Будапештская ул., 71, ст. м. «Купчино»; 6-я линия Васильевского острова, 25, ст. м. «Василеостровская»; Большой просп. Петроградской стороны, 86, ст. м. «Петроградская»).

По вопросам приобретения журнала **в других городах** обращайтесь в отделения фирмы «Ода»: Владивосток – «АП ОДА» (т. 4232 23-52-02); Санкт-Петербург – «Нева-Пресс» (т. 812 324-67-40); Ростов-на-Дону – «АП ОДА» (т. 8632 53-19-17); Новосибирск – «АП ОДА» (т. 3832 18-08-53); Пермь – «АП ОДА» (т. 3422 105-193); Самара – «АРПИ-Самара» (т. 8462 53-56-97); Краснодар – «Юг-Пресс» (т. 8612 65-19-91); Уфа – «АП ОДА» (т. 3472 52-35-22); Волгоград – «АП ОДА» (т. 8442 33-73-94).

Мы приглашаем вас к звездам!

Томас Диш

ЛУННАЯ ПЫЛЬ,

запах сена и диалектический материализм

Для второго выпуска своей персональной рубрики известный переводчик Владимир Баканов выбрал маленький рассказ Томаса Диша. Диш — один из лучших американских писателей «новой волны», автор романов с «жизнерадостными» названиями «Геноцид», «Концлагерь», «Человечество на привязи». Уже по этим названиям понятно, что темы толерантности и свободы стали для Диша самыми главными. Увы, писатель по природе — пессимист, а потому от его книг остается очень грустное «послевкусие». Но такой концентрации пессимизма, которая достигнута в рассказе «Лунная пыль...» (1967), читателям «Звездной дороги» встречать наверняка не доводилось. По мнению В.Баканова, Диш рассуждает здесь о полной «бессмысленности жизни и смерти... Что ж, такие мысли пугают всех, кроме имбецилов и философов...»

1

Он умирал во имя Науки.

Место для этого было самое подходящее – подлинный мавзолей научных исполинов давнего прошлого, давших свои имена лунным крате-

---

«Moondust, the Smell of Hay, and Dialectical Materialism» by Thomas M. Disch

рам. Платон, Архимед, Фарадей, а на невидимой с Земли стороне – толпа соотечественников: Козырев, Езерский, Павлов... Великая честь – быть первым, самым первым существом из плоти и крови, которое обретет вечный покой здесь, в таком окружении. Все равно что уподобиться Ганимеду, которого боги живым вознесли на Олимп.

Девять минут.

И все же насколько упоителен и бесценен вклад в сокровищницу науки от того, что узнан подлинный цвет кратера Птолемея – он оказался серым; от того, что с большей точностью, чем прежде, измерена высота кольцевой стены – она оказалась равна 1607 метрам; от того, что собраны образцы пыли, сколы серых камней. Все это будет классифицировано, взвешено, подвергнуто химическому анализу, что хоть на малую толику увеличит знания человечества, тем самым расширяя горизонты познанного мира – сегодня они ограничены Луной, завтра достигнут Марса, а позже будут простираться до отдаленных звезд, где само время обращается в ничто, побеждаемое энтропией...

О-хо-хо, тут-то и лезет в глаза, подобно черепу в келье монаха-картезианца, проклятущее слово – «энтропия». А на кой ляд науке надобно изречь абсолютную истину обо всем на свете? Кому полегчает от знания, что Вселенная, подобно человеку, смертна? Что в один распрекрасный день на Земле будет серым-серо, как в кратере Птолемея, что Солнце неизбежно погибнет, что никому и ничему не отвертеться от обращения в ничто, от исчезновения, от вульгарного небытия?

Небытие... Произнеси он это слово хоть миллион раз, разум не способен вместить его смысла. Что есть небытие, знают только мертвые. Впрочем, через девять минут он тоже будет мертв. Ах нет, теперь уже через семь с половиной. Отчего, почему – не дано понять ни ему, Михаилу Андреевичу, ни кому другому. Забарахлил один прибор из тысячи – незамеченная пустяковая неполадка, которая в итоге привела к роковым последствиям. Но и подобный казус предусмотрен вездесущей энтропией.

Он продолжал шагать по дну кратера, удаляясь от космического корабля – источника беды; массивный скафандр вынуждал широко расставлять ноги, и со стороны он напоминал бы упакованного в защитные доспехи американского футболиста, который получил тяжелую травму и ковыляет прочь с поля осторожно-осторожно, чтобы резким движением не расплескать боль. Михаил Андреевич наполнил лунной пылью последнюю канистру, присоединил к другим и пошел обратно. Призывно зажужжал передатчик внутри шлема. Шесть минут. Даже чуть меньше.

«Если задержать дыхание...» – подумалось ему.

Теперь он брал канистры одну за другой с лотка и высыпал их содержимое на башмаки своего объемистого ярко-желтого скафандра. Лунная пыль падала вниз отвесно, с быстротой камешков – ничего похожего на привычную легкость сыпучих веществ. Тоже бессмысленное действие. Его взгляд был прикован к востоку, где нависал над горизонтом полумесяц Земли. Сейчас в России ночь, а сама страна пряталась где-то в темной половине шара.

Бездна... Весь космос – пустейшее место, а Земля – не более чем вращающийся в пустоте шар; существуют еще шары раскаленного газа – Солнце и прочие звезды. Ум за разум заходит! Это ж надо – сыграть в ящик только потому, что твоим кровяным тельцам не хватит какого-то там кислорода. Это ж надо...

Нет времени додумать все мысли. Еще совсем чуток, и он вовсе перестанет думать.

«Жу-жу-жу», – не унимался передатчик.

Жужжат мухи над разлагающимся трупом... Ах нет, какие мухи в лунном безатмосферье! Не может тут быть жизни – ни такой, ни сякой. Милые сказочки про селенитов беспочвенны, ибо ничто живое тут существовать не способно. В том числе и он, а посему милой сказочке его существования приходит конец.

До него вдруг дошло, что он набрал полную грудь воздуха и силится удержать сокровище в сундуке легких. Неразумный зверь в берлоге подсознания все еще надеялся увильнуть от неминуемой смерти. Поди, страшно бедняжке... Вот так вот мать, уже отходя, целовала иконку, а ее умные серые глаза криком кричали: знаю, никакой загробной жизни нет!.. Губы веровали, глаза отрицали.

Он коснулся языком клавиши передатчика и произнес:

– Слушаю.

– Господи, Михаил! Мы тут все извелись. Уж было подумали...

Двести сорок тысяч километров почти не искажали приятный голос Тони.

– Нет-нет. Еще нет.

– Мы докопались до первопричины. Дмитрий прав: третий инжектор вышел из синхрони...

– Бога ради, Тонечка, зачем мне это знать! Разве поможет?

Он так подчеркнул слово «это», будто существовало что-то другое, способное его спасти.

Тоня откликнулась не сразу – и совсем другим голосом, по которому он понял, что она плакала:

– Мы до глубины души потрясены твоей стойкостью!

– Чем-чем? Доблестью? – переспросил он, угадывая сквозь помехи.

– Какая же доблесть в том, что я жрал да пил, покуда запасы не кончились? Какая доблесть в том, что я дышу, покуда не кончился кислород? К чертям собачьим такую доблесть.

– Что ты сказал, Михаил? Связь прерывалась.

– Ничего я не сказал.

– Ася передает тебе привет, Михаил.

Четыре минуты.

– И Асе от меня привет.

Движением языка он отключил передатчик – движением так похожим и так не похожим на поцелуй...

Нет, он умирал не во имя Науки, ибо Наука – не то, во имя чего стоит умирать.

2

Он умирал во имя Любви.

Разве в то давнее, давнее лето он не повторял себе, что вот сейчас готов умереть без сожалений, ибо получил от жизни все возможное? Разве она не была божественно хороша – Ася, его Ася? Что за кожа – гладкая, чистая, ну налитое яблочко, а нежная улыбка, играющая на губах, а золотистые локоны, источающие аромат свежескошенного сена, а бездонность серых глаз! Неужели одной только памяти об Асе, о нестынущем жаре того неповторимого лета – неужели всего этого мало для наполнения жизни смыслом?

«Но это было и прошло, – возразил он сам себе, – кануло в небытие».

Правда-правда. Легче остановить извечную маету мира, чем не дать пожухнуть любви. Время счавкает ее – если не за пару вечеров, так за несколько лет. Все преходяще: красота, благородство, любые человеческие достоинства. Вселенской энтропии вторит энтропия души человеческой. Одрябла некогда упругая Асина кожа, одрябло все ее существо – неупражняемый дух. Оказалось, что Ася принадлежит к тому подавляющему большинству людей, которых смерть забирает не сразу, а уносит частями. Любовь? Ее и след простыл.

Но была же трава зеленее обычного в то самое лето! И чудилось, что солнце проливает на землю зримые потоки жидкой энергии. Ведь было, было: с какой легкостью взлетали на вилах кипы спрессованного сена, как работалось с Асей на самом солнцепеке, как выветривались напрочь воспоминания о лихорадочной суете студенческой жизни, как забывалось обо всем на свете, кроме существования двух отторгнутых

от мира тел в истоме любви, а небесные просторы искусно прикидывались пологом над обителью их уединенных восторгов. Идиллия, да и только.

Но давно прошедшая, давным-давно.

Сейчас покрыты снежным саваном те поля, где они вместе упивались запахом сена, и, находись родина в освещенной части земного шара, она бы прощально блистала перед его взором — столь же ярко, как в этот момент блистал север Европы, омытый лучами утреннего светила.

Земля, что ни год, умирает, однако за морозами следует возрождение. Его же зиме не будет ни конца, ни края. Ну так и что? Довольствуйся одним-единственным летом, проблеском солнца из-за туч, былым поцелуем! Какой толк в повторении испытанного сполна?

Слова, слова. Кого и когда они утешали?

— Асенька... — прошептал он с мукой в голосе, но одновременно и с отзвуком зависти. Ибо она останется жить, а он вот-вот умрет.

Минута и еще полминуты.

«Жу-жу-жу!» — ожил передатчик.

Вот если бы ему было дано погибнуть в миг окрыленности, порхнуть мотыльком на огонь — вместо того чтобы неделю за неделей присутствовать на затянувшихся похоронах любви.

Нет, он умирал не во имя Любви, ибо Любовь — не то, во имя чего стоит умирать.

3

Он умирал во имя Державы.

В науке личность — дело десятое. Любовь плоха тем, что всегда умирает прежде любящих. Но существуют идеалы, которые счастливо сочетают основательность науки и человеческое тепло.

Как и положено всякому космонавту, он был пламенным патриотом своей страны. В партию он вступил еще в восемнадцатилетнем возрасте, что было и трудно, и необычно для студента, чья зачетка пестрела физико-математическими дисциплинами.

Он веровал — едва ли не с религиозным пылом — в светлое будущее, в историческую миссию Отечества. Его распирала гордость — а какого советского человека она не распирает? — гордость за то, что было сделано за каких-то пятьдесят лет вопреки проискам враждебных сил — сил столь заклятых, что даже теперь, глядя на зависшую у горизонта Землю, он ощутил мгновенный накат одуряющей ненависти. Не-

взирая на происки врагов, невзирая на черные дела мировой реакции, именно Советский Союз, именно наш родной Союз первым высадил человека на Луне.

Впрочем, теперь-то никто и никогда не узнает, что этого человека звали Михаил Андреевич Кархов. О великом свершении Советского Союза намеривались объявить только после успешного возвращения космонавта на Землю. О неудаче попросту не сообщат, так как это нанесет ущерб престижу Державы. А разве интересы государства не были – в широком смысле слова – и его кровными интересами?

Разве подавляющее большинство героев Революции или участников Сталинградской битвы – разве они не погибли безымянными? Разве их жертва обесценилась тем, что история не сохранила памяти о каждом из них в отдельности?

Ему хотелось ответить твердым «нет», но губы не пожелали разжаться.

А если бы все прошло успешно? А если бы он стал национальным героем? Отменило бы это предстоящее небытие? И что такое слава, что такое гордыня, когда в лицо дышит смерть? Грош им цена по сравнению с сиюсекундной возможностью прожить еще мгновение-другое, еще раз вздохнуть полной грудью.

Нет. Вопреки своему желанию, он умирал не во имя Державы.

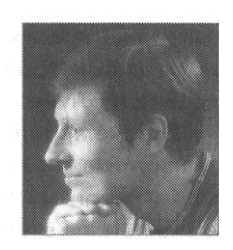
4

Кислород закончился. Еще раз, невидящим взглядом, он посмотрел в сторону Земли и, равнодушный к жужжанию передатчика, крутанул винты, отвечающие за герметичность шлема.

Он умер сразу, так и не поняв, что не существует ничего такого, во имя чего имеет смысл умирать.

Перевод Владислава Задорожного

Дебют в «ЗД»

Владислав Силин

ВИЛТИГАЙ ВЕЛД

Рассказ рижского программиста Владислава Силина, публикуемый в рубрике «Дебют», одержал победу в одном из сетевых конкурсов молодых фантастов. Некоторым читателям он напомнил прозу Муркока — вероятно, по причине богатой фантазии автора, не скупящегося на яркие детали. На просьбу редакции прояснить истоки этого богатства Владислав написал следующее: «Самыми запомнившимися, я бы даже сказал — судьбообразующими для меня стали четыре года, проведенные в Монголии. Я как раз закончил третий класс, когда мои родители отправились в Улан-Батор — помогать монгольским братьям в строительстве социализма. Другая природа, абсолютно иная культура — это все оказало на меня очень сильное влияние. Кочевые юрты меж современных девятиэтажек, жуткие боги в монгольских храмах — многорукие, звероподобные, в ожерельях из человеческих черепов... Быть может, именно из-за них я так увлекся восточной культурой, когда вернулся на родину?»

I. Экзарх

– Редид посол, сиятельнейший кунд Дагда срочно желает вас лицезреть.

На мгновение мне показалось, что мордочка герольда выразила сочувствие, но я тут же отмел эту мысль. Ко мне, варвару? Блистательный житель империи? Быть не может.

– Э-э... – промычал я, лихорадочно стирая пену с подбородка. – Передайте кунду Дагде...

– ...разветвленноживущему с алой лентой кунду Дагде, – с нажи-

мом подчеркнул лакей. Естественно, ни о каком сочувствии не могло идти и речи, как говорится, vae victis*. Даже лакею-герольду позволяется сокращать титул разветвленноживущего до простых разговорных форм... Лакею, но не мне, полномочному представителю Земли на Латлаге.

– Немедленно, редид Василий. Вам дается сорок семь секунд, и поспешите: кунд Дагда не любит ждать.

Это мы знаем, знаем, ученые уже... Торопливо скребу щетину огромной, украшенной финифтью бритвой, не без юмора оформленной в виде стрелецкого протазана. «Дипломатический кодекс Латлага», страница сто пятьдесят шесть: ритуал встречи лодошского чиновника второго ранга, предписанный жителям Ойкумены при нахождении в столичном городе империи. Обязательное бритье, замена видового запаха на растительный, стрижка когтей на всех четырех конечностях... Все, чтобы соответствовать званию бритоносого круглоухого варвара.

Варвары. Мы — жители Ойкумены.

Черт возьми! Сегодня специально встал на два часа раньше, чтобы успеть подготовиться к визиту, однако у господина экзарха прекрасные осведомители. Сдавленно хихикаю, представив, как сиятельный кунд Дагда мечется по спальне в поисках церемониальной юбки, чтобы застать меня врасплох в самый ответственный момент бритья. К счастью, они не знают, что вломиться к послу в нужник во время отправления естественных надобностей – стократ оскорбительнее. Или знают?..

– Передайте сиятельному разветвленноживущему с алой лентой кунду Дагде, – церемонно чеканю я, – что через четырнадцать с половиной ляку я прибуду, дабы почтить его присутствие троекратным падением ниц.

В моих словах нет ни издевки, ни сарказма. Общаясь с лодошами, приходится отвечать за свои слова и рассчитывать время буквально до долей секунд.

– Редид Вадилий Дамода, – еле заметно кивает мне господин экзарх. Я поспешно – быть может, несколько более поспешно, чем требуется, – опускаюсь на пол, нелепо разбросав руки и ноги в разные стороны. Господи!.. Знал бы я когда-нибудь, что буду так стелиться перед тушканчиком-переростком, похожим на аляповатую игрушку из «Детского мира»! Тушканчиком в цветастой юбке и бронзовом шлеме с гребнем, тушканчиком, чья белоснежная шерсть успела местами вы-

* Горе побежденным (лат.).

лезти от старости и пожелтеть, тушканчиком, не выговаривающим «с» в наших именах и заменяющим его звуком «д»...

– Встаньте, редид Дамода. Я разрешаю вам угостить меня чаем.

Кланяюсь.

– Это большая честь для меня, сиятельный разветвленноживущий с алой лентой...

– Разрешаю вам звать меня просто Дижакайд.

– Благодарю вас, Дижакайд! – вновь рассматриваю светло-коричневые лубяные маты. К счастью, Светлана Егоровна ежедневно по нескольку раз протирает все полы тряпкой с «Филиа»: шерсть лодошей, как и любая инопланетная органика, очень токсична.

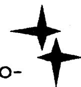
Для нас. Лодоши спокойно едят нашу пищу, причем наш чай им особенно по вкусу. Это тем более странно, что до контакта с землянами поедание горячей пищи воинственным тушканчикам было абсолютно незнакомо; они питались сухими злаками и разогревание еды в микроволновке первоначально сочли неким экзотическим религиозным ритуалом, чем-то вроде обряда очищения или жертвы богу огня. Зато потом, после взятия Земли, на Латлаге возникла мода на горячие блюда. Открылось множество ресторанчиков варварской пищи: «Бритый хомячок», «Обнаженная норка», «Три голощеких мышонка». Немало, ох, немало предприимчивых хвостатых дельцов обогатилось на гурьевской каше и кичари!..

Мои размышления на тему цивилизации, развращенной покоренными варварами, прерывает деликатное покашливание. Бог мой! Чуть не упустил белый ключ за размышлениями!

Торопливо наливаю кипяток и накрываю заварочный чайник смешной тряпичной бабой с румяными щеками и огромными грудями. Мечта мещанина – у самовара я и моя Маша, однако тушканчикам-самураям нравится. Лодош булькает с довольным видом, снимает с себя меч в ножнах (на пресловутой красной ленте) и кладет слева, лезвием наружу. Это он меня презирает, значит, мышь белая. Вот ведь натура самурайская: в помещении при оружии и в обуви не ходят – это неудобно, видели бы вы их сандалии, – но, понимаете ли, презрение маленьких цивилизованных зверьков к варварам-приматам не знает предела. Они ведь тоже рабы Кодекса, все эти разветвленноживущие Дагды, Герды и Гарды, только мы свое рабство сознаем и тяготимся им, а лодоши – нет. Они живут рабством, дышат им, едят, пьют, как чай...

Чай!

Да что это со мной сегодня? Не выспался? Медленно, с достоинством переливаю ароматный «Хьюджиминг» (ах, ханжи европейцы!) из

чайничка в пиалу и обратно. Прихотливо располагаю на черном лаковом подносе курагу и хлебцы из пророщенного зерна, накладываю на блюдечко мед, насыпаю на белоснежное вафельное полотенце горку фундука.

– Ваш чай, Дижакайд.

Реакция лодоша вполне предсказуема: поднос летит в сторону, я вновь разглядываю маты. Да, Светлана Егоровна, после ухода господина экзарха вам будет много работы...

Как ни странно, второй поднос отправляется вслед за первым. Это уже что-то новенькое: обычно после второго раза лодоши более благосклонно относятся к предложенному угощению.

– Я не вправе принимать еду и питье в доме мертвого варвара из несуществующей страны, – ничуть не смущаясь, поясняет Дагда. – Извольте ознакомиться с данным документом.

Кланяюсь. Лежу на полу. Принимаю затейливо сложенный в причудливую кисть литинии (без ножниц! без капли клея!) лист пластика. Разворачиваю. Снова ложусь.

Что ж... Этого следовало ожидать: в моих руках – принятое всеобщим собранием Даэмаа постановление о переводе Земли в категорию «Зет-каб3А».

«3А». Полная утилизация.

Всего хорошего, и спасибо за рыбу!*

Словно сквозь вату слышен голос Дагды, бормочущий что-то о великой чести и вселенском предназначении. Море и Путь. Какое там было число?..

Тупо смотрю на дату подписания постановления и понимаю, что цыганское радио не подвело: слухи о гибели Земли поползли как раз три дня назад, незадолго до собрания Даэмаа.

Пока я соображаю, что делать дальше, пальцы оживают, начиная перегибать и разглаживать бумагу. Горб, впадинка... придержать, в открывшийся клапан вложить язычок... Не зря, ой, не зря учила голоносого варвара благородному искусству папирада смешливая кудэ Ивар!

– Вашему самообладанию можно позавидовать, редид Вадилий Дамода, – с невольным уважением бормочет экзарх, наблюдая за моими умными пальцами.

Можно, можно, лодош... Приговор Земле превращается в уродливую лягушку – такими я баловался еще в школе на переменах. Кособоко, на троечку... Тем не менее тушканчик-самурай доволен и церемонно трясет юбками:

---

* Фраза из романа Д.Адамса «Автостопом по галактике».

– Воистину, многие прославленные кунды могли бы поучиться достоинству и знанию этикета у варвара. Я приношу вам соболезнования, редид Дамода… и отдельно соболезную о вашем соотечественнике. Не далее как три минуты сорок семь секунд назад редид Абрахам Гор потерял морду и повел себя неподобающе. Мы скорбим.

Вновь обнимаю лубяные маты. В отношении варваров лодошский этикет удручающе однообразен. Впрочем, я зря надеялся на то, что сюрпризы сегодняшнего дня для меня закончились:

– Встаньте, редид Дамода! – торжественно объявляет экзарх. – Мы обеспечим вам подобающий доступ к праху недостойного соотечественника, а пока…

Кунд Дагда издает два пронзительных истеричных взвизга, и в комнате появляются златошерстные девицы из свиты экзарха. Одну я знаю – кудэ Ивар, дочь кунда Дагды, вторая мне абсолютно незнакома. Из почтения к хозяину лодошские дамы передвигаются на четвереньках, поджимая хвосты. Фрейлины ритуально пищат, ритуально меня обнюхивают – ой, щекотно! – а затем удаляются, оставив у моих ног инкрустированную янтарем и бериллами шахматную доску.

– Жаль, что поторопился отказаться от чая, очень жаль!.. – удрученно трясет головой Дагда. Его речь прерывается одобрительными взревываниями после каждого слова, так что не понять – жалеет он о пролитом чае или же рад этому.

– Но ничего, ничего, насколько я помню, кунд Вадилий, вы прекрасно играете в шахматы. Совместную трапезу мы заменим благородным состязанием ума, и ваша честь не пострадает.

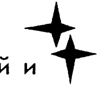
После этих слов экзарх разувается и садится на свои сандалии, перевернутые подошвой кверху.

Чудеса! Я обретаю все больший вес в лодошском обществе. Интересно, можно мне будет разок фамильярно назвать его разветвленноживущим? Или интимно – Алая Ленточка?

Беру доску, тушканчик вопросительно мотает головой:

– Шахматы? Торнид?

Я надолго задумываюсь. Налицо еще одна загадка лодошской цивилизации. Как выяснилось, у наших мохнатых соперников существует игра, полностью идентичная шахматам. Исключение лишь одно: черного короля из какой-то лингвистической прихоти зовут не «король», а «Вилтигай Велд». Чем эта фигура отличается от своего белого собрата (да и от черного в обычных шахматах), мне так и не удалось выяснить – ни в ходах, ни в правилах никаких отличий нет. Тем не менее всякий раз перед игрой лодоши педантично осведомляются, во что будем играть – в шахматы или торнид. Я всегда выбираю шахматы: предложив торнид,

можно получить доской в лоб – один раз так и случилось, первый и единственный. Шрам виден до сих пор.

– Так шахматы или торнид? – вежливо повторяет экзарх.

– Торнид, – твердо отвечаю я. Что мне терять, когда Земле осталось жить считанные дни?

Господин экзарх совершенно другого мнения.

– Забываешься, варвар! – цедит он сквозь зубы. – Жалкое бесхвостое существо! Впрочем, преподам тебе урок. Твои белые, расставляй.

...Эту партию я проиграл. Ровно через пять минут двенадцать секунд после начала игры. Следующую тоже.

– Глупый, глупый голощекий редид Дамода! – тянет экзарх, глядя на меня с отвращением. – Ты думаешь, твое возвышение – результат заступничества кудэ Ивар? О да, отчасти. Скоро начнется праздник Моря и Пути – тебе в нем уготована главная роль. Страшная кара для варвара – сидеть на скале и любоваться чужим счастьем. Как на земле, так и в небесах; часть отражает целое. А потом тебя пожрет...

Он хватает с доски черного короля и потрясает им в воздухе:

– Вилтигай Велд!

II. Парадоксальный Союзник

После ухода господина экзарха я около часа пролежал на полу, не смея подняться. Все-таки вымуштровали нас тушканчики на славу... Сожженные Пекин, Нью-Орлеан и Вышневолоцк, потопленные разветвленноживущим кундом Маритэ «Волга» и «Миссури», отрубленная голова генерала Кадакевича на ступенях Белого Дома...

Вставать не хотелось. Говорить и думать тоже. Да и о чем говорить, о чем думать? О каналах и дворцах Венеции, где я бродил когда-то – угрюмый, зажатый, истерзанный собственными страхами подросток, случайно попавший в страну чудес? О Старом Таллине, где сидел с любимой в стилизованном под средневековье уютном ресторанчике, не смея поверить в то, что моя жизнь коренным образом изменилась и я больше не одинок в этом огромном мире? О сером унылом здании в Москве, где меня спешно натаскивали лучшие дипломаты Земли, до боли в висках пытаясь понять: что же такого особенного нашел лодошский посланник в неказистом рижском архитекторе, выбрав его полномочным представителем Земли на Латлаге?

Все, все бессмысленно. Было время разбрасывать камни, и вот оно вышло. Было время родиться и время умирать. Все прошло, и это пройдет. За рыбу, впрочем, спасибо.

В груди давно уже нарастала тупая ноющая боль; чтобы сбросить ее в землю, я уселся в полулотос. Позу лотоса я так и не освоил: сперва травма колена мешала, а теперь... Чего уж теперь жалеть.

– Ом-м! – затянул я. – Нам пхат шрат крим хрим бхат!

Набрав воздуху побольше:

– Сваха!

Как всегда некстати в голове мелькнула мысль, что тушканчики за мной следят и сейчас заявятся. Прямого запрета на личностный рост не было, но любые мои беспомощные попытки медитировать или заниматься йогой настойчиво пресекались под разными предлогами. Вот и сейчас послышался стук в дверь. Я напрягся.

– Ва-арсилий?

Дверь с шорохом поползла в сторону.

– Ва-арсилий, ты зде-ерсь?

Я открыл глаза.

Карикатурное существо в ниспадающих белых одеждах, хрящеватые уши, квакающий голос. «Са-арми мы не ме-ерстные... Альфа-Центар-вра зна-арешь?..» Керелех утверждал, что реконструировал свой облик на основании одного из земных фантастических фильмов – чем черт не шутит, может, и «Гостьи из будущего».

– Керелех? – Торопливо, будто меня застали за чем-то постыдным, я расплел ноги. – Заходи, Керелех. Заходи. У меня – сам знаешь...

Керелеху можно доверять, но лишь отчасти: он то, что лодоши называют Кадамори Драуд, Парадоксальный Союзник. Может быть, трикстер. Мне неизвестно самоназвание его расы, неизвестна цель, с которой он живет в столице, я знаю лишь, что Кадамори с трогательной заботливостью опекает варварских посланников, находящихся на Латлаге. Друзей ищет? Не думаю, вряд ли мы нужны всесильным Кадамори. Лодоши побаиваются своих Парадоксальных Союзников: без определенной внешности, без имен, смысла и цели – Драуд непостижимы, а потому опасны.

– У-уртилизарция? – клекочет Керелех.

Киваю.

– Трри-Ар?

Снова киваю.

– Вы-ырпей, Ваарсилий! Вы-ырпей. Стаарнет легче.

Словно по волшебству, на столике появляются чай, две леопардовые бутылки «Черной реки», тонко напластанная бастурма (для Керелеха, сам я вегетарианец), мисочка с сушеным инжиром, полпачки шоколадного масла.

Мне не хочется думать, из чего все это сделано и чем является на

самом деле. Керелех пробовал обучить меня принципам бытия и, в частности, Закону Подобия, рассказывал свои инопланетные коаны, но я оказался неспособным учеником. Вполне возможно, что вместо сушеных фиг он видит вяленых улиток, а вино в бутылке — вытяжка из семенников гигантской лягушки. Черт с ним! Мне в самом деле необходимо напиться. Все же гибель Земли не каждый день случается.

Звякают тяжелые лодошские кубки. Можно говорить что угодно о моем испорченном вкусе, но я обожаю африканские вина с зеленым чаем. Они напоминают мне о старых добрых временах: спортивные сборы под Кестерциемсом, шум моря, запах хвои, прохлада тренировочного зала и свобода, свобода от всего, что только можно придумать.

— Ну, за счастье твоего мира!

— За счастье, — киваю я. — Теперь уж немного времени осталось. Мы станем счастливы.

Выпитое всегда оказывало благотворное воздействие на Керелеха: он переставал булькать и рычать, подобно пришельцу из третьесортного блокбастера. Если б не эти уши... Неужели перед смертью я становлюсь ксенофобом?

— Василий, помнишь, ты спрашивал, в чем лодоши превосходят вас? Почему они оказались первыми в этой войне?

— Помню. Ты ответил что-то несуразное.

Кадамори не удержался и булькнул, засмеявшись.

— Я ответил, что лодошам плевать на ваше понимание реальности. Дао, Божественный Промысел, Порядок Вещей — мышление, достойное жителя Ойкумены. Ты думаешь, что человек, вооруженный автоматом, жрущий чипсы, греющий гамбургеры в микроволновке, превосходит тушканчика с мечом, торбой проращенного зерна и алтарем Кокодо Девда на поясе? Реальность показывает иное.

Он помолчал и вновь разлил вино по бокалам.

— За Абрахама Гора.

— За Гора. Что с ним?.. — Я не смог произнести роковой фразы, но Союзник понял без слов.

— Потерял морду. — Он чиркнул себя большим пальцем по горлу. — В прямом и переносном смысле. Знаешь, Василий, варварский посол не может позволить себе роскошь обладать настолько выразительной мимикой.

Я кивнул.

— Для американцев лодоши оказались чересчур большим потрясением. Ты правильно сказал, Керелех, — пушки и фастфуд не способны служить мерилом цивилизованности.

– Ничего, – успокоил меня Кадамори Драуд. – Просто ваша звездная экспансия прекратилась слишком рано. Хочешь фигушку?

Кадамори намазал инжирину шоколадным маслом и протянул мне.

– Угощайся, Василий. Эх, прогрессорство-мугрессорство... Если бы вам хоть раз довелось колонизовать по-настоящему феодальный мир, вы бы сразу поняли, в чем проблема. Дело ведь не в том, что тупых туземцев-моземцев приходится расстреливать из автоматов перед тем, как принести им Библию, демократию и привычку чистить зубы по утрам. Нет, Василий. Их нужно предварительно убедить в том, что они смертны. Что этот дурацкий кусок металла в руках полубогов способен нести гибель. Смерть-кумерть. Лодошей убедить не удалось, потому вы и проиграли. Война-шмойна, как говорится. Vae victis. Victis-biktis.

Керелех как-то хвастался, что написал больше дюжины трактатов по земной культуре; его последний опус «Удвоение слов с заменой первого слога как проявление подсознательного влечения к осознанию Раша-Миори» даже хранится в нашей посольской библиотеке. Я прочел его со смешанным чувством. Все-таки проводить параллели между особенностями сексуальных взаимоотношений трехполых крокодилов с другого конца галактики и речью моих соотечественников – занятие рискованное. Тем не менее анализ словосочетания «культур-мультур» на шестидесяти четырех страницах меня впечатлил. Да и шефа нашего, Нуфетдинова, насколько знаю, тоже.

– Так что же, лодоши, по-твоему, не верят, что умрут? Они бессмертны?

Союзник вздохнул.

– Ты варвар, Самоса. И вся ваша цивилизация – варвары. Впрочем, в том виноват принцип голографичности: часть отражает целое – как на земле, так и в небесах.

– Что же нам делать, Керелех? – жалобно проблеял я.

– Созерцать. – Керелех оторвал кусочек бастурмы и положил на язык. – Стать бесстрастным свидетелем гибели мира. Жаль, мне у вас понравилось... – Он внимательно посмотрел мне в глаза. – Ты теперь Земля, Василий. Лодоши знают это. Ты знаешь это. Ваше спасение – Вилтигай Велд.

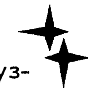
– Что?! – Протянувшаяся за очередной чашкой чая рука остановилась.

– Вилтигай Велд. Теперь тебе можно сказать.

– А раньше?

– Раньше ты не играл в торнид. – Керелех едва заметно усмехнулся и кивнул в сторону шахматной доски.

– Я играл в шахматы.

Мне стало безумно интересно: откуда Парадоксальный Союзник узнал о моем утреннем выборе? Что ему подсказало? Я понимал, что ответа не получу, и вопрос так и остался невысказанным.

– Да, раньше ты играл в шахматы, – в руках Кадамори Драуд появилась маленькая черная фигурка, – а это совсем иное. Знаешь, почему черный король – Вилтигай Велд?

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

– Потому что лодоши чересчур серьезно относятся к торниду, это их власть над миром. Для лодошей нет разницы – игра или жизнь, лодош или пешка... Белые – живые, черные – войско мертвых... но у мертвых не бывает королей, Василий. Понимаешь? Всадники есть, гвардейцы, экзархи с острыми мечами – все, кроме королей. Черный король – это Вилтигай Велд.

После этого разговор сам собою сошел на нет. Мы с каменными лицами допили вторую бутылку, Союзник озабоченно пробормотал формулу Граничности Времени, раскланялся и исчез.

Как оказалось, вовремя: буквально через несколько минут за мной пришли. Меня ждал сам Дарай Лодош – корнеживущий, грызущий небо, с тремя черными колокольчиками. Вновь явились кудэ Ивар и незнакомая мне лодошка, меня облачили в цветастую юбку с кистями, обули в сандалии на несуразно высокой подошве, и в сопровождении двух статных оруженосцев кунда Дагды я отправился в Нору Бога. Морально готовиться к предстоящему празднику.

III. Дарай Лодош

На небе как на земле, а часть смотрится в целое и видит в нем себя. Нора Бога, как и любое жилище Латлага, являлась отражением вселенского миропорядка. Запутанные тропинки, устланные ковриками кукушкина льна, вились без всякой системы, сплетаясь и расплетаясь хаотично, но все они вели в одну сторону – к покоям Дарай Лодоша, патриарха. Сотканные из разноцветных корней стены образовывали сложный, гипнотизирующий узор; капающая в металлические чаши вода пела едва слышную мелодию, растаскивающую сознание по ниточкам на манер игривого котенка, треплющего салфетку; временами по узким коридорам Норы Бога проносилась волна теплого, напоенного цветочными ароматами воздуха. Очень скоро я потерял себя в колоссальном лабиринте лодошского храма. Я пробовал считать повороты тропинок, искать ориентиры, но быстро сдался: храм оказался непознаваем. Узорные корни, музыка и дурманные запахи сделали свое дело – я на-

чал ощущать собственное тело как нечто отдельное от меня. Каждый шаг доставлял мне неизъяснимое наслаждение; я стал понимать буддийских монахов, знаменующих любое свое движение звоном колокольчика.

Девд, Девд, Девд.

Дарай, Дарай, Дарай...

Мы вышли к титанической лестнице, сплетенной из сучьев, корней, мха и сухой травы. Лестница уходила ввысь, в непроглядную тьму вертикальных храмовых туннелей; все тропинки и дорожки Норы Бога заканчивались и начинались здесь. Всем живым необходимо куда-то идти, но лишь Дарай Лодош, корнеживущий, уже пришел. Уже на месте.

Вот и все. Ни боли, ни страха, ни усталости. Я украдкой глянул на часы – в пути мы находились около пяти часов. Заметив мое движение, левый страж что-то пробурчал сквозь зубы, и циферблат наполнился приятным зеленым мерцанием. Этот миг стал для меня последним отмеренным и посчитанным в жизни, остальные так и остались неучтенными.

– Иди, варвар! – сломавший (или, наоборот, освободивший?) часы оруженосец тронул меня за плечо. – Кроме тебя, некому...

Он произнес слово, которому не нашлось аналога в моем словаре, и это значило, что понятие, им обозначаемое, в моей жизни еще не встречалось.

– Иди! – повторил второй. – Дарай Лодош ждет тебя.

Я беспомощно оглянулся.

Кап-кап. Кап-кап. Девд-Девд. Звук держал сознание в напряжении, маня неведомым недостижимым знанием; в какой-то момент мне показалось, что капель сложилась в слова:

Пусть в проклятой пустоши бродит человек...

– пел невидимый церковный хор. Я похолодел: пели по-русски!.. Мало что по-русски – я уловил голоса Вальки Смирнова, оставшегося в Риге, и Кати-Катарины-Зарины. Илюхи Шермана и Володьки Кемме. Всех, кого я когда-либо встречал в жизни...

Кто поймет, как лучше? Кто найдет ответ?

Это что ж получается-то? Меня опоили? Запах цветочный – наркотик? Или я сплю?

– Иди! – в третий раз повторил оруженосец, подталкивая меня в спину. – Иди!

Потеряв равновесие, я схватился за травяной жгут лестницы, и тропинка за моей спиной исчезла. Неловко подтянувшись, я приступил к восхождению.

Парадоксальный Союзник как-то рассказывал, что у лодошей, кроме общепринятых пяти чувств, есть еще два – чувство пространства и сознание бесконечности. К счастью, я не обладаю ни тем, ни другим, иначе еще у основания лестницы сообразил бы, во что ввязываюсь, и остался бы внизу.

Мало кто из живущих на Латлаге видел Дарай Лодоша. Быть может, я первый и единственный. Хотя нет, оруженосцы его тоже увидят. Или уже увидели?..

Когда очередная травяная косица лопнула в руках, окружающий мир с радостным воем ринулся вверх. Радость оказалась преждевременной: не успев пролететь и десятка метров, я врезался в хитроумное переплетение лубяных лент и замшелых сучьев.

«Позволь тебя спросить: что ты делаешь?» – сварливо осведомился старческий голос. От неожиданности я не нашелся, что ответить, и лишь глупо хлопал глазами, в то время как площадка, на которой я лежал, потрескивала и угрожающе кренилась в сторону. Я панически забился, но лишь ухудшил свое положение.

«Что за странные забавы. Это спорт? Развлечение? Ты проигрался в торнид?»

«Тебе, наверное, неудобно так лежать», – наконец заключил невидимый голос, после чего из-за огромного – в три моих обхвата – мохового каната выглянула седая мордочка. Лодош-старичок молодцевато пробежался по ненадежной веревочной сети и спрыгнул рядом со мной. Сооружение опасно закачалось, а сам я еще больше приблизился к краю площадки.

– Эт-эт, варвар! Корни Латлага не хотят тебя принять.

Одеяние лодоша составляла потрепанная сизая юбка с бахромой и кисточками; на шее у него болталось ожерелье из трех коробочек растения, похожего на мак; при каждом движении отшельника коробочки негромко потрескивали. Старик протянул мне посох и, когда я ухватился за него, подтянул меня поближе к себе.

– Сядь, отдохни. Норы и боги не созданы для таких, как ты.

– Ты – Дарай Лодош? – Коробочки на шее отшельника напомнили мне о титуле патриарха и о трех черных колокольчиках. – Корнеживущий? Я ищу Дарай Лодоша.

– Глупец! – ухмыльнулся отшельник. – Если ищешь Дарай Лодоша

– зачем тратишь время и силы на карабканье по Корням Латлага? Это разные вещи. Теперь я понимаю, почему вы, варвары, так недолго живете: вы стремитесь делать несколько вещей одновременно и постоянно забываете о том, что надо жить. Просто жить.

Старик дернул меня за рукав, булькнул, и мы оказались в моих собственных апартаментах. Хихикая и одобрительно порыкивая, Дарай Лодош обежал комнату на четвереньках, тщательно обнюхивая все углы. Казалось, происходящее доставляет ему чрезвычайное наслаждение; у лужицы пролитого чая он задержался – цокал языком, жмурился, а затем, обернувшись ко мне, ехидно осведомился:

– Что за чай? «Хуиджиминг»?

Меня передернуло.

– Да, «Хьюджиминг». Если желаете, корнеживущий, грызущий небо...

– Дижакайд. Желаю. Угощай.

Он уселся на мою кровать и уставился на меня круглыми немигающими гляделками. Черные колокольчики трещали не переставая, и от их звука мне становилось не по себе.

– Хочешь знать, как кунд Дагда успевает к твоему утреннему бритью? – внезапно спросил отшельник. – Ты очень забавно представил утром, как экзарх ищет юбку. Спасибо, мне понравилось!

Я напрягся, а патриарх, как ни в чем не бывало, продолжал:

– Нет, Дамода. Кунд Дагда не мечется и никогда никуда не спешит. Он просто приходит в нужный момент. Не знаю, где экзарх хранит нужные моменты – на столе или в карманах церемониальной юбки, но твое время разгадать несложно: ты постоянно пялишься на часы. Вот и сейчас, смотри!

Рука непроизвольно дернулась; я пролил чай и обжегся. Дарай Лодош захихикал.

– Дао, Ход Вещей, Великий Порядок, Промысел Господень... Глупцы! Вы отделили существование от самих себя и утратили над ним власть. Не побыв господами, малодушно продались в рабство! Ты передерживаешь чай, Вадилий, его уже пора переливать.

Похоже, чайным церемоном мне не быть. Я растерянно схватился за чайник, за пиалу, вновь за чайник. Мысли вихрем неслись в голове, вызывая недоуменную боль в висках: это что ж получается-то?.. Каждый лодош является отражением миропорядка, творцом и творением?

Как на земле, так и в небесах; часть смотрится в целое и видит там... Что она видит?!!

Кунда Маритэ, пузатенького смешливого лодоша, голыми руками перебившего чуть ли не роту американского спецназа при атаке «Хру-

стального Пика»? Нестреляющие автоматы и зависшие в воздухе вертолеты? Выходящих из храмов многоруких чудовищ в ожерельях из пылающих черепов – ожившие картины Дюрера и Босха?

Вилтигай Велд! Да как же играть в шахматы с существами, что являются одновременно пешками, доской, игроками и правилами?

– Есть пять ответов на вопрос, пять реакций на препятствие: тревога, сожаление, страх, гнев и радость. Земля, Металл, Вода, Дерево и Огонь. Одно следует за другим, перетекая и объединяясь, – насмешливо тянул старик. – Но, Дамода, ты застреваешь в фазе Воды.

– Да пошел ты к черту, проклятый грызун! – Я отшвырнул в сторону чайник. – Твои загадки...

– А вот теперь ты адекватен, – улыбнулся Дарай Лодош. Разбившийся о стену чайник собрался из осколков и оказался у него в руках.

– Гневаешься, Дамода; следуешь кругу... – Лодош на мгновение запнулся и поднял глаза к потолку, вспоминая слово. – Кругу У Син. Теперь можно быть спокойным: Вилтигай Велд не постигнет тебя.

– Объясни хоть, кто или что это – Вилтигай Велд?

– Что тебе с того, мертвый? Легче станет? Он не кто и не что... впрочем, нельзя сказать, что он никто или ничто. Вилтигай Велд не существует. Для тебя.

– А что существует?

– Мы существуем, мы, лодоши. Порядок существует. Промысел Господень существует.

Патриарх зевнул и деликатно прикрыл рот ладошкой:

– Прошу меня простить, редид Дамода: я утомил тебя своими пустыми рассуждениями, а тебе еще участвовать в празднике Моря и Пути, любоваться чужим счастьем.

Произнеся слово «счастье», старик скептически хмыкнул.

– Надеюсь, праздник станет праздником для тебя... тем более что других радостей в твоей жизни больше не будет.

Дарай Лодош поднялся на ноги, отряхнул юбку и трижды хлопнул в ладоши:

– Он готов. Заберите его!

IV. Вилтигай Велд

И вот я на празднике.

Между нами: кунд Дагда и Дарай Лодош оказались людьми (вернее, лодошами) слова. И скала мне досталась всамделишная, и чужим счастьем пришлось любоваться всерьез... Счастье жители Латлага понима-

ли весьма и весьма экстравагантно: подобное я видел лишь однажды, когда случайно попал в Москву во время парада на Красной площади. Всюду, куда ни кинь взгляд, толпились чиновники: рангом повыше — на ходулях, пониже — в удивительных башмаках на высокой подошве. Юбки счастливцев поражали причудливостью фасонов, форм и расцветок; они были украшены цветами, лентами, фонариками, флажками — от разнообразия красок кружилась голова. Многоголосый хор трещоток наполнял пространство треском и писком; дудочки гремели и хрюкали на разные голоса, играли незатейливые мелодии, подражали лаю и мяуканью местных хищников. Моя скала с примостившимся на ней уютным домиком изо мха и травы возвышалась в нескольких десятках метров над волнующейся цветастой толпою, и клянусь: я не хотел бы оказаться внизу, среди счастливых аборигенов!

Впрочем, они этого тоже не очень-то жаждали: мне удалось приметить кружащего вокруг скалы маленького альбатроса-снайпера с синим огоньком святого Эльма в клюве. Значение этого огонька кунд Дагда разъяснить не удосужился, но я и без того понимал: живым и несъеденным Вилтигай Велдом со скалы мне не уйти. Не позволят счастливые мохноносые аборигены. Эх, Абрахам, Абрахам, рано ты морду потерял, друг заокеанский, мы б еще побарахтались!.. А сейчас — что горевать о несбывшемся?

Игроки. Вот ваше поле, вот ваша доска для торнида... Всадники, экзархи, гвардейцы. Блистающие мечи, кисточки на поясах, шляпы с перьями. Наверняка где-то среди неспешной реки счастливцев бредет лодошский король. Самые высокие ходули, самая богатая юбка... ленты, колокольчики.

Внезапно я ощутил себя Гулливером в стране лилипутов. Сильным, могучим, огромным — и тем не менее связанным по рукам и ногам сетью тоненьких канатов, прикованным к огромной повозке тончайшими стальными цепями. Вот-вот затрещат маковые колокольчики за дверью, войдет канцлер и прикажет отправляться к блефускианцам, чтобы захватить их флот. Картина была настолько отчетливой, что я даже покосился на дверь.

Чушь! Ерунда. Никто не войдет. Все лодоши там, внизу. Ни один не может остаться вне праздника Моря и Пути, говорят, даже мертвые принимают в нем участие. Насчет мертвых сомнительно, конечно, но...

А я сам?.. Кто я?.. Мертвый варвар. Мертвый варвар из несуществующей страны — неужто я сомневаюсь в собственном существовании?

Я мертв. Я один. Я смотрюсь в целое и...

От треска колокольчиков за дверью сердце подпрыгнуло и выдало оглушительное стаккато.

– Можно, – закричал я. – Входите!

Канцлер? На мгновение мне подумалось, что это оруженосцы из свиты господина экзарха – удостовериться, что все в порядке, что я не сбежал и честно сижу, завидуя чужому счастью. Но нет. Человек... вернее, лодош, вошедший в дверь дома на скале, был мне не знаком:

– Dveid! – бодро оскалился он, входя.

– Двейд, двейд, – ошарашенно кивнул я в ответ. – Садись.

Судьба? Это моя судьба? Почему-то до меня не сразу дошло, что знание лодошского языка, намертво впечатанное в подкорку могучими методами местной трансперсональной психологии, в отношении незнакомца не работает. Каждое его слово приходилось повторять про себя, чтобы понять, что он произнес.

– Agga! – ухмыльнулся тот, словно прочитав мои мысли. – Nebadid, kund.

– Я не боюсь, – машинально отреагировал я. – Чего мне бояться?

– Man. Tu badidie pared, – снова ухмыльнулся тот. – Ed edda Viltigai Veld.

Не ожидая предложения, незнакомец уселся на пол, скрестив по-турецки лапы. Кисточки у него на ушах смешно задергались:

– Tu gaidi ke? Dedelid tornid?

– Ну... – замялся я, и вдруг до меня дошел смысл сказанного: – Торнид? А может, шахматы?

– Tornid. Ia, barbarid.

Не переставая улыбаться, Вилтигай Велд протянул лапу и достал из пустоты шахматную доску – ту самую, янтарную. С ума сойти! И это в пустой – два тонких одеяла, подушка и лубяной короб с крендельками из проращенного зерна – комнате! Хотя чему я удивляюсь после встреч с Дагдой, Союзником и Дарай Лодошем?

Вновь дрогнули кисточки на ушах.

– Черные, – умоляющим голосом, не то спрашивая, не то утверждая, произнес Велд. – Мои?

– Идет, – согласился я, подавляя внутреннюю дрожь. Я вдруг понял, что мне напоминает происходящее – не «Путешествие в Лилипутию», нет! Скорее оно было похоже на сказку об Иванушке-дурачке, подрядившемся сдуру провести три ночи в доме с привидениями. Что ж, с привидениями и вести себя следует соответственно.

– На что играем?

Лодош пожал плечами:

– Не знаешь? Притворяешься? На жизнь, конечно, сам решил. Моя же ставка – надежда. Вера. Свобода. Как захочешь. Я – черный король.

– По рукам!

Холодок пробежал по спине, пробиваясь сквозь накатившую бесшабашность. В сказках просто: Иванушки всегда выигрывают, глупость человеческая непобедима, ну а вдруг я умный? Тот самый здравомыслящий старший братец, безмолвный статист в сюжете, обреченный на бесславную гибель?

Лодош смотрел на меня огромными немигающими глазищами, а я все никак не мог решиться. Что же я делаю? Быть может, то, что я сижу и боюсь сделать ход, – это признак ума? Или, наоборот, какой-то особой, недоступной обыденному пониманию глупости?

E2 – E4.

Гость сразу успокоился и принялся дергать себя за усы, размышляя. Наконец он деликатно, двумя пальчиками взял гвардейца и выдал сакраментальное:

E7 – E5.

Первые несколько ходов мы сделали молча. Велд сидел по-турецки, тщательно расправив вокруг ног складки потертой коричневой юбки, и жадно жевал крендельки из моего запаса. Признаться, он меня разочаровал: цвет шерсти обыденный, серенький, такой цвет чаще всего бывает у потомственных мелких клерков, глазки – маленькие, карие, слезящиеся. Нос в морщинах. На шее – грязная пестрая ленточка, из тех, что носят хронические холостяки. И это – неназываемый ужас, которого так боятся всесильные рыцари лодошей?!

– Ты – местный дьявол? – наконец решился я.

– Я – Вилтигай Велд.

Он помолчал, а затем спросил, кивая на окно:

– Завидуешь?

– Им? – Я пожал плечами. – Нет.

– И правильно. Ведь придет Вилтигай Велд и пожрет тебя. – Он двинул вперед коня и взял из коробки очередной кренделек. – Только зря ты называешь нас тушканчиками.

Похоже, мы решили удивлять друг друга по очереди.

– Почему?

– Мы не тушканчики, Вадилий. У вас, на Земле, есть забавные зверьки – лемминги. Знаешь, какой у них главный праздник в жизни?

– Хм... – Ладья перешла через всю доску. – Забавная мысль. Море и Путь... Массовый психоз грызунов, заставляющий их кончать жизнь самоубийством.

– Не психоз – именно Путь. Путь к Морю длиною в жизнь, самореализация. Дарай Лодош говорил как-то, что реалии вашего мира созданы леммингами, а богам свойственна усталость от жизни.

– Отчего же они так разукрашены? – поспешил я увести разговор от тревожной темы. – Ну... я имею в виду не леммингов, а твоих соотечественников. К чему эта разноголосица?

– Очень просто. Вилтигай Велд. Три дня назад я проснулся и вспомнил, что настал праздник Моря и Пути. Еще я вспомнил, что к моему рангу четвертого секретаря кунда Маритэ полагаются башмаки высотой пятнадцать даку, черно-зеленый веер и три синие ленты. Денег у меня хватило лишь на ритуальный фонарик дауле... Тебе шах, редид Вадилий.

– Спасибо. Гарде, Вилтигай Велд. И как же ты выкрутился?

– Никак. Это редкий, нереальный случай: наше общество жестко структурировано, и такого, чтобы лодошу не хватило денег на обряд Пути, просто не бывает. Это невозможно.

– Но произошло?

Лодош пожал плечами.

– Ты варвар. Или дурак... впрочем, это одно и то же. Нет разницы

Фрагмент картины Тодда «Бедный неудачник»

между законами социальными и законами физическими. Правил много, но мы устанавливаем их.

Он передвинул экзарха под удар моего всадника. Господи, да как это возможно? Мой гость утратил хваленое лодошское всемогущество? Или же я действительно Иванушка-дурачок?

Позиция на доске давала два варианта развития – взять черного экзарха либо...

– Дурак-то дурак, – не без ехидства заметил я, – а в шахматы играю получше некоторых. Тебе мат, Вилтигай Велд.

– Мат?

– Мат. Ну, где моя надежда? Или ты предпочтешь расплатиться верой?

Гость усмехнулся.

– Выбирать тебе, редид, выбирать тебе. Как и было сказано.

Лодош подобрал юбку и, небрежным щелчком сбросив с доски черного короля, взгромоздился на его место.

– Вилтигай Велд! – полетели из-под его босых лап фигуры. – Вилтигай Велд, где мне мат, глупый редид?! Ты играешь в шахматы или торнид?

В этот миг Вселенная обрушилась сквозь меня, перевернув мир с головы на ноги. Суть торнида стала для меня кристально ясна и понятна: игра, перетекающая с доски в мир и обратно на доску! Солнце, восходящее на востоке и одновременно над вертикалью «а» доски торнида.

В один миг я стал пешкой, доской, игроком и правилами. Стал – и отказался от этого.

Вилтигай Велд!

Дверь распахнулась от моего удара. Альбатрос предупреждающе чирикнул и в ужасе бросился прочь от меня.

Вилтигай Велд! Ха-ха-ха-ха! Я понял!

Несуществующий, невозможный, нереальный в предельно формализованном мире лодошей Вилтигай Велд!

* * *

Едва завидев Парадоксального Союзника, господин Нуфетдинов – толстенький лысоватый человек со смуглой кожей и восточными чертами лица – вскочил и в нетерпении забегал по перрону.

– Ну? Говорите же, говорите, Керелех! Какие новости?

Кадамори Драуд раздраженно отмахнулся от землянина, достал из шляпы красный клетчатый платок и принялся вытирать потную шею. По удивительному стечению обстоятельств сейчас Керелех напоминал до-

брого волшебника из старого советского мультфильма о Незнайке, и облик его вызывал у посланника безотчетный ужас.

– Все хорошо, – не переставая скалиться, пропел Керелех, – лодоши дали добро. Собственно говоря, им не до вас. По всему Латлагу объявлен траур: праздник Моря и Пути сорван, члены собрания Даэмаа готовятся к массовому самопожертвованию во славу родины... в общем, имейте в виду: помимо Кадамори Драуд с вами никто разговаривать не будет.

Посольские работники недоуменно переглянулись. На перроне они стояли все, вернее, почти все: Галочка, Эмма Гор с никелированной урной в руках (останки потерявшего морду Абрахама), Светлана Егоровна, мистер Фицджеральд и Лев Наумыч. Не хватало только Василия Самосы, но с его отсутствием Земля, похоже, примирилась.

– Я полечу с вами, – продолжал перевертыш. – Я прослежу, чтобы вы добрались до места назначения без приключений, в целости и сохранности. Думаю, что к тому времени Сообщество успеет рассмотреть вопрос о вступлении Земли в ряды Парадоксальных Союзников и вынесет вердикт в вашу пользу.

Подавленное молчание было ему ответом. Наконец Светлана Егоровна не выдержала:

– Молодой человек! – в сердцах бросила она. – Не пудрите мне мозги. До вас тут один хамоватый тушканчик с мечом и в юбке, едва прикрывающей, пардон, гениталии, наглядно объяснил, что будет с Землей в целом и каждым из нас в отдельности. Теперь появляетесь вы в своем идиотском клоунском обличье и утверждаете совершенно обратное. Так кому же из вас прикажете верить?

Посланники Земли замерли. Эх, Светлана Егоровна, Светлана Егоровна! Культурнейшая, умнейшая женщина: три высших образования за спиной, две докторских, масса публикаций – и такой конфуз!

К счастью, Драуд не обиделся.

– Эх, Светлана Егоровна, Светлана Егоровна... – вздохнул он. – Вы же умная женщина, должны понять. Что вам теперь эти лодошские хамы в юбках? На земле как на небесах – помните? А часть смотрит в целое и видит... ну?..

– Фигу она там видит, – пробурчал себе под нос Лев Наумыч.

– Правильно, плод инжира. Ну как Сообщество Парадоксальных Союзников откажется от планеты, объявленной лодошами Вилтигай Велд?

– А сам Василий? – испуганно пискнула Галочка. – Он не вернется домой?

– Я думаю, – печально ответил Керелех, – Василий уже дома. Вернее, он дома везде, где бы ни оказался.

Алекс Орлов

ПЛОТ-ПРИЗРАК

Почему в России так мало пишут в жанре хоррор? Время от времени этим вопросом задаются как исследователи, так и простые поклонники упомянутого жанра. С точки зрения «ЗД», секрет прост: наши писатели и читатели слишком рациональны, они ни на секунду не готовы поверить в мистическую подоплеку загадочных событий. Сказываются годы государственного атеизма... Тем не менее и в этой области в последнее время происходят некие подвижки. Например, простой, но эффектный рассказ написал Алекс Орлов, хорошо известный благодаря своим энергичным фантастическим боевикам. Необходимое предуведомление: чересчур эмоциональным гражданам читать не рекомендуется. Чревато бессонницей и нервными срывами. А остальным — сколько угодно!

Солти с громким лаем гнал оленя прямо на Джойса. Лесной красавец обезумел от страха и несся напролом, с треском ломая ветки и оставляя на острых сучьях клочья коричневой шерсти. Джойс уже ясно видел его налитые кровью глаза и отчетливо слышал тяжкое хриплое дыхание.

Олень быстро приближался. Охотник передвинул предохранитель и поднял свой «бреме».

Солти, бежавший вплотную к зверю, уловил этот момент и упал, поджав под себя лапы. Хлестнул выстрел. Подбитый на лету олень споткнулся, тяжело перевернулся через голову и остался лежать на земле.

Пес сейчас же оказался возле него и, поджидая хозяина, стал деловито обнюхивать тушу. Джойс выбрался из засады и, закинув ружье за спину, пошел к уже проявлявшему нетерпение псу. Затем поощрительно потрепал его и, достав из-за голенища мехового сапога нож, отре-

зал у поверженного оленя ухо – любимое лакомство Солти, на которое он всегда претендовал.

Некоторое время Джойс с улыбкой смотрел на собаку.

– Ну как, Солти?

Пес моментально съел угощение и, облизываясь, глядел на хозяина.

– Хорошо поработал – вкусно поел. Правильно? Ну ладно, пора домой.

Джойс взвалил на плечо 150-фунтовый трофей и пошел по направлению к дому.

За два часа удачливые охотники одолели три мили, отделявшие их от маленького заброшенного форта. А когда начало смеркаться, Джойс уже закончил свежевать оленя и растянул для просушки его шкуру. Часть мяса он взял, чтобы поджарить, а остальное засолил.

Приближалась длинная и холодная в этих краях зима, и следовало подумать о пропитании впрок.

Приветливо потрескивал в печи огонь, Солти спал возле порога и во сне подергивал ухом, а Джойс сидел за прочным дубовым столом и перелистывал старые книги – испанские, греческие, арабские. Он не знал этих языков, но всегда с удовольствием притрагивался к пожелтевшим страницам. Ему нравились яркие картинки, большие заглавные буквы и просто лаконичная строгость знаков. Книги даже пахли по-разному, а иногда, по вечерам, Джойсу казалось, что он слышит звуки, издаваемые древними фолиантами. Звуки, которые они впитали, живя у прежних своих хозяев. Это был звон посуды, журчание мандолины, детские голоса. Джойса пугал этот незнакомый шум. Он убирал книги в сундук и ложился спать.

И так день за днем в трудах и заботах о хлебе насущном.

Сколько Джойс жил в заброшенном форте, он уже и сам не помнил. Когда-то он бежал от людей, двигаясь днем и ночью, чтобы уйти от погони и мести тех, чьи законы нарушил. Совсем обессилевший, с пулей под лопаткой, Джойс встретил в лесу облезлого долговязого щенка. И когда встал вопрос, кого убить, чтобы самому не умереть с голоду – несовершенного звереныша или встретившегося на пути старика-отшельника, Джойс не колебался долго.

Собака была единственным другом и помощником, который его устраивал. А Солти, имевший в родителях перемешавшихся с волками дворняг, был необычайно силен, подвижен и, когда дело доходило до драки, незамедлительно пускал в ход свои клыки – острые, как бритва, и не знающие пощады. Он никогда не смущался численным перевесом противника, и вскоре у них с Джойсом был собственный охотничий уча-

сток, границы которого уважали и дикие кошки, и медведи, и полярные волки.

Без собаки Джойс ходил только на свою личную охоту. Ее сезон начинался в конце лета, когда Нейдахо теряла могучую силу и переставала реветь на порогах. Река мелела, становилась безопаснее, и на ней появлялись смельчаки, спускавшиеся по течению на плотах и больших лодках.

Как правило, это были люди отчаявшиеся и разоренные, бегущие от нужды и долгов. Бедняги продавали свои нехитрые пожитки, покупали, а чаще крали лодку и отправлялись в неизвестное.

Они все были одинаковыми, они вели себя одинаково, и за много лет Джойс хорошо изучил их повадки. Он выжидал солнечного, ясного утра и отправлялся к реке, причем, как правило, не впустую: через опасные пороги беглецы решались идти только при солнечном свете.

В точно рассчитанном месте, где река перед порогами делала последний спокойный поворот, охотник устраивал засаду — так же тщательно, как и на зверя. На высоте двадцати ярдов в каменной ложбине, между корней корявой сосны, Джойс ощущал себя безнаказанным.

Когда перед путешественниками вдруг открывалась вся величественная красота ущелья с белыми бурунами порогов, обессиленные люди цепенели как завороженные. Этого минутного замешательства Джойсу хватало, чтобы навести свой «бреме» на голову рулевого и выстрелить.

Неуправляемая посудина подхватывалась течением и устремлялась на самый страшный камень порога, за которым начинали свои пляски гибельные водовороты. Однако в самый последний момент лодку с перепуганной до смерти командой перехватывала быстрая струя, которая, двигаясь вопреки всем законам, выбрасывала свою ношу на небольшую косу, усыпанную речной галькой.

С одной стороны была река, а с другой — неприступная отвесная стена, на которой, как ангел смерти, появлялся Джойс и безжалостно расстреливал несчастных.

Затем он спускался по одному ему ведомой тропе и забирал все, что могло его заинтересовать: патроны, порох, золото, книги и какие-нибудь яркие тряпки. Остальную поклажу — вместе с телами — он сваливал обратно в лодку и отталкивал ее длинным шестом, после чего она вдребезги разбивалась на очередном пороге.

В этот раз все шло как обычно. На ровной водной глади прямо по слепящей солнечной дорожке двигался небольшой плот со стоящим на нем шалашом.

На руле сидел худой, давно не брившийся человек. Слезящимися

глазами он напряженно вглядывался вперед, стараясь угадать, что ожидало его там – за новым поворотом.

– Неохота, небось, помирать при таком-то солнышке, – усмехаясь, проворчал Джойс и, подняв подзорную трубу, навел ее на тоскливо озиравшегося рулевого.

Затем охотник отложил трубу в сторону и с удивлением посмотрел на небо.

Солнечного дня как не бывало, только серая осенняя мгла да сгущавшиеся тучи, из которых сначала редко, а потом все чаще стала сыпать снежная крупа.

«Вот наваждение-то», – подумал Джойс и тут же хватился плота.

Он снова поднес к глазам трубу, но ничего не увидел: сплошная мутная пелена. Где-то неподалеку сквозь барабанную дробь града послышался тихий скрип весла.

Джойс перегнулся через корни сосны и обнаружил плот прямо под скалой.

Нужно было спешить. Охотник быстро передернул затвор и прицелился. Его «бреме» повел пустой глазницей и замер.

Совершенно неожиданно Джойс встретился взглядом с человеком, в которого собирался стрелять. Рулевой уставился в лицо своей смерти и не двигался с места.

Раздался выстрел. Пуля в бессильной ярости сорвала с неотесанного плота кусок коры и, злобно шипя, ушла на глубину. Джойс чертыхнулся и, тяжело переваливаясь, побежал к заветной косе. Прежде он никогда не промахивался, тем более с такого расстояния, а тут...

«Ну, ничего. Сейчас все будет исправлено!» – успокаивал себя охотник, появившийся на отвесной стене за несколько секунд до прибытия плота.

Для удобства Джойс опустился на одно колено, однако бродяга попрежнему не отводил своего взгляда. Он стоял на плоту в полный рост и ждал приговора. А у Джойса набегала нервная слеза и мешала целиться.

Наконец оборванец глубоко вздохнул и отвернулся, подставляя спину. Охотник тут же выстрелил.

Тяжелая пуля ударила точно между лопаток и, пройдя насквозь, вырвала целый фонтан живой плоти. Тело с мокрым звуком шлепнулось на бревна и больше не пошевелилось.

«Уф!» – с облегчением выдохнул Джойс и, присев на холодный валун, устало вытер рукавом пот. Мелкий град сыпал все так же часто и приятно освежал разгоряченное лицо. Но что это? Опять посторонние звуки?

Джойс напряг слух. То ли плеск воды, то ли всхлипы. Он поднялся с валуна и обомлел: на плоту, крестом через труп мужчины, лежала женщина. Она была так же плохо одета. Приглушенные рыдания сотрясали ее худое тело.

«Бедная женщина, – подумал Джойс, – одна, на краю света, а муж мертв».

Решив помочь по-своему, он поднял ружье и пригвоздил несчастную к телу ее мужа.

Сегодня охотник нарушил собственные правила. Обычно он не убивал женщин сразу. Перебив мужчин, Джойс овладевал их перепуганными насмерть спутницами прямо на камнях среди трупов, а затем удушал ружейным ремнем.

Правда, однажды он даже хотел оставить себе жену. Это была девочка лет тринадцати с огромными серыми глазами и не по возрасту развитой грудью.

Она все время молчала. Стальные глаза ее смотрели недобро, а по ночам, когда приходилось терпеть зверские ласки Джойса, она кусала до крови детские губы.

Она прожила в форте полтора месяца и за это время трижды убегала и один раз пыталась порезать Джойса бритвой.

Бритву после того случая он убрал подальше, да и забыл потом – куда. А после третьего побега просто приоткрыл дверь наружу и скомандовал резко: «Солти!»

Пес вскочил с нагретого места так, будто ждал этой команды давно. Лязгнув клыками, он исчез в темноте, а наутро, когда хозяин проснулся, собака, как ни в чем не бывало, сладко посапывала в своем любимом углу.

«Удивительно, что женщина не появилась при первом выстреле, – размышлял Джойс, стоя на обрыве. – Но теперь-то уж в шалаше точно никого нет».

Придя к такому выводу, он смело спустился на косу и, взобравшись на плот, заглянул внутрь шалаша.

Ворох каких-то тряпок. Едва ли здесь было чем поживиться. Правда, Джойс знал еще одно укромное место.

Он подошел к телам и наметанным глазом сразу рассмотрел кожаный шнурок на шее рулевого.

«То, что нужно!» – обрадовался охотник. Он нагнулся, взялся за шнурок и рванул. Голова убитого резко запрокинулась назад, и Джойс на мгновение увидел раскрытые глаза мертвеца. По спине пробежали мурашки. Прежде с ним такого никогда не случалось.

Шнурок не поддался, и Джойс перерезал его ножом, а затем вытя-

нул из-за пазухи убитого маленький мешочек, в котором, как выяснилось, были три золотые монеты.

Охотник положил монетки на ладонь и стал их рассматривать. Они были странной и незнакомой чеканки. Такие Джойс видел впервые. Он ссыпал золото в карман, и в тот момент, когда звякнула последняя монетка, сердце его остановилось. Охотник явственно почувствовал, что за его спиной стоит человек. Живой человек!

Джойс резко обернулся и увидел перед собой оборванного мальчика лет шести, но этот малыш, казалось, не замечал Джойса. Он смотрел на реку большими печальными глазами и еле слышно произносил какие-то слова.

Никогда еще охотник не испытывал такого безумного ужаса, как перед этим несчастным ребенком. А мальчик, словно почувствовав состояние Джойса, перестал молиться, скрестил руки на груди и закрыл глаза.

«Скорее, скорее! – подгонял себя Джойс. – Скорее!.. Если он опять откроет глаза – я сойду с ума!»

Досланный патрон удобно угнездился в казеннике, и «бреме» без задержки полыхнул коротким пламенем...

Тело мальчика долго не тонуло. Засаленное тряпье на нем плохо намокало, и, отброшенный почти к середине реки, наполовину утопленный, он будто танцевал среди водоворотов какой-то танец.

Наконец река нехотя справилась с телом.

Это послужило для Джойса сигналом – сорвавшись с места, он бестолково засуетился. Затем сообразил, что ему нужно делать, и, тяжело дыша, принялся выдергивать из тайника длинный шест.

Наконец Джойс достал его, изо всех сил уперся им в плот и стал толкать, однако шест не выдержал и с треском сломался.

Выплевывая ругательства, охотник вскочил с гальки и сбросил с себя мешающее ружье. Затем уперся руками в бревна плота и начал отталкивать его от берега, решив, что так надежнее.

В конце концов плот поддался, но Джойс – для верности – забрел в ледяную воду по пояс и последний раз коснулся бревен, направляя их в стремнину. Лишь убедившись, что река прочно держит свою добычу, он поплелся обратно к берегу.

Джойс тяжело загребал ногами воду и все ждал грохота бревен. Ждал этого звука за спиной, когда река заберет свою долю и погонит обломки дальше. Но было тихо.

Может быть, строптивая стихия решила поиграть? Джойс выбрался на косу и, оглянувшись, обомлел: плота нигде не было.

Ночь выдалась беспокойной – Джойс почти не спал. Ему чудилось, что кто-то, прячась во дворе, заглядывает в маленькое закопченное окно. И тогда Джойс хватал свой «бреме» и подбегал к двери в ожидании нападения. Так он промучился всю ночь и, едва первые лучи коснулись стен его жилища, быстро собрался и бегом направился к реке.

Когда он прибежал к косе, солнце уже полностью вышло из-за горизонта и освещало прибившийся к галечному берегу плот.

Казалось, трагедия разыгралась только что. Раны на телах еще дымились, и кровь растекалась по бревнам – это Джойс, стоявший на краю обрыва, видел отчетливо. Пересилив себя, он сбежал вниз и, помедлив еще несколько секунд, что есть силы навалился на своего врага.

На этот раз он не отводил взгляда до того момента, пока плот не налетел на камни.

Однако и это не принесло Джойсу успокоения, и он приплелся в форт совершенно измученным.

Увидев хозяина, Солти радостно запрыгал и очень удивился, что на него не обращают внимания.

День прошел незаметно, и наступила вторая ночь, которая оказалась сплошным кошмаром.

Джойс кричал на Солти и стрелял по углам своего жилища, поскольку ему всюду мерещилась запрокинутая голова мертвого рулевого и его закатившиеся глаза.

С первыми лучами солнца, совершенно измотанный бессонной ночью, Джойс снова побежал к реке. В одной руке он держал свой верный «бреме», а другой – прижимал к груди большую склянку с керосином.

Джойс был уверен, что плот окажется на прежнем месте, и не ошибся.

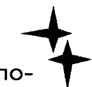
Добежав до обрыва, он зарычал, как зверь, и бросил под ноги ружье. Затем поднял над головой бутыль с керосином и метнул ее на бревна плота.

Горючее брызнуло во все стороны, и утреннее солнце заиграло на волнах радужной пленкой.

Джойс поднял ружье и не целясь выстрелил.

Пламя сначала нехотя, затем быстрее и смелее стало охватывать плот-призрак. Ярко вспыхнул шалаш, а затем и оба тела зашевелились в огне, словно силились подняться.

Огонь делал свое дело быстро и надежно, а Джойс стоял, и злое ликование было написано на его осунувшемся лице: я убил тебя, все-таки я убил тебя!

Вдохнув полной грудью воздух с запахом гари, он повернулся и пошел прочь от шипящих в воде головешек.

Две первые мучительные ночи оказались просто цветочками, ведь в третью Джойс не мог даже усидеть на месте. Он ревел, как зверь, и, обливаясь потом, пытался сорвать с горла несуществующие пальцы. Затем валился на пол, и его рвало желчью до судорог.

Солти испуганно жался по углам и решительно ничего не понимал. Но потом Джойсу как-то неожиданно полегчало. Он полежал немного на заблеванном полу, проверяя свое исцеление, отдышался и встал на ноги.

Его чуть-чуть пошатывало, но идти он мог. А самое главное, охотник знал, что ему теперь делать. Он отпер заветный сундук и, достав кожаный мешочек, при слабом свете свечи отобрал среди разномастного золота три маленькие монеты неизвестной чеканки.

Дорогу к реке Джойс знал достаточно хорошо и для ночной поры. Вскоре он уже слышал шум воды и чувствовал на лице движение холодного воздуха. Вот и обрыв. Внизу, у галечной косы, угадывался темный силуэт плота. Джойс с размаху швырнул в него монеты и услышал, как они, стуча, запрыгали по бревнам. Затем охотник сел на большой валун и стал ждать рассвета.

В какой-то момент он задремал, а когда очнулся, совсем рассвело и никакого плота не было и в помине.

С тех пор Джойс начал спать спокойно, а еще через месяц завыли метели, и все его переживания были похоронены под белым покрывалом.

Скоро хозяин с Солти возобновили охоту и, как могли, коротали долгие зимние вечера.

Однажды, ближе к вечеру, после охоты, Джойс пошел сложить в поленницу дрова, которые наколол накануне. Каково же было его удивление, когда он увидел аккуратно сложенные и даже подровненные поленья — чего он сам никогда не делал.

Пришлось списать все на отказавшую память.

В другой раз, когда Джойс вместе с Солти преследовали в лесу лося, за скрипом наста он услышал какие-то всхлипы, мольбы, наконец явственно увидел лютые глаза пса и блеснувшие в темноте клыки.

От неожиданности охотник остановился, и видение сразу исчезло. Искрились под солнцем сугробы; далеко впереди, среди заиндевевших кустов, мелькал Солти. Джойс снова побежал следом за ним и опять услышал отразившееся в той ночной июльской чаще эхо детского крика.

Возвратившись в форт, охотник заметил, что его жилище тщательно прибрано. Вымыт пол, до белизны выскоблен стол и подметена по углам паутина. Даже печь была еще не остывшей, а на столе стоял горячий ужин.

Джойс посмотрел на Солти: пес спокойно проследовал к своей подстилке.

«Если бы здесь побывала живая душа, Солти б заметил, – подумал Джойс, но тут же сказал себе: – А если неживая?»

Решив выяснить тайну незваных помощников, Джойс пускался на разные хитрости, однако каждый раз, возвращаясь домой, находил нетронутыми волосинки и спички на двери, и это указывало на то, что внутрь никто не заходил. Тем не менее в доме его по-прежнему ждал идеальный порядок и горячий ужин.

Джойс выливал похлебку в сугроб и присыпал ее снегом, чтобы не попадалась на глаза. А ужинали они с Солти солониной.

В один из ясных, по-зимнему морозных дней Джойс обнаружил в лесу странные следы. Со всей очевидностью это были следы человека, но уж очень они казались маленькими.

А в одном месте, где снег был не очень глубоким, явственно угадывался отпечаток босой детской ножки.

«Ну, это уж слишком! В такую стужу...» – испугался Джойс.

Неожиданно Солти рванулся по этому следу, и хозяину ничего не оставалось, как побежать за ним. Следы вели к реке, и когда до нее оставалось совсем немного, собака зашлась хриплым лаем и, не обращая внимания на команды хозяина, понеслась что было духу по твердому насту прямо к обрыву.

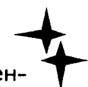
Солти пролетел по воздуху полтора десятка ярдов и точно угодил в полынью, которую словно для него приготовили.

Когда подбежал запыхавшийся Джойс, было уже поздно: течение волокло Солти под прозрачным льдом.

Возвратившись в форт, Джойс впервые почувствовал себя осиротевшим. Как в забытьи, он открыл дверь и вошел в жарко натопленную комнату.

Все вокруг снова сверкало чистотой. На столе аккуратной стопкой лежало свежее, пахнущее мятой белье, рядом находились голубое махровое полотенце и бритвенный стаканчик с взбитой мыльной пеной.

Ничуть не удивившись, Джойс разделся и встал в деревянное корыто. На плите в цинковом баке для него была приготовлена горячая вода.

Джойс с удовольствием вымылся, а потом вытерся мягким полотенцем, вдыхая его травяной аромат.

Затем побрился той самой бритвой, которую когда-то спрятал от злой девчонки с серыми глазами, да и забыл куда.

Сбрив бороду и еще раз посмотрев в зеркало, Джойс с трудом поверил, что отражение принадлежит ему, – так плохо он выглядел и так затравленно смотрели эти чужие глаза. А на голове были – рога!

Джойс схватился за голову – рога исчезли. Убрал руки – рога появились вновь!

Отойдя от зеркала, он будто чужими, непослушными руками стал убирать по местам полотенце, бритву, помазок. Затем вынес и выплеснул с крыльца мыльную воду.

На улице медленно остывал зимний вечер. Солнце плыло к горизонту. Джойс вернулся в дом, тщательно собрал тряпкой расплескавшуюся воду, а когда распрямился, то не был удивлен, увидев раскачивавшуюся над столом петлю из новой пеньковой веревки.

Джойс покорно взобрался на стол и без колебаний просунул голову в петлю. Веревка пахла земляничным мылом, и, закрыв глаза, он вдруг ясно вспомнил каменный дом, цветник, запах гренок с кухни и голос матери:

– Джойси, сынок! Где ты?

Мама в розовом платье, такая молодая и красивая. Она протягивает к малышу руки и зовет:

– Ну иди же к маме, Джойси!

Мальчик радостно смеется и делает шаг...

Джойс шагнул со стола, и веревка рывком затянулась на его шее.

Девочка положила к стене форта последнюю охапку хвороста, и тот сразу задымился. Широко раскрыв глаза, она с интересом наблюдала, как огонь побежал во все стороны и взобрался на крышу. А когда пламя охватило все постройки, девочка повернулась и пошла прочь.

Она зашла в лес и негромко позвала:

– Маноло!

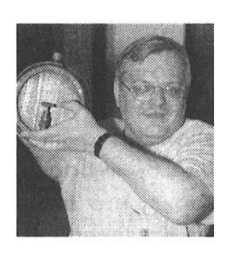
Из-за дерева показался маленький мальчик в лохмотьях.

– Я хочу домой, Лина!

Лина улыбнулась мальчику, взяла его за руку, и они пошли между деревьев в сторону медленно заходящего солнца.

На алом фоне заката фигурки детей стали едва различимы, когда горящие бревна форта обрушились, подняв тысячи гаснущих в небе искр.

Алексей Калугин

ШЕДЕВР

Умение писать смешно — вообще редкость, а фантастика, вызывающая улыбку в соответствии с замыслом автора, — редкость вдвойне. Тут многое, если не всё, зависит от особенностей характера писателя, его способности взглянуть на этот мир без ненависти, но с сочувствием и восхищением. Алексей Калугин как раз такой и есть. А потому, читая его рассказ, вы, возможно, будете широко улыбаться, хотя не исключено, что начнете хохотать в голос... Для справки: это произведение было написано для нового переиздания цикла рассказов «Специалист по выживанию», которое в скором времени увидит свет в издательстве «ЭКСМО».

Фирменная красно-желтая упаковка почтовой службы «Галактический Экспресс» сползла, точно кожа змеи, обнаружив под собой плотный пластиковый конверт с видеодиском. И никакой дополнительной информации – ни цветного вкладыша, ни записки хотя бы в полстроки, ни пометки маркером. Вместо адреса отправителя – «Почтовый офис пересадочной станции Боллард». Архенбах озадаченно хмыкнул и почесал когтем шишкообразный вырост на затылке: это всегда помогало ему собраться с мыслями. А, собственно, что тут думать? Архенбах вставил видеодиск в дисковод компа и, щелкнув когтем, скомандовал:

– Воспроизведение!

Сначала он увидел треугольный стол, похожий на школьную парту для мормозеков. Позади стола красовался плакат с надписью, которую Архенбах уже имел возможность прочесть на конверте: «Почтовый офис пересадочной станции Боллард». Затем в кадре появился человек.

– Привет, Архенбах! – махнул он рукой, усаживаясь за стол. – Вот, наконец, нашел возможность дать о себе знать. К сожалению, не могу лицезреть твой милый крокодилий оскал, что на Гроне зовется улыбкой, но зато себя могу продемонстрировать во всей красе.

За тот год, что мы не виделись, много чего произошло. Обо всем поведать не смогу: не хватит места на диске. Поэтому позволь без бы-

линного зачина перейти непосредственно к тем событиям, которые действительно стоят того, чтобы на них остановиться.

Да будет тебе известно, Архенбах, что с некоторых пор я числюсь в списке выдающихся деятелей искусств современности. Правда, считают меня таковым лишь на одной, отдельно взятой планете, но и то, согласись, приятно.

А началось все с работы. С самой обычной работы, с которой никто не мог справиться, и потому взяться за нее пришлось мне.

Примерно с полгода тому назад в Галактическую Лигу изъявила желание вступить раса эмерслейкеров. Так их именуют те, кто обладает способностью обмениваться информацией на вербальном уровне. Как называют себя сами эмерслейкеры, никто, кроме них, не знает, потому что общение с ними возможно лишь посредством особых имплантированных ретрансляторов, да и то перевод получается скорее смысловой, нежели дословный.

Эмерслейкеры похожи на слизней, взрослая особь которых достигает в длину двух метров. Спина у них желто-коричневая, брюшко – молочно-белое, и все они, от головы до хвоста, блестят от слоя покрывающей их слизи. У эмерслейкеров отсутствуют внешние органы чувств, аналогичные нашим, но при этом они каким-то образом умудряются видеть и слышать все, что происходит вокруг. Вот только с обонянием, насколько я понял, у них проблема. По счастью, эмерслейкеры очень строги в соблюдении правил личной гигиены. Не имея ярко выраженных конечностей, они смогли создать свою собственную материальную культуру, используя удивительный орган, дарованный им природой. Орган этот представляет собой нечто вроде кожистого мешка, прячущегося в брюшных складках. Электронный переводчик, с помощью которого я общался с эмерслейкерами, называл этот мешок странным словом «туртель». Ежели эмерслейкер набирает в туртель самый обыкновенный песок, то спустя пару часов под воздействием ряда ферментов, выделяемых внутренними стенками туртеля, и постоянного интенсивного перемешивания песок превращается в пластичную стекловидную массу. После чего эмерслейкер придает ей требуемую форму и оставляет на какое-то время, чтобы внешняя оболочка предмета зафиксировалась.

Работа, которую предложил мне представитель административного отдела Сената Галактической Лиги, на первый взгляд казалась до безобразия простой: от меня всего-то и требовалось, что в двухнедельный срок построить на Эмерслейке корпус под дипломатическое представительство Галактической Лиги. Место для строительства было выделено самими эмерслейкерами, так что с этой стороны никаких проблем не

возникало. Архитектурный проект будущего здания был оставлен на мое усмотрение. Но подвох все ж таки был – иначе, казалось бы, почему административному отделу Сената самому не построить требуемое здание? А потому, друг мой Архенбах, что по существующим законам проект посольского корпуса должен быть утвержден представителями администрации принимающей стороны – то есть, в данном случае, эмерслейкерами. Но эти странные существа не согласились ни с одним из предложенных вариантов! Что бы ни демонстрировали им подрядчики из отдела Сената, эмерслейкеры всякий раз мягко, но настойчиво говорили «нет». А проблемы с детальной расшифровкой сигналов ретрансляторов, используемых для общения с эмерслейкерами, не позволяли понять, что именно им не по душе.

Подобная задачка была как раз для меня. Никогда прежде я не занимался строительством, но если клиент предлагает сумму, втрое превышающую существующие расценки, то просто глупо отказываться от такой работы.

Мне было достаточно провести три дня среди эмерслейкеров, чтобы понять суть проблемы и найти способ изящно обойти ее на вираже. На четвертый день своего пребывания на Эмерслейке, не испытывая более никаких сомнений, я предложил местным старшинам – так я называл эмерслейкеров, наделенных правом принимать ответственные решения, хотя, честно признаться, так и не смог понять систему общественной иерархии этих необычных и в высшей степени удивительных существ – свой проект посольского здания. Нужно ли говорить о том, что, ко всеобщей радости, проект был немедленно утвержден?

Корень зла, вернее, того, что представлялось злом администраторам Сената Галактической Лиги и работающим на них подрядчикам, не то что не был глубоко зарыт, а попросту лежал на поверхности, и нужно было оказаться либо закоренелым ксенофобом, либо распоследним ослом, чтобы не обратить на него внимания. В силу особенностей своей анатомии эмерслейкеры могли создавать лишь предметы с округлыми формами. В виде овоидов были сделаны их подземные дома. Мебель, которую я видел у эмерслейкеров, кухонная утварь, детские игрушки, украшения – все, что фиксировал мой взгляд, имело обтекаемые формы. Мои сомнения окончательно рассеялись после того, как я побывал в мастерской местного скульптора. Все его работы представляли собой те или иные комбинации из шаров, вытянутых яйцеподобных предметов, торов и прочих вариаций на ту же тему. Одним словом, эмерслейкеры просто не представляли себе, что на свете могут существовать острые углы и прямые грани. Потому-то старшины и приходили в недоумение, когда подрядчики демонстрировали им типовые про-

екты зданий, каждый из которых был всего лишь вариантом стандартной прямоугольной коробки, разбитой внутри на секции. По сути, эмерслейкеры ничего не имели против строений подобного типа, они просто были уверены, что такое здание невозможно построить. Невозможно – по определению. Я же предложил эмерслейкерам несколько видоизмененный проект жилой секции межпланетной космической станции серии «Гарант». Шарообразную секцию я урезал ровно наполовину, превратив в полукруглый, прочно стоящий на незыблемом фундаменте корпус. Размеры ставших окнами иллюминаторов я увеличил, но оставил их круглыми. Раздвигающиеся двери парадного подъезда укрывались под арочным сводом, причем к дверям вела не лестница, а широкий пандус с очень маленьким углом наклона. Местный скульптор, о котором я уже упоминал, назвал мою работу блестящим архитектурным воплощением классических форм и пропорций.

Как ты знаешь, я не имею привычки принимать солнечные ванны, купаясь в лучах славы, а потому, получив одобрение старшин, сразу принялся за работу. Первым делом я смотался на пересадочную станцию Бирс, где держит свою контору Жека Псел, известный всей Галактике жучара, готовый покупать, продавать и сдавать в аренду все, что душе угодно. Зачем, думаю, связываться с подрядчиками из администрации Сената, если у Псела я достану все, что мне надо, за полцены?

И Жека не подвел. Мало того, что я на десять дней позаимствовал у него четырех почти новых строительных роботов вместе со всеми полагающимися причиндалами, да еще за две трети той стоимости, что поначалу заломил Псел, так он еще и адресок мне дал электронный, по которому я заказал все необходимые строительные материалы по цене на пятнадцать процентов ниже рыночной. Расставаясь, мы улыбались друг другу и дружески жали руки: оба остались довольны сделкой. А Псел наверняка еще и комиссионные срубил со стоимости той партии стройматериалов, которую я по его наводке заказал. Но улыбки улыбками, а нужно помнить, кто такой Жека Псел: ежели с ним в срок не рассчитаешься, то лучше сразу забронируй себе место в колумбарии, а справочку регистрационную в карман положи. Жека потому не терпит необязательных людей, что сам в делах щепетилен сверх всякой меры, и если регистрационную справочку увидит, так непременно отправит прах по месту назначения. Во всяком случае, так мне знающие люди говорили. А потому я сразу же заплатил Жеке всю причитающуюся ему сумму за аренду роботов и сборных строительных лесов, переведя деньги с карточки, которой снабдил меня сенатский администратор, после чего мне оставалось ровно через десять дней вернуть Пселу его имущество, с чем, как я полагал, проблем у меня не возникнет.

Несколько огорчила меня сумма таможенной пошлины, которую пришлось бы заплатить за срочный груз. Выдавая мне кредитку, сенатский администратор с улыбкой сообщил, что деньги, которые останутся на карточке по окончании работ, я могу считать своими премиальными. В тот момент сумма премиальных показалась мне просто сказочной. Теперь же я понял, в чем был подвох. Планета Эмерслейк пока официально не присоединилась к Галактической Лиге, а потому в отношении ее все еще действовали таможенные правила для отделенных миров. С учетом этого сумма моих премиальных падала едва ли не до нулевой отметки, и это при учете того, какую удачную сделку провернул я с Жекой Пселом.

Я никогда не нарушал законов, предпочитая в случае необходимости найти способ аккуратно обойти их по касательной, а потому «лицом» представил таможенникам имевшийся на корабле груз. И честно сообщил, что данные материалы будут использованы для создания произведения искусства. На вопрос, почему материалов так много, я ответил, что произведение будет монументальным. Не знаю, известно ли тебе, Архенбах, что произведения искусства и материалы для их создания таможенной пошлиной не облагаются вообще. Если, конечно, перевозка осуществляется официально, с согласия всех заинтересованных сторон. Документы на груз у меня были в полном порядке, и все же вид строительных роботов и лесов не убедил таможенников в том, что я говорю правду. Тогда я потребовал вызвать экспертов. Оба доставленных на станцию эмерслейкера, одним из которых оказался знакомый мне старшина, а другим — мой добрый приятель-скульптор, с готовностью подтвердили, что я намерен возвести на Эмерслейке грандиозное сооружение, которое станет подлинным произведением искусства. Скульптор еще пытался втолковать служивым, что моя работа будет в чем-то похожа на их станцию, но, по счастью, его не поняли.

Никаких препон на моем пути более не стояло. Впереди была неделя напряженного труда, а после — заслуженные триумф и вознаграждение.

Ты, конечно, хочешь спросить, каким образом я собирался вывезти свой груз с Эмерслейка по окончании работ? Элементарно, друг мой! Я намеревался задекларировать его как мусор, оставшийся после возведения монументального произведения искусства, и был уверен, что эксперты с Эмерслейка вновь подтвердят мои слова.

Работа закипела!

Собственно, моя работа заключалась лишь в том, чтобы ввести в оперативную память роботов план строительства, что заняло чуть более получаса. Ну, а после мне оставалось лишь следить за тем, как,

точно тесто на дрожжах, поднимаются вверх стены первого на Эмерслейке здания, построенного на поверхности, но при этом целиком и полностью соответствующего традициям местного зодчества.

Вместе со мной за работой строительных роботов наблюдали местные жители. Необычное зрелище явно пришлось эмерслейкерам по душе, потому что с каждым днем зевак становилось все больше. Аборигены бурно реагировали на происходящее – если, конечно, ты в состоянии вообразить, как проявляют свои эмоции лишенные голосового аппарата слизнеподобные существа. Имплантированный ретранслятор имелся далеко не у каждого эмерслейкера, поэтому, прогуливаясь меж праздно ползающих зрителей и раскланиваясь со знакомыми, я мог уловить лишь обрывки фраз, которыми они обменивались. Но все слова, что я слышал, выражали только восхищение и безграничный восторг. Я, конечно, понимал, что мой скромный труд вовсе не заслуживает столь лестной оценки, но, как ни крути и сколько ни строй из себя скромника, рано или поздно приходится признать, что каждый из нас хочет получить свои законные пятнадцать минут славы. И желательно при жизни.

Когда же купол посольского здания был покрыт последним слоем самого что ни на есть современного влагоизоляционного материала с вкраплением соляроидных термопар и на корпусах всех четырех роботов загорелись красные огни – знак того, что работа успешно завершена, – эмерслейкеры устроили нечто невообразимое. В этот день их собралось столько, что все близлежащие дюны были покрыты плотным слоем желто-коричневых тел, из-за чего создавалось впечатление, будто бесконечная очередь желающих виртуально пожать мне руку ускользает за горизонт и, опоясав планету, возвращается к своему началу. Четверо эмерслейкеров с имплантированными ретрансляторами заняли позиции вокруг меня и хором, в четыре голоса переводили то, что говорили их соотечественники, лишенные возможности обратиться ко мне лично. Естественно, я не понимал и десятой доли сказанного, но было ясно одно: моя работа всем понравилась.

А какие слова говорил мой приятель-скульптор! «То, что ты создаешь, есть наивысший взлет творческого гения, к которому стремится каждый истинный художник!» Само собой, это не дословный перевод, но смысл я передаю верно.

Позже – не знаю, все ли желающие успели высказать свои комплементы или же кто-то из старшин волевым усилием перекрыл доступ к моему телу – меня едва ли не на руках (снова образное выражение, естественно, никаких рук не было, только скользкие коричневые спины) потащили в одну из нор. Оказавшись внутри и осмотревшись, я понял,

что это жилище местного скульптора. Дом, включающий в себя еще и художественную студию, не мог вместить всех желающих присутствовать на торжественной церемонии. По чести сказать, чему была посвящена сия церемония, я толком не понял – то ли меня причислили к лику святых, то ли присвоили звание почетного гражданина, то ли сделали главным распорядителем фонда поддержки юных дарований, – но все было очень торжественно, очень проникновенно и весьма обстоятельно. После троекратного мысленного «ура» в мою честь началось застолье, которое носило довольно-таки необычный характер. Пирующие периодически всей толпой выкатывались из норы, служившей им пристанищем, чтобы после краткой прогулки по свежему воздуху влиться в новую нору, где пиршество продолжалось так, будто и не прерывалось.

Стоит ли говорить, что после бурно проведенной ночи на объекте я появился только к полудню. Зрителям, которых не стало меньше, я улыбался уже несколько устало и натянуто. Ну, в самом деле, сколько можно восхвалять мои человеческие – или, с точки зрения эмерслейкеров, как раз нечеловеческие достоинства?

Я достал из кармана дистанционный пульт управления и передал роботам команду начинать разборку строительных лесов. В уме я уже прикидывал, что если роботы справятся с работой за пять-шесть часов, то вечером я смогу взлететь – погрузка займет не больше часа – и верну Жеке Пселу его оборудование почти на сутки раньше оговоренного срока. Вот так!

Так думал я. Но эмерслейкеры, как оказалось, полагали иначе.

Я не сразу обратил внимание на то, что среди собравшихся вокруг стройки зевак началось какое-то странное волнение. «Что-то не в порядке», – подумал я лишь после того, как один из аборигенов наступил мне на ногу. Эмерслейкеры никогда не допускали таких оплошностей, следовательно, сделано это было умышленно. Но почему? Мне было ясно, что происходит что-то необычное, но я даже представить себе не мог подлинную причину охватившего эмерслейкеров беспокойства. И, как назло, рядом не было ни одного аборигена с имплантированным ретранслятором, который хотя бы в самых общих чертах мог объяснить мне, что творится с его собратьями.

Не стану лгать, вздохнул я почти с облегчением, когда узнал в целеустремленно пробирающемся ко мне сквозь плотную толпу эмерслейкере местного художника-примитивиста.

– Прошу прощения, друг мой, – вежливо обратился я к нему. – Но я не могу понять, с чем связана царящая вокруг суета? Да и вы сами, как мне кажется, несколько возбуждены.

– Возбужден? – Будь художник человеком, он бы непременно с надрывным визгом выкрикнул свой короткий вопрос. – Да я вне себя от негодования! И только врожденная порядочность удерживает меня от желания метнуть вам в лицо комок слизи из туртеля!

Однако! Если учесть, что выделения туртеля способны расплавить песок, можно представить, во что превратил бы он мой профиль, который и без того далек от классического.

– Друг мой! – не теряя оптимизма и жизнелюбия, вновь обратился я к художнику. – Что же повергло вас в сей гнев праведный?

На этот раз прежде, чем ответить, эмерслейкер попытался собраться с мыслями и совладать с хлещущими через край эмоциями.

– Я слышал, что на Земле есть художники, которые уничтожают свои работы сразу после их завершения. Это так?

– Ну да, – кивнул я немного растерянно. – Обычно такие фокусы проделывают ремесленники, не блещущие особым талантом и мастерством.

– Но вы же гений! – мысленно вскричал мой собеседник.

– Ну да, – вынужден был снова согласиться я. – Так я же... Ничего такого...

На всякий случай я щелкнул ногтем по лежавшей в кармане коробочке электронного переводчика, а то он что-то совсем уж заврался.

– Почему? Ответьте мне, почему вы уничтожаете величайшее из своих творений?!

В растерянности прикусив губу, я посмотрел на стройку. Все как будто было в полном порядке. Купол посольского здания стоит на своем месте – новенький, поблескивающий серебристым покрытием, любо-дорого посмотреть. Роботы бойко бегают по лесам, развинчивая сочленения балок и аккуратно опуская детали конструкции на землю, – уже до второго этажа добрались, молодцы.

– О, ужас! – простонал (так это можно было себе представить) распластавшийся рядом со мной на песке художник-эмерслейкер.

И тут я все понял! Эмерслейкеров не интересовал возведенный мною купол: он был похож на одну из их нор, которую вытащили из-под земли. В восторг их привели окружавшие купол строительные леса, имевшие форму правильного куба! С острыми углами и прямыми гранями! На их глазах я совершил невозможное, создал то, в реальность чего они прежде не верили. Теперь же я публично разрушал то, что эмерслейкеры приняли за величайшее произведение искусства всех времен и народов. Бедняги, как же жестоко они заблуждались!

Хотя если подумать, для греков Парфенон был всего лишь храмом, одним из многих. При сменивших их турках храм и вовсе превратился

в склад боеприпасов. А вот когда от него почти ничего не осталось, тогда-то Парфенон и стал классическим образцом дорической архитектуры. И, как ни странно, подобные случаи совсем не редки. По крайней мере, на моей исторической родине. Если в рукописи утеряна глава – значит, это были лучшие страницы книги; если картина осталось незаконченной – вне всяких сомнений, она должна была стать величайшим полотном художника; у статуи нет рук – мы бы просто ума лишились, увидев, что она ими вытворяла!

Кроме шуток, мне было искренне жаль разочаровывать общественность, успевшую причислить сборные строительные леса, возведенные четверкой исполнительных роботов, к художественным шедеврам. И будь на то моя воля, я бы с превеликой радостью подарил эмерслейкерам весь набор – и балки с кронштейнами, и зажимы с крепежами, и листовые настилы, и даже роботов, способных собрать из такого конструктора не только куб, но практически все, что душа возжелает, – однако сие имущество принадлежало не мне, а Жеке Пселу. И этим было сказано все. Чтобы в срок вернуть Жеке его собственность, я бы разрушил не только строительные леса, но даже сады Семирамиды.

С отдавленными ногами, но в остальном целый и невредимый, на следующий день я прибыл на таможенную станцию. На борту у меня имелись два контейнера со строительным мусором, шесть контейнеров с разобранными лесами и четыре робота-строителя. Таможенник – не тот, что неделю назад пропускал меня на Эмерслейк, хотя по мне, так все таможенники похожи друг на друга, как пара кузнечиков на лугу в знойный полдень, – внимательно изучил таможенную декларацию, пожевал таможенные губы, потыкал пальцем в клавиши таможенного компа, почесал гладкий таможенный затылок... Он двигался медленнее мухи, завязшей в меде. Глядя на него, можно было подумать, что Вселенная расширилась до границы красного смещения и время вот-вот остановится.

– Поня-ятненько, – произнес он наконец.

Я представления не имел, что ему там стало понятно, но все равно был до соплей рад тому, что дело все ж таки сдвинулось с мертвой точки. И не смог сдержать счастливой улыбки.

Таможенник посмотрел на меня неодобрительно.

– Напрасно лыбитесь, гуманоид, – произнес он вполне индифферентным тоном. Хотя если прислушаться, в голосе его можно было уловить и скрытое злорадство, и затаенную угрозу, и еще кое-что малоприятное.

Ясное дело, таможенник не был землянином. К тому же землян он почему-то не любил.

– В чем проблема, уважаемый? – вежливо поинтересовался я у таможенника-ксенофоба.

– Проблема в вашем грузе, уважаемый. – Он как будто передразнивал меня. – Неделю назад вы провезли на Эмерслейк некое произведение искусства, состоящее... – Таможенник нажал клавишу комптерминала, и на стол перед ним упал тоненький полупрозрачный листок распечатки. – «Состоящее из стандартных сборных конструкций для возведения строительных лесов и четырех строительных роботов», – зачитал он и скосил на меня ехидный взгляд.

– Я скульптор-монументалист, – ответил я, не моргнув глазом. – Мой талант невозможно втиснуть в узкие рамки художественной студии, поэтому я творю на открытом воздухе, возводя мегалитические арт-флексы.

– С талантом вашим пущай искусствоведы разбираются, – гнусно так усмехнулся таможенник, и я понял, что сейчас он выдаст какую-нибудь гадость. – Проблема в том, что сейчас вы везете с собой тот же самый груз, задекларировав его как строительный мусор.

Откинувшись назад, я положил согнутый локоть на спинку стула, закинул ногу на ногу и воздел подбородок к потолку – одним словом, принял позу гения, не хватало только сигареты в длинном мундштуке, зажатом меж тонкими вялыми пальцами, а еще лучше – загадочно побулькивающего кальяна, чьи дымные кольца способны увести созерцателя в мир раздвоенного сознания и безумного многообразия вариантов ускользающей сути.

– Известно ли вам, уважаемый, как создается произведение искусства? – Я не произнес, а пропел эту фразу с томным придыханием, как и подобает истинному художнику. – Для того чтобы создать скульптуру, я беру здоровенную (тут я двинул руками в стороны, намечая фантастические размеры) глыбу мрамора или какого другого материала и отсекаю от нее все лишнее (изящный жест полусогнутой кистью руки – все, мол, очень просто, мог бы и сам догадаться). Материалы, сваленные в грузовом отсеке моего корабля, есть не что иное, как то, от чего пришлось избавиться в процессе создания произведения искусства. Сама же работа была передана в дар жителям Эмерслейка.

Я сказал таможеннику чистую правду. Но человеку, от искусства далекому, слов моих оказалось недостаточно. Угадай, что он сделал? Верно, запросил подтверждение у эмерслейкеров. А эмерслейкеры, простые ребята, само собой, ответили, что я действительно создал монументальный шедевр мирового значения, но после демонтировал его, загрузил в корабль и увез с планеты.

Сам понимаешь, после такого заявления глаза таможенника, ненави-

девшего меня уже только за то, что мои предки были родом с Земли, загорелись инфернальным огнем. По счастью, все те же эмерслейкеры, перед этим едва не отправившие меня в притон для садомазохистских забав, которым заправляет слепая тетка Фемида, согласились считать конфликт исчерпанным, если я вернусь и воссоздам свое творение в первоначальном виде. Поскольку в случае отказа конфискация строительного набора, владельцем которого являлся Жека Псел, была гарантирована, я счел за лучшее согласиться.

Следует отдать должное эмерслейкерам: они не держали на меня зла. Должно быть, считали, что художники все немножко с придурью. Тем не менее к работе по восстановлению своего концептуального шедевра я должен был приступить немедленно.

Сказано – сделано. Будучи человеком практичным, я не стал заново возводить леса вокруг уже построенного корпуса – четверка роботов получила приказ соорудить из строительных конструкций куб высотой метров эдак в пятнадцать в полукилометре от посольского здания. Как только роботы принялись за дело, вся масса встречавших меня как родного эмерслейкеров переместилась в требуемом направлении. Я остался в одиночестве, о чем ни капли не жалел. Мне нужно было успокоиться и немного прийти в себя после обмена любезностями с таможенником-ксенофобом – перед расставанием мы высказали все, что думали друг о друге, – а потом собраться с мыслями и всесторонне проанализировать сложившуюся ситуацию. По завершении аналитической части я понял, что, собственно, и думать-то особенно не о чем: в настоящий момент проблема сводилась к тому, как урегулировать отношения с Жекой Пселом.

Результаты переговоров с Жекой трудно было назвать обнадеживающими. Для начала я предложил Пселу продлить договор об аренде строительного оборудования еще на десять дней, от чего тот спокойно и вежливо отказался. Тогда я решил увеличить сумму арендной платы, на что тут же последовал не менее решительный отказ. Под конец я выложил свой последний козырь – предложил Жеке выкупить неоднократно бывшее в употреблении оборудование по остаточной цене. В ответ на это Псел почесал задумчиво щеку, улыбнулся и сказал:

– По тому, насколько дико звучит это предложение, я могу предположить, что ты попал в безвыходную ситуацию. Не стану спрашивать, что там у тебя стряслось: это не мое дело. Я бы с удовольствием продал тебе все это барахло, не будь у меня заключен на него новый договор. Как ты знаешь, Чейт, слово для меня превыше всего. Я никогда не подводил своих клиентов. Потому и в других я прежде всего ценю точность и пунктуальность. Понимаешь? – Намек был прозрачный, как

слеза младенца. Я все понимал и был не в обиде на Жеку. – Но раз уж ты все равно предложил выкупить весь инвентарь, можешь просто заказать у производителя точно такой же комплект на мое имя – я буду не в обиде.

Что ж, предложение было не только благородное, но еще и более чем разумное. Крошечный, можно сказать, совершенно незначительный нюанс заключался лишь в том, что в результате такой сделки мой гонорар за проделанную на Эмерслейке работу сводился к стоимости кусочка пластика, из которого была сделана карточка, что вручил мне представитель административного отдела Сената Галактической Лиги. Но, с другой стороны, что еще я мог сделать? Я не поспевал к назначенному Жекой сроку даже в том случае, если бы вдруг эмерслейкеры отказались от своего решения установить среди песков грандиозный куб из строительных лесов и с миром отпустили меня на все четыре стороны.

И я сказал себе: действуй! И связался со своим работодателем из администрации Сената. И потребовал у него полный расчет в течение суток. И он согласился. Не сразу, далеко не сразу, но все же согласился.

Через семь часов пришло подтверждение, что деньги на мой счет переведены. Я тут же подозвал к себе одного из роботов и набрал номер, указанный на его заводской бирке. Сделав и оплатив заказ на имя Жеки, я еще раз связался с Пселом, чтобы поставить его в известность о том, что он стал владельцем нового комплекта строительного оборудования. Таким образом, договор с Жекой Пселом был закрыт. И я начал думать о том, как вернуть свои деньги назад.

Для начала я лег и хорошенько выспался. Потом обстоятельно позавтракал и совершил короткую прогулку среди песчаных дюн. И только после этого сел под колючим кустом с крошечными листиками, обхватил колени руками, уперся в них подбородком и задумался. Как следует задумался.

Думал я ровно три с половиной часа. До тех пор, пока меня не отыскал мой старый приятель-скульптор. Охвативший его восторг был столь грандиозен и фееричен, что эмерслейкеру далеко не сразу удалось выразить его словами. Тем более что слов как таковых в языке эмерслейкеров нет. Далеко не сразу, но все же я понял причину квадроэкстатического состояния моего приятеля: эмерслейкер был в диком, неописуемом восторге от того, что соорудили мои – да, теперь уже точно мои – роботы. Скульптор уверял, что мое новое творение по грандиозности замысла, красоте и тонкости воплощения превзошло предыдущее.

Услыхав такое, я усмехнулся было саркастически – вот находка-то для искусствоведов, ежели они имелись в наличии на Эмерслейке, – но не успела еще усмешка сломать рисунок губ моих, как в голове у меня точно фейерверк взорвался. Ну, на худой конец, шутиха, что под Новый год сорванцы в воздух подкидывают. Мысль, по силе своей близкая к гениальной, лежала, как оказалось, на самой поверхности, и нужно было только сделать шаг назад, чтобы узреть ее во всей красе. Если эмерслейкеры считали куб, собранный из строительных конструкций, гениальным произведением искусства, так пусть он таковым и станет! В конце концов, чем куб хуже пирамиды?!

Остальное было делом техники.

Перво-наперво я переговорил со старшинами. При полной и безоговорочной поддержке скульптора и еще нескольких представителей местной богемы мне без особого труда удалось убедить влиятельных эмерслейкеров в том, что нам жизненно необходим Музей истории, искусства и культуры. Иначе что мы будем показывать туристам, которые толпой хлынут на Эмерслейк после официального установления дипломатических отношений с Галактической Лигой? Интересно, что это «мы» получилось у меня легко и просто, а у эмерслейкеров даже недоумения не вызвало: я вроде как уже стал своим. К тому же мой авторитет как знатока высокого искусства на Эмерслейке был неоспорим.

Получив одобрение старшин, я на оставшиеся деньги закупил самый дешевый строительный материал и приступил к строительству.

В открытом конкурсе на проект будущего музея победила концепция, автором которой являлся ваш покорный слуга. Во-первых, потому, что других проектов на конкурс представлено не было; во-вторых, потому, что председателем, секретарем, а также единственным членом жюри был некто по имени Чейт А. В соответствии с утвержденным проектом, здание должно было состоять из двух секций. Первая представляла собой уплощенную куполообразную конструкцию – нечто вроде гигантской линзы, вдавленной в песок пустыни. Вторая секция располагалась под землей и выглядела как огромная коммунальная квартира, выполненная по эмерслейкерскому образцу; каждая комната в ней была увеличена до размеров выставочного зала.

Пока четверка роботов трудилась на строительстве Музея, которому суждено было стать красой и гордостью Эмерслейка, я тоже не сидел сложа руки, а готовил рекламный буклет. Речь в нем, как и полагается, шла о древней, насчитывающей не одно тысячелетие истории планеты Эмерслейк, о ее удивительной, не имеющей аналогов во Вселенной культуре, о загадках и тайнах, связанных с отдельными историческими периодами, и об удивительных артефактах, на которые столь

богата щедрая пустыня, покрывающая три четверти поверхности планеты – фактически всю свободную ото льдов сушу. Самым подробным образом был описан в буклете Большой Куб. Не углубляясь в историю создания сего поражающего воображение циклопического памятника, я сосредоточился на описании его удивительных свойств.

Рецепт приготовленного мной блюда на удивление прост: по щедрой горсти нумерологии, астрологии, экстрасенсорики и оккультизма, чуток криптоистории, немножко вуду, щепотка шаманских плясок, три-четыре божественных откровения, чудесных исцелений – по вкусу (но не перебарщивать!), побольше псевдонаучной риторики, перемешать, но не взбалтывать – и блюдо готово к употреблению в сыром виде. Но главное – нельзя допускать наглого вранья.

Описывая чудесные свойства Большого Куба, я не сказал ни слова лжи. Эмерслейкеры не в состоянии самостоятельно возвести надземное сооружение, подобное Большому Кубу, – чистая правда. Куб создан из материалов явно искусственного происхождения, навыками производства которых аборигены Эмерслейка не владеют, – так оно и есть. Серию математических упражнений, с помощью которых на основе геометрических параметров Большого Куба можно вычислить диаметр планеты Эмерслейк, длину ее экватора, расстояние от Эмерслейка до Земли, скорость света, число «пи» до сорок пятого знака после запятой, массу ядра протона, число кораблей, захваченных в плен во время Шенского конфликта, количество пальцев на правой ноге жителя Замбулу в период летнего солнцестояния, число верблюдов, способных разместиться на булавочной головке, а также продолжительность звучания первоначального студийного варианта диска «Red» – в состоянии проделать каждый. Насчет экстатического восторга, охватывающего тех, кто находится вблизи Большого Куба, – тут у меня свидетелей хоть отбавляй. Возможно, что среди них есть и чудесным образом исцелившиеся от хронических болезней, присущих позвоночным слизням. Но главной изюминкой Большого Куба являлось то, что переплетение его решетчатых конструкций создавало поле эфемерного напряжения – название я сам придумал! – обладающее чудодейственными свойствами: предметы и вещества, оказавшиеся внутри куба, восстанавливали свои первоначальные кондиции, а некоторые из них даже усиливались. Или обращались вспять. Режущие и колющие предметы – не тупились, прокисшее молоко – не кисло дальше, лед таял быстрее, чем при комнатной температуре, сахар становился слаще на вкус, а у облысевших кошек отмечался устойчивый рост новой шерсти. Что произойдет с тем или иным предметом, оказавшимся в поле эфемерного напряжения Большого Куба, заранее предсказать невозможно, и это

открывает самые широкие возможности для экспериментов, которые можно проводить даже в домашних условиях, поскольку свойства Большого Куба сохраняют и его модели, воспроизведенные с точным соблюдением пропорций оригинала, что подтверждалось приложенным к изделию сертификатом. Таким образом, каждый владелец сертифицированной копии Большого Куба становится сам себе магом и чародеем, способным обратить воду в вино, банкой консервов накормить всех соседей, заглянуть в далекое прошлое Вселенной или приоткрыть завесу тайны над будущим. Наш девиз: нет ничего невозможного! Твори, выдумывай, пробуй!

Готовые буклеты я разослал музеям, туристическим фирмам, крупным торговцам антиквариатом, владельцам сети сувенирных ларьков на пересадочных станциях и нескольким прославленным оккультистам, чьи имена то и дело мелькали в выпусках новостей в связи с очередным скандалом вокруг попытки оживления знаменитой Московской мумии.

Ответная реакция была похожа на взрыв сверхновой – признаться, я даже и не ожидал такого. Музеи завалили меня просьбами выслать модель Большого Куба вместе с подробным описанием и проекциями реального объекта. Писем от оккультистов, колдунов, экстрасенсов и целителей всех званий и мастей пришло раза в три больше, чем я отправлял: видно, у этих ребят хорошо поставлен обмен информацией. Эти желали обзавестись не просто сертифицированными, но именными моделями Больших Кубов. Антиквары оказались более осторожными – лишь восемь из них ответили на мои письма, да и те объяснили, что модель Большого Куба может заинтересовать их только в том случае, если изделию не меньше полтораста лет. Торговцы сувенирами очень вежливо просили прислать им для ознакомления рекламные образцы нашей продукции.

К тому времени строительство Музея было завершено, и я перепрограммировал роботов на производство моделей Большого Куба размером от двух до двадцати пяти сантиметров. В качестве исходного материала был использован строительный мусор.

Серьезная проблема возникла с комплектацией фондов Музея. Почетное место в главном надземном зале заняли модели Большого Куба, на которые с помощью обычных в подобных случаях ухищрений была поставлена печать времени. Рядом были выставлены работы моего друга-авангардиста – в музейном каталоге они проходили как «языческие тотемы первобытных племен» и «атрибуты магических обрядов». А вот чем заполнять подземные залы, я представления не имел. При той размеренной и спокойной жизни, что из века в век протекала на Эмерслейке, местные жители не испытывали ни малейшего интереса к соб-

ственной истории, которой, по сути-то, и не было как таковой. Никто не хранил предметов старины; если кто и помнил старинные предания и песни, то воспроизвести их в режиме восприятия, доступном существу с иной сенсорной системой, было практически невозможно; старые фильмы, книги, газеты – ничего этого на Эмерслейке не существовало. Между тем пора уже было открывать в гала-сети виртуальный зал нашего Музея, и меня начали посещать первые признаки легкой паники. Ну, прямо хоть сам садись и выпиливай лобзиком экспонаты.

Нежданно-негаданно на выручку пришли эмерслейкеры. Им показалось, что они правильно уловили суть того, что я называл Музеем, и аборигены – один за другим – принялись стаскивать в подземные залы весь хлам, что скопился у них дома, все те старые вещи, что уже вряд ли когда понадобятся, а выбросить все равно жалко. Все это они красиво и аккуратно раскладывали и расставляли в залах музея, мне же оставалось только придумывать экспонатам броские названия. Поначалу, занимаясь этим делом, я чувствовал себя несколько неловко – ну, вроде как мелкий шулер, который и мошенничает-то не более других, но все равно постоянно находится в страхе, что его могут схватить за руку. Но потом я подумал, а что представляет собой история любой цивилизации, как не набор более или менее удачных подтасовок? Были ведь времена, когда с приходом нового правителя летописи переписывались заново, в соответствии с последними директивами. А что мы знаем о назначении большинства предметов, выставленных в музеях? Только то, что пожелали рассказать нам изучавшие их археологи, которые с уверенностью, присущей всем ученым, интерпретировали любой факт в строгом соответствии с собственными теориями. И если какая-то из находок не желала укладываться в рамки стройной теории, то тем хуже было для находки. Для примера достаточно вспомнить историю с Велесовой книгой или Шарамским камнем.

Впрочем, речь сейчас не о превратностях истории, а о сувенирах, созданных на основе Большого Куба. Сказать, что торговля пошла успешно, – все равно что не сказать ничего. От желающих приобрести сертифицированную модель Большого Куба отбоя не было.

Через неделю после того, как была распродана первая партия, посыпались восторженные отзывы. Радостная мамаша написала, что под воздействием поля эфемерного напряжения у ее младенчика зубки прорезались на месяц раньше срока. К сожалению, мамаша не уточнила в письме, к какой расе они с младенчиком принадлежат. Писатель по фамилии Птичкин сообщал, что его комп, на процессорный блок которого он поставил двухсантиметровую модель Большого Куба, сам начал править только что набранный текст. Однако, судя по стилю пись-

ма, господин Птичкин по-прежнему безуспешно ведет партизанскую войну с родным языком. Некий богослов с планеты Новый Иерусалим, повесив модель Большого Куба на шею рядом с крестом, обрел божественное откровение и сумел записать на листе бумаги все имена Бога. Правда, потом, испугавшись содеянного, богослов съел составленный список, после чего у него за сутки зарубцевалась язва двенадцатиперстной кишки, которую он не лечил по принципиальным соображениям, считая, что истинно верующий человек непременно должен страдать. От души порадовало меня письмо одного гинеколога, сообщившего, что он наловчился использовать самую большую, 25-сантиметровую модель Большого Куба для прерывания нежелательной беременности яйцекладущих аборигенов планеты Рух. Вот только как он это делает, врач не уточнил. Может быть, просто колет отложенные яйца?

Сейчас модели Большого Куба продаются повсюду. Появились даже пиратские копии, в связи с чем приходится строго следить за сертифицированием продукции. Впрочем, это уже не моя забота. Получив деньги, причитавшиеся мне за постройку Музея, я передал все дела, связанные с торговлей сувенирами, эмерслейкерам. Мой старый приятель-скульптор, оказавшийся на удивление способным предпринимателем, крепко держит бизнес в руках, которых у него нет. А я отправляюсь дальше. Есть одно предложение, с виду заманчивое. А что там на деле... Короче, надо посмотреть.

– Всё! – Чейт бросил взгляд в сторону – должно быть, на часы. – Мое время истекло. Надеюсь, моя история хотя бы немного тебя позабавила. Успехов во всех начинаниях, Архенбах! И привет жене!

Успев еще махнуть на прощание рукой, Чейт А исчез с экрана.

Какое-то время Архенбах сидел в кресле, задумчиво глядя на погасший монитор. Затем он поднялся и подошел к полке, заставленной всякой мелочью, – к хозяйству жены. Среди всевозможных безделушек почетное место занимала 10-сантиметровая модель Большого Куба, не так давно приобретенная благоверной супругой Архенбаха на пересадочной станции Ф-Дик. Наслушавшись о чудодейственных свойствах Большого Куба, она решила, что с помощью поля эфемерного напряжения можно будет вырастить на Варкале гуаб – фруктовое дерево, широко распространенное на Гроне, но отказывающееся расти на других планетах. Каждый день она подходила к полке, поднимала решетчатый кубик, смотрела на спрятанное под ним семечко и с сожалением качала головой: никаких признаков того, что семя собирается ожить.

Усмехнувшись, Архенбах подцепил когтем модель сотворенного Чейтом Большого Куба, приподнял ее и посмотрел на семечко. На остром кончике семечка проклюнулся зеленый росток.

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

Далия Трускиновская:

«Многие сейчас пишут фантастику просто по инерции»

Широко известно, что писательница Далия Трускиновская живет в Риге, много и плодотворно работает в фантастическом и детективном жанрах (напомним названия некоторых ее книг: «Запах янтаря», «Королевская кровь», «Люс-А-Гард», «Шайтан-звезда», «Аметистовый блин»); правда, публикуется в последнее время нечасто. Столь же широко известно, что она в свое время сочинила эротический детектив «Обнаженная в шляпе», по которому на излете советской власти был поставлен довольно популярный фильм. А вот менее распространенная информация: в 70-е годы Далия Трускиновская участвовала в движении политической песни, а еще раньше придумывала репризы для клоунов. Прочие подробности, включая самые свежие сведения из жизни писательницы, — в интервью, напечатанном ниже.

— Как живется Далии Трускиновской в Риге?

— С одной стороны, очень интересно живется. Я ведь еще и журналист. Интересные люди, события, а при желании всей этой суеты было бы еще больше. Польза та, что мне не приходится при работе над романами высасывать из пальца характеры и фактуру: все это добро в голове аккуратно складируется и ждет своего часа. С другой стороны, я оказа-

лась вне всякой литературной тусовки. Может, оно и неплохо. А если насчет того, что латвийские фашисты угрожают русскоязычной писательнице, – так они *никому* не угрожают, они только раз в год шествие устраивают.

В Риге я могу спокойно работать, зная, что никто в третьем часу ночи не рухнет мне на голову с бутылкой водки и кучей своих проблем. Но иногда именно этого и недостает...

— Далия Мееровна, а как обстоят в Латвии дела на фантастической ниве?

– Полагаю, что никак. У нас страна по сути фантастическая, но сама себя она воспринимает очень серьезно, поэтому фантастика не в моде. Кроме того, каждый писатель уже в том возрасте, когда полагается работать в жанре «сам по себе». Я Иванова и Гуданца годами не вижу. Если вдуматься, то и разговаривать особенно не о чем. Прошло то время, когда спорили о фантастике. Конечно, они что-то пишут, издают, но – в России. У нас тут издать фантастическое произведение можно только за свой счет, а потом сидеть на пачках с тиражом и горько плакать. В существовании местной молодежи, которой угодно писать фантастику, я сильно сомневалась, но она меня нашла! Это – компания молодых латышей (этнических латышей!), которые пишут фантастику по-латышски, но читают ее на русском и на английском. Эти бедные дети никому в Латвии с ее «страдальческим реализмом» не нужны, вот ко мне и прибились, а я попытаюсь вывезти их в свет. Правда, встал вопрос перевода, но это – не главная проблема.

— С писателями ясно. А читатели в Латвии остались? Что читают? На каком языке?

– С читателями напряженка. Читают дамский роман и детектив. Та публика, которой интересна хорошая фантастика, слиняла в Америку, Германию, Австралию, Израиль. Вы поймите: нет у нас ни промышленности, ни науки. Культурные люди собрали чемоданы. Остались коммерсанты, а этим и видиков хватает.

Я эксперимент пару лет назад провела. Вернувшись то ли со «Странника», то ли с «Интерпрессконa», написала большую статью, где упомянула всех победителей, взяла сто экземпляров газеты со статьей, составила анкетку и пошла с сумкой по книжным лоткам – раздавать газету и задавать вопросы. После того как мне в четвертый раз сказали, что вот если бы Лазарчук писал как Головачев, а Успенский писал как Злотников, то их бы все знали, читали и продавали, я махнула на свой эксперимент рукой. Есть слой читателей фантастики, я сужу о нем по интеллектуальному уровню лоточников, которые у нас – молодые ребята, знающие определенный спектр ассортимента, и не более того.

Это что касается литературы на русском языке. А у латышей фантастика изначально не пошла. Пробовали Урсулу Ле Гуин переводить, вот теперь «Гарри Поттера» издали. Но им тоже детектив и дамский роман дороже.

— Слышал, что вы делаете на каком-то сайте обзоры «массолита»...

— Это не на сайте, а в газете «Русская Германия». Даже банковский счет открыла, чтобы гонорары получать. Но тут одна закавыка. Я не считаю нужным соблюдать лояльность по отношению к соратникам по тусовке. Я все-таки филолог, и анализировать художественное произведение меня в университете не один год учили. Поэтому устраиваю разборки без всяких комплиментов и без всяких скидок на фантастичность — а именно с позиций литературы. А некоторых авторов не рецензирую в принципе — потому что не хочу.

— Вы неоднократно декларировали, что предпочитаете работать в жанре исторической фантастики. История так или иначе присутствует во многих ваших произведениях («Запах янтаря», «Секунданты», «Монах и кошка», недавняя повесть «Маршрут Оккама»...). Чем объясняется такая горячая любовь к прошлому? Нашли ли своего издателя ваши историко-фантастические романы «Несусветный эскадрон» и «Окаянная сила»?

— Давайте по порядку. Почему любовь к прошлому — объяснить не берусь. Я люблю копаться в истории, и все тут. Мне это просто нравится. И почему я должна себе в этом отказывать? Насчет историко-фантастических романов — с ними проблема. Был подписан контракт с «Амфорой», но она ни мычит, ни телится. К счастью, истек срок эксклюзива! Так что дальнейшие вопросы — к моему четвероногому литагенту по имени Олди.

— Фантастика при Советах отчасти заменяла нам (по крайней мере, некоторым из нас) религию, обещала рай в будущем. В ряде произведений АБС очень убедительно изображен мир, «в котором хотелось бы жить и работать». Некоторые современные авторы пытаются создать подобные миры (например, Хольм ван Зайчик и его Ордусь). Возможно, Далия Трускиновская когда-нибудь познакомит нас со своей моделью заманчивого будущего? Правда, лично мне хотелось бы, чтобы оно не было похоже на будущее, описанное в вашем романе «Люс-А-Гард».

— Друг мой! Тут с настоящим бы разобраться! Я не стану моделировать будущее, потому как тут возможны два варианта — утопия и антиутопия, и оба мне лично неинтересны. И хотя моему характеру больше соответствует утопия — все равно не буду. Не мое это дело. Я не люблю наивных конструк-

ций с элементами социологии, футурологии и прочих «логий». Я про людей хочу писать! Даже если это совершенно не нужно фэндому...

А «Люс-А-Гард» – пародия, причем пародия на конкретное лицо (или несколько лиц) и на конкретные произведения. Дружеский шарж, понимаете?

Правда, довольно увесистый дружеский шарж и даже в известной мере автопародия. Но никакого другого значения этой штуке придавать не надо.

– Как вы считаете, имеет ли право на существование словосочетание «женская фантастика»?

– Судя по тому, что я вижу на прилавках книги с женскими фамилиями на обложках, такая фантастика, очевидно, существует. Но чтобы ответить обстоятельно, нужно хотя бы несколько штук целенаправленно прочитать. А мне, право, не до них!

– Ваша оценка положения дел в российской фантастике?

– По-моему, она в недоумении: какой-то пик пройден, а куда двигаться дальше – непонятно. Боюсь, что многие коллеги сейчас пишут фантастику просто по инерции. А кое-кто – потому, что ничего другого делать не умеет. Смешно призывать лысых, пузатых и бородатых товарищей, чтобы они, земную жизнь пройдя не то что до половины, а до двух третей, вдруг честно посмотрели на себя и свое творчество. Я и не буду. Но то, что лично мне большинство фантастических опусов читать скучно, увы, правда.

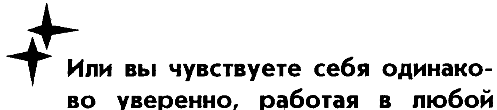
– Как вы относитесь к имперским мотивам в современной литературе?

– Положительно. Как член литературно-философской группы «Бастион» я и не могу ответить иначе. Считаю, что только сильное, крепкое и богатое государство может вывести на высокий уровень все виды искусства, в том числе и литературу. Вспомните Францию времен Людовика Четырнадцатого. Без личной королевской поддержки не расцвели бы ни балет, ни Мольер, ни Расин, ни все дамы-писательницы. К тому же я полагаю, что существует нечто вроде эгрегора государства. Это мистическое не-пойми-что создается общими усилиями населения, в том числе и писателей. Упражняясь в жанре антиутопии на материале окружающей действительности, они аккуратненько подгрызали эгрегор России со всех сторон. А теперь многие писатели, сами того не ведая, создают новый эгрегор – сильного государства, реальная же страна понемногу подстраивается под этот эгрегор. Так что будем надеяться на лучшее!

– Есть ли у вас какие-то особенные творческие секреты?

– Может, и есть, только они для меня органичны, и я сама их совершенно не замечаю.

– Что предпочитаете писать – романы, повести или рассказы?

Или вы чувствуете себя одинаково уверенно, работая в любой форме?

— Наверное, мой жанр — это повесть и большой рассказ. Впрочем, жизнь еще не кончена.

— Существуют ли проблемы с вдохновением? Оно всегда приходит вовремя, когда нужно? Или не стоит обозначать приход вдохновения термином «вовремя»?

— Не всегда — вот недавно маялась, придумывая сюжет детективно-фантастического рассказа. То есть просто из себя его вымучивала. Но вообще я к страдальцам не отношусь. Придет это самое вдохновение — пишу, уйдет — найду чем еще заняться. Видя такое к себе раздолбайское отношение, мое вдохновение особо не кочевряжится и практически всегда готово к услугам.

— Если можно, несколько слов о ваших родителях.

— Происхожу из семьи служащих, где книги любили, но в литературе почти не разбирались. В результате дом был полон хороших книг; прочитали их старшие или нет — неизвестно, но я в них копалась без всяких ограничений. Батька заложил основы моего мужского воспитания: в три года я лучше стреляла, чем говорила. Он же приучил к лошадям. Женского воспитания почти не получила, что по сей день и расхлебываю.

— За встречи с какими людьми вы благодарны судьбе?

— С Михаилом Пуховым, царствие ему небесное. С Михайловым, с Исаровой. С Берковой.

А если за пределами фэндома, то был такой человек, ныне покойный, которого звали Ингарт Бюрман, и он сейчас был бы мной доволен. А вызвать одобрение у бывшего военного разведчика — это не кот начихал. Если бы Ингарт прожил подольше, я бы не наделала многих глупостей, но тут уж нам обоим не повезло... И был другой человек, тоже ныне покойный... Как видите, у меня уже собирается персональное маленькое кладбище.

— Далия, каких мужчин вы любите?

— Блондинов, чуть выше среднего роста, желательно с темными глазами и загорелых, спортивных, но не накачанных.

— Что сейчас читаете?

— Прекрасный роман Елены Съяновой «Плачь, Маргарита». Словами не передать — это настоящая литература, после которой собратья по жанру кажутся какими-то двухмерными. Вообще же читаю больше историческую литературу, особенно узкоспециальную — меня хлебом не корми, дай только статью о контрабанде табака в середине семнадцатого века!

— Как предпочитаете отдыхать от литературных трудов? Отдыхаете ли вообще?

— Вернулась в тренажерный зал. Люблю поваляться с детективом и пообщаться со своей кош-

кой Фортуной. Люблю вязать. Недавно вот настоящую шляпу связала, с полями. Люблю просто потрепаться с подружками. А вообще отдыха не густо: я же занимаюсь для прокорма журналистикой. Публикуюсь в основном в Латвии, недавно стала собкором по странам Балтии израильской русскоязычной газеты «Вести».

— Каковы ваши музыкальные предпочтения?

– Доисторические! Люблю балетную музыку девятнадцатого века, русские романсы и, не поверите, Свиридова, Баснера и Хренникова. Большинство современной музыкальной продукции, на мой взгляд, совершеннейшая тупость, ни для души, ни для тела, а вообще непонятно для чего. Я про музыку, а не про тексты.

— Традиционный вопрос: над чем сейчас работаете?

– Написала повесть «Рог Роланда», потом – пьесу «Ксения» и сразу же взялась за свой сериал мини-детективов из жизни деловых женщин. Я попыталась изобразить психологию женщины, для которой на первом плане деньги, получилось смешно и грустно. А вы бы лучше спросили: над чем я недавно работала? И я бы ответила: над диссертацией. Мой воспитанник заканчивал магистратуру и запутался с дипломной работой. Пришлось все бросить и прийти на выручку. Вот сейчас недельку отдохну – и сяду дописывать цирковые детективы.

Беседовал
Владимир Ларионов

Рецензии

Люди не ангелы

Галина М. Прощай, мой ангел: Повести. – М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2002. – 304 с. – (Звездный лабиринт. Библиотека фантастики «Сталкера»). 7000 экз. (о) ISBN 5-17-014318-4

Московская фантастка Мария Галина успешно работает в разных областях литературы: она известна как публицист, критик, переводчик, поэт и прозаик. Но прозаических текстов из-под ее пера выходит все больше и больше. Вот и очередной авторский сборник с двумя повестями подоспел.

В повести «Прощай, мой ангел» описывается Земля, на которой задолго до появления людей утвердилась цивилизация грандов, или мажоров (от латинских слов «grandis» – «большой, важный» – и «major» – «старший,

большийǃ»). Гранды произошли от древнеавстралийских шестиплавниковых рыб. Обзаведясь в ходе эволюции подобием крыльев, они и дальше бы жили в уютной Австралии, но губительная пандемия, выкосившая почти всю популяцию, заставила их искать убежища на других континентах. Намного более развитые в техническом отношении, мажоры легко прижали примитивное человечество к ногтю... Действие повести происходит во времена, примерно соответствующие нашим дням, в столице Евразийского союза – городе Киеве. Людей в этом государстве держат под неусыпным контролем, искусственно сдерживается увеличение их численности, практически запрещены антибиотики (на мажоров пенициллин действует как наркотик), индивидуумы с низким ИТ (индексом толерантности) лишены возможности сделать карьеру. Все это ведет к гибельному противостоянию двух разумных рас и катастрофическому революционному взрыву. Ради объективности хочу отметить, что для части человеческого населения Евразийского союза гранды не только начальники-хозяева, но и кто-то вроде старших братьев, ангелов-хранителей. Тем паче что у них и в самом деле есть крылья... Автор очень достоверно (М.Галина в прошлом биолог) рассказывает о происхождении и анатомии мажоров, ярко описывает драматичные взаимоотношения главных героев – человека Олеся Воропаева и молодого гранда Себастиана, убедительно конструирует историю сосуществования и трагического конфликта мажоров и людей – конфликта, в котором обе стороны по-своему правы...

Персонажи второй повести («Экспедиция») живут в государстве с полностью разрушенной экономикой. Обнищавшие, отчаявшиеся люди готовы на все, лишь бы как-то поправить свое жалкое положение. Группа горожан, завербовавшись курьерами в некий таинственный Комитет спасения, отправляется в опасное путешествие по стране, распавшейся на воюющие между собой военные округа. Повествование ведется от лица журналистки Риты. Это обычная женщина: не слишком красива, в меру умна, в меру осторожна, но именно ей в этой экспедиции придется принимать самые трудные и ответственные решения. Повесть чем-то напомнила мне «Гадких лебедей» Стругацких – то ли холодным дождем на последних страницах, то ли неким лепрозорием для избранных, в который загадочные «Комитеты» свозят «нужных» людей определенного склада, чтобы с их помощью строить новое будущее.

Отличный литературный язык, глубокое проникновение в психологию героев выделяют сборник Марии Галиной на общем фоне. В повестях

ощутимо присутствует вера героев в чудо, надежда на то, что придет кто-то очень добрый, сильный, понимающий, и всех спасет, и все устроит, и сделает всех счастливыми и здоровыми. Конечно, автор понимает, что надежды эти беспочвенны, но... А вдруг и вправду кто-нибудь придет?

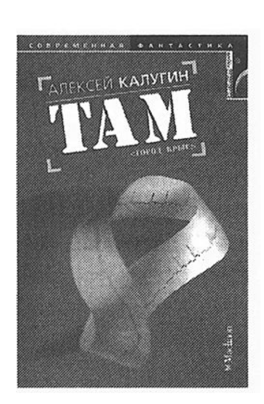
Владимир Ларионов

Побег с прокрустова ложа

Калугин А. Там (Город крыс): Роман. – М.: Махаон, 2003. – 352 с. – (Зеленая луна). 10 000 экз. (п) ISBN 5-88215-822-2

Тянет все-таки наших писателей на антиутопии! То и дело выходят книжки с мрачными прогнозами. У одних авторов политика ухмыльнется тоталитарным оскалом. У других – с экологией что-нибудь случится. А то и вовсе – компьютер возьмет бразды правления в свои руки и совсем затюкает бедное человечество.

Как раз последняя опасность в очередной раз описана в романе Алексея Калугина. Некий Город, управляемый гигантским компьютером (инфором), «закрылся» от окружающего мира во время *«последней войны между городами»*. Теперь ни попасть, ни выбраться из него, что особенно актуально для главного героя Стили Блума, невозможно. Почему актуально? А захотелось ему, видите ли, найти границы Города! Не это бы желание – жил бы комфортной жизнью, сладко спал, вкусно ел, со скуки помирал... И не пришлось бы пускаться в бега от всевидящего инфора, который стремится властвовать над умами (то есть обеспечивать стандартное поведение индивидуумов). Правда, логика преследования подкачала: когда инфору стало ясно, что господин Блум свернул не на ту дорожку, он тут же оказал на него психотронное воздействие, и скрутило нашего героя там, где стоял, шагу ступить не мог... А потом инфор почему-то ограничивался обычной слежкой. Поглупел, что ли? Или заклинило? Машина все-таки.

Началось же все с традиционного для НФ сомнения: а есть ли на самом деле тот мир, в котором я живу? Может, он «кажется», а на самом деле все не так? Прожив 33 года, задумался писатель Блум, существует ли друг-психокорректор, которому он рассказывает свои сны (общаются они только посредством инфора). И насколько реальны встречи в виртуальном

пространстве, где на большой вечеринке каждый может съесть лишь то, что положил на собственный компьютерный столик перед тем, как «пойти в гости» (то есть набрать на клавиатуре нужный адрес). Что вообще реально в мире, в котором даже пластиковая посуда кажется старинным фарфором, если предварительно прицепить к ней «имитаторы»? Ответ «пластиковая посуда» напрашивается сам собой – в соответствии с ним и начинает действовать писатель Блум, возвращаясь «назад к вещам». Снимает имитаторы со своей одежды и оказывается одет в нечто мешковатое. Выходит на улицу и убеждается, что Город, в котором он живет, есть на самом деле, хотя людей на его улицах и не видно. Все сидят по своим квартирам в домах с роботами-привратниками, и почти никого не посещает желание дойти до ближайшего кафе, где страдает в многолетнем одиночестве робот-официант.

Первичное сомнение разрешилось, но вопрос о границах Города продолжает занимать Стили Блума. И он всячески пытается их найти. Увы, свобода мысли в этом мире не приветствуется. Недаром ведь антиутопия – законы жанра соблюдены. Вот и живут граждане под колпаком: стоит кому подумать что-то не то и сдуру признаться в этом своему врачу – тут же отправят на *«интенсивную психокоррекцию»*, чтобы изъять ненужные мысли. Снова не то подумал – туда же... Программа у инфора-владыки четкая, железной рукой держит своих подопечных в узде, а тем хоть бы хны. Грустно за людей становится. Совсем деградировали. И сбежать с прокрустова ложа удается немногим. Да и удается ли?

Августа Косарева

На закате

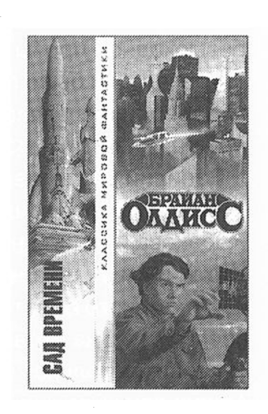
Олдисс Б. Сад времени: Романы. – М.: АСТ, 2003. – 592 с. – (Классика мировой фантастики). 7000 экз. (п) ISBN 5-17-016630-3

Пророки обожают предсказывать грядущий Конец Света: это у них профессиональное. Во второй половине XX века эстафету у старших товарищей с готовностью приняли футурологи всех мастей. Гибель человечества вследствие демографического взрыва – один из наиболее популярных сценариев, разрабатываемых этими наследниками Якова Брюса и Нострадамуса. Согласно их выкладкам, неминуемое перенаселение должно привести к истощению природных ресурсов, порче генофонда, многочисленным эпидемиям, голоду – и так далее, и тому подобное. В шестидесятые футурологи предсказывали, что нам не дожить до 1980 года, в семидесятые – что до 1990-го, в восьмидесятые – что до

2000-го... На эту приманку клюнули многие талантливые писатели-фантасты – от Джона Браннера до Станислава Лема. Многие, но не все: в романе «Седая борода», впервые опубликованном на русском языке в данном сборнике (там же переизданы романы «Градгродд» и «Сад времени», но о них мы сейчас говорить не будем), классик британской «новой волны» Брайан Олдисс решил пойти от обратного. Безответственные эксперименты ученых приводят к тому, что все высшие животные на нашей планете разом утрачивают способность к размножению. Не минует печальная судьба и вид homo sapiens: дети перестают появляться на свет по всему земному шару, а если и появляются, то с чудовищными мутациями и отклонениями в развитии.

Олдиссу удалось нарисовать одну из самых страшных антиутопий, какие только способно создать наше воображение. Медленное, но неуклонное вымирание человечества буквально «от комариного чиха» – это не менее страшно, чем ядерная зима, глобальная экологическая катастрофа или тоталитарная диктатура всепланетного масштаба. На глазах у читателей Земля превращается в один громадный дом престарелых. Время от времени тут еще вспыхивают войны, возникают диктатуры, но все это агония, рефлекторное трепыхание. Ветшает инфраструктура, рушатся города, выходят из строя механизмы... Мрак. Безнадега. Экзистенциальный ужас... Осознав всю серьезность положения, многие персонажи сами сводят счеты с жизнью: люди утратили чувство перспективы, исчезла цель. Ради чего созидать – строить дома, писать поэмы, создавать финансовые империи, – если некому будет все это унаследовать? Продолжать осмысленную деятельность могут только неисправимые оптимисты либо маргиналы: безумцы, фанатичные поклонники религиозных культов, законченные эгоисты... Человечество, так и не сумевшее (не успевшее?) уничтожить себя в войнах и отравить промышленными отходами, встречает свой закат в старческом маразме, пуская слюни и шамкая беззубым ртом.

Под конец, правда, Олдисс сжалился над своими героями и позволил блеснуть лучику надежды. Другой вопрос, насколько убедительно звучит этот намек на возможность хэппи-энда. По-моему, притянуто за уши. Но, несмотря на это, писатель блестяще доказал, что возможности антиутопии как жанра далеко не исчерпаны, а количество опасностей, подстерегающих человечество за каждым углом, столь велико, что и вечности не хватит, чтобы перебрать их все.

Василий Владимирский

Лучший из миров

Щепетнев В. Темные зеркала: Сб. – М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2002. – 352 с. – (Звездный лабиринт. Библиотека фантастики «Сталкера»). 6000 экз. (п) ISBN 5-17-014317-6

Эта книга могла появиться еще в середине 90-х: большая часть вошедших в нее произведений к тому времени была уже написана. Как подсказывает биографическая справка в конце тома, Василий Щепетнев публикуется в журналах и сборниках с 1991 года. Автор, мягко говоря, зрелый: лауреат двух «Бронзовых Улиток», финалист АБС-премии... Среди писателей, чей книжный дебют пришелся на последние пять лет, Щепетнев, пожалуй, самый умелый стилист. И в то же время настолько мрачной, настолько безысходной прозы в нашей маленькой жанровой резервации я давно не встречал. Так было принято писать в перестроечные годы, когда авторы наперебой щеголяли жутковатой, если вдуматься, цитатой из Чехова: *«Мы не врачи, мы боль»*.

Василий Щепетнев – специалист по альтернативно-исторической фантастике: его вещи ставят рядом с «Гравилетом “Цесаревич”» Вячеслава Рыбакова и «Иным небом» Андрея Лазарчука. Но какой бы альтернативный вариант ни реализовался в произведениях воронежского писателя, России (а соответственно, и всему миру) на страницах его повестей и романов становится только хуже. Что было бы, если бы Петр Аркадьевич Столыпин, крепкий государственник, последовательно противостоявший революционной угрозе, не погиб от руки террориста в 1911 году? Тишь, гладь и благорастворение воздухов? Фигушки вам! Государственный террор, всеобщее запустение, затянувшаяся на десятилетия Первая мировая война и оружие массового поражения, пущенное в ход уже в тридцатых годах XX века (роман «Седьмая часть тьмы»). Что было бы, если бы во время оно вместо радиотранслятора – прибора для передачи радиоволн на расстояние – был изобретен нуль-транспортировщик – прибор для передачи на расстояние материи? Товарное изобилие, отсутствие транспортных проблем, свобода, равенство и братство? Ничего подобного: тоталитарный режим, не уступающий по жестокости сталинскому, и концлагеря на планетах Солнечной системы (повесть «Марс, 1939 г.»). Щепетнев последовательно – и со смаком – разрушает иллюзорную *«Россию, которую мы потеряли»*.

Даже мир, построенный по лекалам ранних Стругацких, держится у него на плечах «разведчиков»-политзаключенных (рассказ «Из глубины»).

Словом, никаких лазеек даже для весьма умеренных оптимистов. Этюд в темных тонах: хуже быть могло, лучше – никогда и ни при каких обстоятельствах. Автор в своем праве, конечно, но... Честно признаюсь, меня проза Щепетнева приводит в некоторую растерянность. Написаны «Темные зеркала», безусловно, мастерски: вкусно, образно, психологически достоверно. Однако писатель допустил фатальную ошибку. Выставляя наш мир со всей его кровью и грязью, чудовищными преступлениями и вероломными предательствами лучшим из возможных, Щепетнев убивает надежду. А этого читатели никогда ему не простят.

Анатолий Гусев

Волшебник на доверии

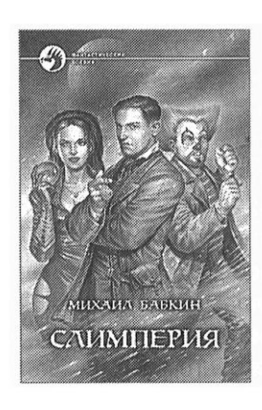
Бабкин М. Слимперия: Роман. – М.: Альфа-книга, 2002. – 347 с. – (Фантастический боевик). 20 000 экз. (п) ISBN 5-93556-229-4

Когда заводишь речь об издательстве «Альфа-книга», собеседники вздрагивают подобно новозаветному персонажу, вопрошавшему: *«Что может быть хорошего из Галилеи?»* Однако ж мировая история уже две тысячи лет развивается в направлении, предопределенном Тем, Кто Вышел Из Галилеи. Так что не будем обобщать: и в издательстве «Альфа-книга» могут выходить порядочные книги, и даже в серии «Фантастический боевик».

Правда, сколько я ни гадала, все же не смогла понять, почему книги Михаила Бабкина отнесены к жанру боевика, да еще и фантастического. Роман «Слимперия», завершающий трилогию, начатую книгами «Слимп» и «Слимпер», скорее относится к жанру фантасмагории. Перед нами не что иное, как сказка нового времени – времени, в котором каждый играл если не в «Doom», то в «Цивилизацию», бродил по аркадам, разгадывал квесты или уничтожал Diablo. Это сказка эпохи развитого кинематографа, где наибольший зрительский интерес вызывают боевики типа «Lethal Weapon»: два героя-напарника, черный и белый, искореняют преступность – всюду, куда дотягивается рука справедливого и демократического американского правосудия. Наконец, это сказка эпохи, производящей пересмотр научной парадигмы прошлого столетия и всерьез рассуждающей на тему: каким должен быть прогресс нового века, если технологический путь развития цивилизации со всей очевидностью обозначил свою предельность и погибельность?

Герой трилогии – простой русский парень Семен – волей случая и в силу собственной безбашенности оказывается в ином мире. Однажды Семен под пьяную руку читает вслух заклинание, напечатанное в самой обычной газете, однако с целями самыми необычными: объявляется набор школяров на магические курсы. Да вот незадача, вместо «Магического Двора» Семен читает «Магический Вор» и... оказывается на Вселенском диске, в магически запертом хранилище, где десятый год томится Магический Вор – волшебный медальон, верный спутник человека, ступившего на путь греха и порока. Ясно, что с таким напарником Семен скоро выбирается из узилища – *«на волю, в пампасы»*, где ждут его разнообразные и многочисленные приключения. При этом выясняется, что Семен нечувствителен к иномирной магии (вспоминаются сэр Макс в городе Ехо и лорд Сварог в мире ларов), сам же он видит ее и может на нее воздействовать – так, запертую страшным охранительным заклятьем дверь он открывает, попросту отдирая черные полоски запретов.

Уже в первом романе все составляющие коктейля под названием «Михаил Бабкин» были очевидны: герой и его говорливый магический помощник, намолчавшийся за десять лет вынужденного заключения, на пару путешествуют по разным частям Вселенского диска, набираясь мастерства и приобретая заслуги (в романах всего понемногу – чуть от аркады, чуть от ролевой игры, чуть от квеста); действие происходит в иномирье, куда герой переносится на время совершения подвигов, причем герой этот, по сути, удачливый Иван-дурак (национальная традиция русской сказки); персонажи сталкиваются с Чужими (куда же без Чужих, если книги позиционируются как «фантастические»?).

Что же отличает Михаила Бабкина от прочих авторов всеядного издательства? Во-первых, поистине неистощимая фантазия – кто-нибудь другой из одного только эпизода приключений Семена сделал бы роман. Во-вторых, грамотный русский язык, что в эпоху русского «переводного» не может не радовать. В-третьих, юмористический взгляд на вещи: автор не грузит читателя своими проблемами, но честно отрабатывает каждую купленную книжку – смешит читателя и утешает его в многотрудной жизни.

...Ах да, я совершенно забыла про сюжет!

Сюжет книги «Слимперия» прост: Семен вкупе с напарником, другом Хайком и грядущей любимой женщиной Олией (воровкой на доверии) спасают Вселенский диск. Всего лишь.

Маша Звездецкая

Дмитрий Володихин

РЫБКА НА ОТМЕЛЯХ МРАКА

Среди наших фантастов последнего десятилетия не так уж мало христиан, в том числе таких, которые хотели бы публично высказываться о своей вере и связанной с ней размышлениях. Иными словами, христианство, чем дальше, тем сильнее, входит в плоть фантастической литературы. Уместно ли это? Нужно ли это? По этому поводу уже завязывается дискуссия.

Для меня самого этот вопрос встал остро совсем недавно. В частности, после того, как я прочел роман Виталия Каплана «Круги в пустоте» (М.: АСТ, 2002). В этой книге хватает батальных сцен, путешествий по параллельным мирам («кругам») и детективных конструкций. Но гораздо важнее противостояние двух разновидностей этики, пронизывающее роман от первой до последней страницы. Юная христианская этика против эзотерической, освященной древней традицией (точнее, антитрадицией), красивой и донельзя безжалостной. Динамика романа – прежде всего динамика душ. Метаморфозы, происходящие с личностями главных героев, на порядок значительнее для понимания книги, чем сюжетные перипетии. По ходу дела Каплану приходится влезать в очень тонкие вопросы христианского мировидения.

В 90-х годах христианство в России вздохнуло полной грудью. Количество неофитов необыкновенно умножилось, и церковное просвещение явно не успевает за этим ростом. У девяти из десяти российских православных в голове по поводу собственного вероисповедания – каша. Причем у каждого со своей приправой. У кого-то перчик суеверий от бабулек из местной церковной двадцатки. У кого-то клюквенный соус белибердяевщины. У кого-то, очень просвещенного, изысканные специи собственной высокоумной гордыни... У меня самого – каша. И у Каплана без каши тоже не обошлось. То в параллельном мире («магическом круге») вместо священников у него появляются какие-то по-

лумаги-«посвященные». То материальные символы веры в Бога Единого – маленькие рыбки из красного дерева (вместо наших крестов) – обретают роль антимагических амулетов. То ясная заповедь «не убий» размывается до «не сотвори напрасного убийства» и вроде на поле боя, когда стенка на стенку, зарезать кого-нибудь – не грех...

Да, все мы, кто верует, способны, разговаривая на религиозные темы, плодить в наших романах и рассказах новые ереси. Такие ма-аленькие. Можно сказать, ересюшки. И, забредая на территорию заповедей и догматов, мы все – и Каплан, и я, и любой другой писатель-христианин – рискуем спасением души. Это очень серьезно. Кто знает, сколько стоит словесная ошибка, если речь идет о Священном Писании?

Так что же лучше – молчать или умствовать?

Ах, если бы мы были святыми, если бы нам дана была чистая вера без сомнений и раздумий! Но при крещении душам дается шанс, всего лишь шанс, а не рай небесный, и тем, кто не свят, предстоит долгий, сложный, иногда мучительный путь совершенствования собственной души. И, может быть, в конце концов ничего не получится. Мы ничего не знаем про себя! И мы размышляем, мы спорим, мы ищем собеседников, мы хотим поделиться нашими мыслями и нашим опытом – быть может, неверным – с другими людьми. И я хочу попросить у читателей... да у любых судей милосердия для тех, кто пишет, забираясь на рискованную территорию. Если бы Он был справедлив в человеческом значении этого слова, жариться бы нам всем на адских сковородах! Но Он полон любви к нам, может быть, он простит наши ошибки...

Каплан, возможно, в чем-то прав, а в чем-то ошибается. На протяжении всей книги он разбирается с вечными вопросами, а там нет категорических «да» и «нет». Но роман Виталия Каплана полон искреннего христианского чувства, и это заставляет поставить его в этическом смысле весьма высоко. Книга содержит призыв к любви, взаимному прощению обид, доброте. Автору ненавистно кровопролитие. Все персонажи, помимо единственного богоборца, утратившего все светлое, что может быть присуще человеку, имеют надежду на прощение содеянного ими зла, помощь и любовь Бога...

Мне приходилось немало говорить и писать о сакральной фантастике – особом жанре фантастической литературы. Полагаю, книгу Каплана следует отнести к этому жанру самым прямым образом. Впрочем, не в классификации дело. Возвращаясь к вопросу, заданному в начале, я хочу сказать вот что: по-моему, христианство в современной фантастике и уместно, и нужно. А книги Е.Хаецкой, О.Елисеевой, В.Каплана и других людей, принадлежащих к фаворскому мироощущению, показывают, насколько ярко и убедительно может оно быть представлено.

Магия слова

Владимир и Юлия
Обручевы

КЛОНЫ ПРОФЕССОРА

Перед вами — очередной обзор переводных книг в жанре фэнтези. Он охватывает вторую половину 2002 года. За этот период вышло немало новинок. Каждую неделю появлялось как минимум два издания, способных привлечь внимание поклонников фэнтезийного жанра. Издатели верны своему принципу: «Давайте печатать много книг — и пусть читатель захлебнется». Он и захлебывается. Но мы постараемся помочь ему выплыть.

Старые воины

Джек Вэнс «Умирающая Земля». Одна из лучших книг фэнтези, изданных за последнее время. В нее вошли четыре романа, написанные с 1950-го по 1984 год. Признанный мастер фантастики Джек Вэнс сочинил прекрасную сагу о том времени, когда до угасания нашего Солнца останется немногим более пятидесяти лет и магию уже нельзя будет отличить от технологий – все причудливо перемешается в этом мире, все станет источником чудес. Эту книгу следует прочесть обязательно.

Пол и Карен Андерсон «Девять королев». Это первый том тетралогии «Короли Иса», которая относится к поджанру «альтернативной фэнтези» и повествует о временах поздней Римской империи. На самой оконечности полуострова Бретань расположен город Ис, подчиняющийся

власти девяти королев. Сюда прислан римский отряд, который должен добиться нейтралитета этого города... Произведение служит еще одной иллюстрацией того, что признанный мастер НФ Пол Андерсон время от времени писал и отменные фэнтезийные романы.

Андрэ Нортон «Руки Лиры». Небольшой роман от «бабушки фантастики». Как говорится, старая добрая фэнтези без особых изысков. Сюжет хорошо продуман, одно событие логично перетекает в другое. Чем все закончится, становится понятно уже на 20-й странице. Однако неудачным это произведение назвать нельзя: вещь написана качественно. И хотя перечитывать ее вряд ли захочется, она оставляет после себя приятное впечатление. Возможно, дело в отсутствии столь привычных для жанра рек крови и сцен насилия, а может, секрет кроется в непоколебимой уверенности автора в обязательной победе добра над злом, причем не военными методами.

Терри Пратчетт «К оружию! К оружию!», «Роковая музыка», «Эрик». Три книги из цикла о Плоском Мире. В первой мы снова столкнемся с Ночной Стражей Анк-Морпорка, которая будет разыскивать серийного убийцу, обладающего единственным в этом мире ружьем. Герои второго романа – рок-музыканты, отправившиеся покорять Анк-Морпорк и его окрестности, каковая авантюра не могла обойтись без участия Смерти. Третья книга – сборник, в который вошли роман «Эрик» (о малолетнем демонологе) и три рассказа – о Ночной Страже, ведьмах и Коэне-варваре. Все перечисленные произведения отличаются отменным юмором и неистощимой фантазией автора, а значит, будут с удовольствием приняты читателями.

Лоис Макмастер Буджолд «Проклятие Шалиона». Крепкий роман, написанный рукой мастера. Герой возвращается домой после участия в войне и пребывания в рабстве, и ему – неожиданно для самого себя – приходится участвовать в интригах, разворачивающихся вокруг королевского престола. Все, естественно, закончится хорошо, правда, герою придется два раза умереть. Это произведение доказывает, что, слава Богу, Буджолд умеет писать не только бессчетные романы про Майлза Форкосигана.

Тим Пауэрс «Черным по черному». Один из первых романов писателя. Это своего рода историческая фэнтези: осада Вены в начале XVI века является как бы отзвуком борьбы между Светом и Тьмой, между Востоком и Западом. Стареющий наемник призван Мерлином, чтобы за-

щитить жизнь таинственного повелителя Западной Европы. В книге очень много места уделяется эмоциональным переживаниям, что делает роман еще интереснее. Хотя эта вещь и не похожа на более известные произведения Пауэрса в жанре фэнтези – «Врата Анубиса» и «На странных волнах», – она весьма любопытна.

Дэвид Геммел «Рыцари Черного Леса». Внесерийный роман, относящийся к раннему периоду творчества Геммела. Центральный персонаж – рыцарь, из-за болезни не сумевший уйти из своего мира в другой, как поступили его товарищи. Теперь он оказывается перед выбором – покориться наступающей Тьме или отправиться вслед за собратьями, не догадываясь, какой его поджидает сюрприз... Отличный роман, тем более хорошо, что у него нет продолжения.

А.А.Аттанасио «Пожиратель Тени», «Октоберленд». Этот писатель более известен на Западе по циклам «Радикс» и «Артор». Нашему вниманию предложены романы, которые были написаны под псевдонимом. Автор словно бы опасался того, что по своему качеству они не будут соответствовать его более успешным книгам. К сожалению, так и получилось. Романы довольно тяжеловесны, да и фабула оставляет желать лучшего. По своим идеям они слегка перекликаются с книгами Муркока и Желязны, значительно им уступая. Результат оказался посредственным, а жаль. Почему-то для знакомства с этим интересным писателем издатели выбрали далеко не лучшие его тексты.

Майкл Муркок, Сторм Константайн «Серебряное сердце». Книга признанного классика жанра и более молодой писательницы заметно отличается от того, к чему мы все привыкли, – от бесконечной саги о Вечном Воителе. Читатели оказываются в загадочном городе Карадур-Шрилтаси, которым правят лорды металла. Город находится в упадке, но главному герою удастся спасти его и возвратить былое величие. Местами книга заметно напоминает роман Майкла Суэнвика «Дочь железного дракона». Здесь тоже можно найти элементы как фэнтези, так и киберпанка. В целом, произведение прекрасно написано и держит в напряжении до самых последних страниц.

Дэвид Эддингс «Вор и Книга Демона». Отдельный и вместе с тем монументальный труд. Размеры этого произведения и биография его автора вызывают опасение, что у книги, не дай Бог, есть продолжение. К счастью, это не так. Сюжет следующий: в разборки между доброй богиней и ее злым братом втянуты люди – вор, воин, королева, священ-

ник, молодой парень и колдунья. Некоторое количество морализаторства идет книге на пользу – возникает ощущение, что автор не зря ест свой хлеб. Правда, чересчур много внимания уделяет он проблемам сексуального воспитания молодежи. Это раздражает. Резюме: роман интересен, но несколько затянут, урезать бы страниц на сто – он бы от этого только выиграл. Да и перевод подкачал: ну, не бывает в средневековье ни шоссе, ни вагонов – есть лишь дороги и повозки.

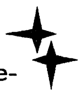
Томас Барнет Сван «Зеленый феникс». Сборник повестей и рассказов классика мировой фантастики оставляет на редкость приятное впечатление. Это – часть цикла по мотивам истории Древней Греции и Древнего Рима. Действие происходит вроде и в нашем мире, но в мире, показанном через призму волшебства. Боги и легендарные герои здесь такая же реальность, как и обычные люди. Простой мореход может без труда найти волшебницу Кирку (Цирцею), а на уединенном острове, если быть осторожным, путешественника ждет встреча с Фениксом.

Произведения Свана заметно выбиваются из общего ряда: у них хороший язык, спокойное развитие сюжета, легкий юмор. А главное, в них отсутствует набившая уже изрядную оскомину «борьба сил добра с силами разума».

Молодые львы

Ян Ирвин «Тень в зеркале». Довольно экзотический для нас образец австралийской фэнтези. Произведение позиционируется как одно из самых ярких открытий последнего времени. На самом деле это обычный многотомный сериал, который начинается как бы с середины и не кончается ничем. В данном романе главная героиня, как это обычно и бывает, против своей воли оказывается втянутой в события, затрагивающие судьбу мироздания...

Лиланд Эктон Модезитт «Инженер магии», «Война Гармонии». Третий и четвертый тома саги о Рекласе. Главный герой первого романа – маг-инженер, который умеет совершенствовать паровые корабли с помощью систем высокого давления, а наружную броню усиливать посредством магически улучшенного железа. Во втором произведении имеет место изрядный прогресс в способах ведения войны: на Рекласе появляется боевой лазер. Модезитт – один из немногих молодых авторов, удачно творящих и в жанре фэнтези, и в жанре НФ, поэтому ему неплохо удается совмещать оба этих жанра.

Дэвид Фарланд «Рожденная чародейкой». Третий том цикла «Властители Рун», написанный американским писателем, который опубликовал немало НФ-романов под именем Дэйв Волвертон. Произведение весьма динамично (на 500 страницах описаны события, уместившиеся всего в два дня). Да и весь цикл, на наш взгляд, поинтереснее многих других многотомных саг.

«Мир Молота Войны»: «Молоты Ульрика», «Победитель троллей». Такая литература давно и прочно заняла свою нишу на книжном рынке Запада. Эти художественные произведения написаны по ролевым играм. Они помогают «игроманам» лучше представлять миры, в которых происходит игровое действие, являются своего рода дополнительными источниками информации. Правда, следует заметить, что очень часто подобные книги не имеют особых художественных достоинств. Вот и эти романы не стали исключением, тем более что и перевод так себе.

Крейг Шоу Гарднер «Вирус волшебства». Юмористическая фэнтези о маге Эбензуме. В первом романе («Вирус волшебства») демон «награждает» великого мага самым страшным проклятием: у Эбензума появляется аллергия на магию, и он должен отправиться в далекое путешествие на поиски лекарства. Во втором романе («Сговор монстров») демон продолжает мешать магу достичь цели своего путешествия. Очень неплохие произведения, и уровень юмора в них достаточно высок — местами Гарднер практически не уступает Пратчетту.

Дэвид Коу «Сыны Амарида». Дебютная книга одного из самых интересных авторов, появившихся на небосклоне фэнтези за последнее время. У Коу волшебники, объединенные в орден, помогают прочим жителям вымышленной страны. Внезапно приходит беда: некто начинает нападать на деревни, стараясь оставить такие следы, чтобы все были убеждены: это именно маги несут по стране смерть и разрушение. Последним нужно как можно быстрее выяснить, кто же стоит за всем этим, и вернуть спокойствие... Книга является прекрасным образцом своего жанра.

Дэниел Худ «Дракон Фануил», «Наследник волшебника». Эти два романа — начало длинного сериала. Неплохой образчик детективной фантастики, напоминающий книги Глена Кука о Гаррете. Но, в отличие от них, юмора здесь немного. Все предельно серьезно: вовремя не решенная проблема может стать началом конца для всего мира.

В первой книге центральный персонаж, стремясь снять с себя обвинение в убийстве чародея, берется за расследование этого самого убийства. И, естественно, побеждает. Второй роман начинается с того, что его обворовывают. А затем банальная кража приобретает зловещий окрас: в дело вмешиваются боги...

Наследники Толкина

Стэн Николс «Хранители молнии», «Легион Грома». Первые части очередной трилогии по мотивам творчества Толкина. Здесь все поставлено с ног на голову, белое названо черным. Но и это не спасает Николса. Язык у книг посредственный, а фантазия автора не распространяется дальше банального и предсказуемого хода: давайте орков сделаем хорошими, а эльфов, гномов и людей – плохими. И даже обилие батальных сцен вкупе с их удивительной натуралистичностью не скрашивают общего впечатления.

Гельмут Пеш «Кольца Всевластья». Еще один опус, написанный по мотивам «Властелина Колец». Первоначально увидел свет в Германии. Вторичен на все 100 процентов. Абсолютно неинтересные герои, практически полностью позаимствованные сюжетные ходы, мир, до боли напоминающий Средиземье. Издатели надеялись, что этот роман будет интересен. Напрасно.

«Завет Кольца». Достаточно необычная для нашего рынка книга – антология в жанре фэнтези. Тринадцать рассказов немецких авторов, в той или иной степени подражающих Толкину, – интересное чтение для всех, кому дорого творчество Профессора и его последователей. Впрочем, лишь несколько рассказов, на наш взгляд, действительно заслуживают внимания читателей.

Деннис Маккирнан «Железная башня», «Серебряный Зов». Про первое из этих произведений лучше всего написано в «Энциклопедии фэнтези» под редакцией Джона Клюта: *«Это бессовестное подражание Дж. Р.Р. Толкину»*. И правда. Автор берет у Профессора все, вплоть до прямого переписывания отдельных сцен. Если вы – фанат творчества Толкина, а его подражатели радуют вас тем, что вы снова можете попасть в полюбившийся мир, то, безусловно, эта книга – для вас. Остальным же она покажется абсолютно вторичной. Вторая книга немногим более интересна.

Ужас с женским лицом

Лорел Гамильтон «Жертва всесожжения». Очередной роман из серии «Анита Блейк». Многие поклонники этого сериала ждали его с нетерпением и, в общем-то, остались довольны. Писательнице по-прежнему не изменяет чувство здоровой иронии. Стремительно развивающийся сюжет постоянно держит в напряжении... Правда, есть одно «но»: главная героиня все больше напоминает «супермена» — из тех, что и в воде не горят, и в огне не тонут. Под конец становится непонятно, зачем там вообще существуют другие персонажи, кроме Аниты и злодеев.

Кэтрин Куртц, Дебора Харрис «Ложа Рыси», «Сокровища тамплиеров». Сиквелы выходившего ранее романа «Адепт». Вопреки сложившемуся мнению, что продолжение всегда хуже, первая из этих книг если и не лучше, то, как минимум, на уровне предыдущей. Ее действие разворачивается на просторах Шотландии, а в центре сюжета оказываются кровавые убийства видных членов масонских лож. Детектив переплетается с фантастикой, реальные исторические события приобретают совершенно новый смысл и мистическую окраску. В романе «Сокровища тамплиеров» мировое спокойствие оказалось под угрозой из-за амбиций одного-единственного человека. В одной из прошлых жизней он принял активное участие в падении ордена тамплиеров. Спустя столетия «злой гений» рыцарей вновь выходит на тропу войны...

Энн Райс «Королева Проклятых», «История похитителя тел», «Пандора». Сразу три романа от автора знаменитых вампирских хроник. Одна книга продолжает другую. Наверное, основное достоинство этих вещей в том, что их суммарный объем не превышает 1000 страниц. Надо ведь очень не любить своих героев, чтобы сделать их настолько, мягко говоря, неумными. Даже понимая, что их обманывают, используют, они продолжают лезть напролом. А ведь предполагается, что перед нами существа, прожившие не одну сотню лет!

Что мы имеем в итоге? На волне всеобщего интереса к «Властелину Колец», особенно в свете премьеры второй части фильма, издатели тоже подсуетились и выпустили некоторое количество произведений «наследников» Профессора. С точки зрения продаж, наверное, все в порядке. С точки зрения литературы — провал. Все-таки хочется, чтобы было больше романов хороших, а не тех, при чтении которых возникает желание выкинуть книгу подальше и пойти пивка попить.

СТРЕЛЬБА В ЧЕТЫРЕ РУКИ

«Как вы пишете вдвоем?» – такой вопрос традиционно задавали супругам Голон и Дяченко, братьям Гонкур и Стругацким, а также Ильфу с Петровым, Емцеву с Парновым, Генри Лайону с Олди и всем остальным, кто пожелал разделить ответственность за одинокое писательское ремесло с братом-женой-мужем-сыном-племянником-другом-собутыльником. Упомянутый выше вопрос с годами возникает все чаще, поскольку количество граждан, впрягающихся в ярмо «коллективного подряда», неуклонно возрастает. Причем, согласно статистике, именно в жанре фантастики (и генетически близком ему жанре технотриллера) подобных тандемов наблюдается больше, чем где-либо.

О фантастах – в основном – мы сегодня и потолкуем. Интересно, что вопрошающих, как правило, занимает сама технология парного катания авторов (кто именно диктует и кто фиксирует на бумаге? кто имеет право вето и кто ставит последнюю точку? кто сторожит рукописи и кто бегает по редакциям? и тому подобное). Куда реже писателям задается вопрос гораздо более важного свойства: **почему**, собственно, они пишут вдвоем? Каковы побудительные мотивы? Да и сами литераторы, рассказывая о процессе сочинительства с явным удовольствием, об истинной подоплеке соавторства редко любят распространяться вслух. Дело-то деликатное. Тандем, он ведь, чаще всего, вынужденное взаимодополнение двух писательствующих субъектов. Кому же охота публично распинаться о том, чего именно и в каком месте ему не хватает, где конкретно ему нужна подпорка и почему без нее нельзя? Особо неразговорчивыми фантасты становятся в тех случаях, когда сквозь полупрозрачную завесу творческого императива грубо просвечивает финансовый профит.

Сузим тему разговора. Выведем за рамки наших теперешних

заметок кровнородственные или супружеские дуэты, надежно проверенные временем (Стругацкий-Стругацкий, Каттнер-Мур и пр.) и те неродственные, которые также доказали с годами свою литературную эффективность (Войскунский-Лукодьянов, Брайдер-Чадович и пр.) А для конъюнктурных или безусловно коммерческих тандемов попробуем сформулировать пять элементарных правил, почти не знающих исключений. Быть может, правила эти уберегут читателей от ненужных трат времени, нервов и денег.

Правило первое. В тех случаях, когда в паре задействованы автор-звезда (имеется в виду не обязательно талант, но обязательно высокие сборы) и автор иного ранга, результат по литературной шкале **всегда** будет ниже, чем если бы то самое произведение написала сама звезда. К примеру, «Талисман» Стивена Кинга и Питера Страуба является, наверное, лучшей вещью Страуба и наверняка худшей – Кинга. «Король Стивен», совершив акт благотворительности по отношению к слабо «раскрученному» автору, одновременно нанес сильный удар по своей репутации. Если же перенестись с американской на российскую территорию, то, допустим, факт издания – а уж тем более массового позднейшего тиражирования! – трилогии Сергея Лукьяненко и Юлия Буркина «Остров Русь» ничего, кроме вреда (ну и гонораров, естественно), Сергею Васильевичу не принес. Фантаст Лукьяненко в пору написания данного опуса не набрал еще нынешнего веса, а его соавтор (да простит нас Юлик!) не способен был его набрать в принципе. Общий итог оказался печальным. Натужно-веселая и откровенно тусовочная вещь двух разноранговых авторов была взвешена на весах читательского внимания и найдена слишком легкой...

Правило второе. В тех случаях, когда на обложке книги автор-звезда соседствует с автором, **абсолютно** неизвестным, можно не сомневаться: звезда тут необходима только как носитель кассового брэнда и степень участия мэтра в литературном проекте варьируется от долей процента до нуля. Соответственно, и качество совместного продукта не идет **ни в какое сравнение** с тем, что изготовил бы мэтр, взявшись реально писать. Когда Джентри Ли, например, подпирает дряхлеющего Кларка в проекте под кодовым названием «Артур моет Раму», их «совместные» романы-кирпичи («Сад Рамы», «Рама явленный» и др.) уже совершенно нечитаемы: там нет даже наукообразной основательности, присущей одному Кларку. Когда Том Клэнси для «Игр власти» берет в соавторы Мартина Гринберга, а для цикла «Оперативный центр» задействует Стива Печеника, читатель смело может не раскошеливаться: якобы-общий

итог оказывается вялым, анемичным, переполненным разжижающей мозги банальщиной.

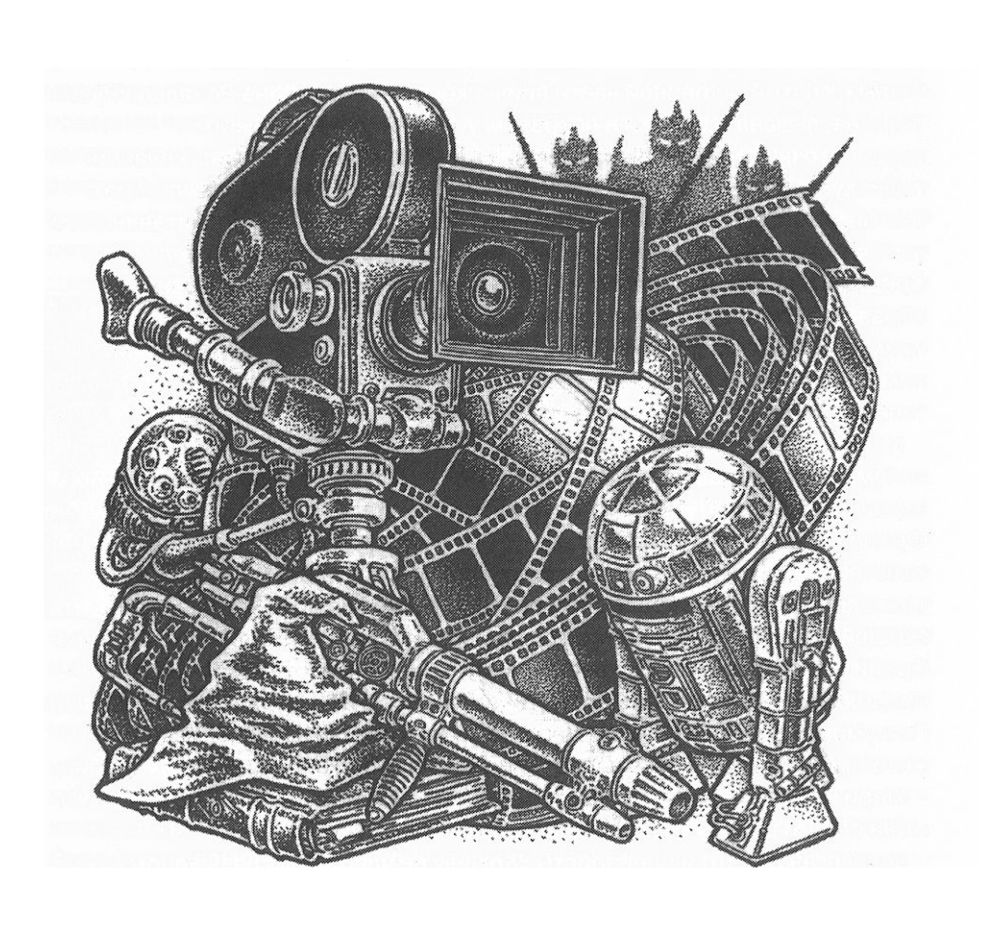
Правило третье. В тех случаях, когда авторами фантастического романа значатся два мэтра, то результат, скорее всего, будет **не в пользу обоих**: как правило, такие тандемы возникают либо если два тяжеловеса решают пошалить, либо если издатели желают привлечь внимание (хоть какое) к сходящим со сцены мастерам. Скажем, произведения вроде «Принеси мне голову прекрасного принца» Шекли-Желязны (само название уже пародийно отсылает к известному фильму Сэма Пекинпа) оказываются даже не постмодернистской шалостью, а просто китчевой шуточкой в весе пера. Кажется, был всего один случай, когда два самодостаточных автора объединили векторы усилий в нужном направлении — так родился своеобразный роман Успенского-Лазарчука «Посмотри в глаза чудовищ». Однако их следующий роман «Гиперборейская чума» доказал, что возможно лишь единичное исключение из правил...

Правило четвертое. В тех случаях, когда надпись на корешке возвещает об уникальном соавторстве забугорной звезды с нашей восходящей, читатель может не сомневаться: **гадость будет первостатейная.** О том, насколько западные мэтры дорожат российскими помощниками, говорить не надо. Достаточно вспомнить, что практичный Гарри Гаррисон, разрешивший — за малую зеленую денежку — трудолюбивому Анту Скаландису пририсовать еще несколько приключений своему Язону ДинАльту, оговорил важное условие проекта. Полученные опусы ни в коем случае не должны переводиться на английский (Гарри, в отличие от Анта, понимает, что значит литературная репутация).

Прежде чем назвать последнее, *пятое, правило*, напомним один анекдот. Не в меру любознательный профессор литературы спрашивает на экзамене у замороченного студента: «Если бы у вас была возможность, с каким великим писателем, живым или мертвым, вы хотели бы встретиться?» Вздрогнув, студент отвечает: «Лучше бы, конечно, с живым». В отличие от героя анекдота, современные тандемщики, скорее, предпочтут себе в соавторы маститых покойников — благо усопший не спросит и не накажет... Итак. В тех случаях, когда на титульном листе книги соседствуют фантасты живой и мертвый (будь то Роберт Говард или Эдмунд Гамильтон), российским читателям, сотворив крестное знамение, следует **поскорее бежать** от подобной чичиковщины. Читателям таких откровенных «новоделов» не позавидуешь. Хотя если загробный мир все-таки существует, то соавторам и их издателям не позавидуешь тем более.

Роман Арбитман

ПЛАНЕТА КИНО

Своими глазами

Триумф спецэффекта

Властелин Колец: Две крепости (The Lord of the Rings: The Two Towers). Производство «New Line Cinema» (США) и «WingNut Films» (Новая Зеландия), 2002. Режиссер Питер Джексон, сценарий Питера Джексона, Фрэн Уолш, Филиппы Бойенс и Стивена Синклера. В ролях: Элайджа Вуд, Иен Маккеллен, Лив Тайлер, Вигго Мортенсен, Кристофер Ли. Слоган картины: «Путешествие продолжается». 179 мин. В российском прокате – с 23 января.

Фильм, снятый по первой части эпического романа Джона Рональда Руэла Толкина, вызвал восторги в основном у тех, кто литературного первоисточника не читал. У читавших же его он скорее вызвал желание подискутировать на тему «Не так все там было!». Вероятно, каждый, кто был знаком с легендарной сагой, имел свои собственные представления о том, как выглядят, скажем, эльфы или какие-нибудь другие жители Средиземья, и крайне неохотно прощал несоответствие им экранных образов... Второй фильм в этом отношении оказался во многом примирительным: зритель уже привык к таким эльфам и даже сжился с ними, несогласие с видением режиссера и художника-постановщика теперь уже не так сильно мешает восприятию картины.

К тому же сам литературный материал второго тома дает кинематографистам более выгодный материал для создания масштабного экранного действа. В «Братстве Кольца» сюжет практически линеен: хоббит Фродо с Кольцом идет в Мордор, по пути находя и теряя друзей. Вот, собственно, и всё! Но в конце первой части дороги всех персонажей расходятся – в «Двух крепостях» параллельно развивается три сюжета, и это действительно создает ощущение эпичности происходящего. Картина Средиземья проступает во всей полноте: Фродо вместе с Сэмом продолжают свой нелегкий путь и встречаются с прежним хозяином Кольца Голлумом, Арагорн с эльфом Леголасом и гномом Гимли помогают жителям Рохана отразить нападение злобных урукхаев, два других хоббита – Мери и Пин – попадают в лес к разумным деревьям энтам и поднимают их на общую борьбу с магом-предателем Саруманом...

Надо сказать, что и сценаристы картины не ударили в грязь лицом, создав этому благодатному материалу достойный кинематографический эквивалент. Массовые батальные сцены находят замечательный

драматургический контрапункт в точно найденных мелких деталях. Чего стоит один только рассказ Гимли о гномийских женщинах, которые мало чем отличаются от мужчин! Или его же падение с лошади, сопровожденное репликой: «Ничего-ничего, гномы всегда так спешиваются!»

Беднягу Голлума сценаристы, кроме уродливой внешности, наградили еще и ярко выраженной шизофренией (это вовсе не противоречит Толкину, не зря ведь его персонаж все время говорит о себе «мы»): постоянно меняясь в лице, он спорит сам с собой разными голосами! Причем первый из этих споров смонтирован режиссером методом «восьмерки» – так, как обычно в кино монтируют диалоги двух людей. Эта маленькая уловка незаметно, но безошибочно цепляет зрителя и заставляет на время подумать, что он видит дискуссию двух разных существ!

Голлум не единственный замечательный уродец в картине... Еще первый фильм убедительно продемонстрировал, что лучше всего режиссеру удаются всевозможные уроды и монстры, во втором же эта способность подарила зрителям целую галерею впечатляющих тварей! Роскошен и запредельно ужасен назгул, летящий верхом на драконе. Впечатляют похожие скорее не на волков, а на первобытных пещерных гиен варги, на которых скачут в бешеную атаку орки. Страшны и прекрасны одновременно гигантские слоны, на которых едут в Мордор южане. Эта сцена смотрится вставной, не обязательной для сюжета, но какое же пиршество для глаз...

Отдельного упоминания достойны энты. Эти нескладные огромные деревья, медленно и важно передвигающиеся на покрытых корою ногах, решительно атакуют башню Изенгарда, где прячется Саруман. Они ломают плотину и заливают низину водой... Но несколько раньше оркам удается поджечь одного из энтов, и вот теперь он первым бросается в бушующую воду, чтобы потушить свою крону!

Обилие таких вот маленьких находок оживляет трехчасовую картину и лишний раз доказывает, что компьютер не панацея и не проклятье кинематографа, а всего лишь новое орудие в руках настоящего художника. Этот фильм демонстрирует удивительно органичный синтез реальных игровых сцен и персонажей с компьютерными. Далеко не всем режиссерам удается поставить «виртуальных актеров» в один ряд с

живыми и вынудить зрителей в равной степени сопереживать им и наслаждаться их игрой. Эта способность заставляет сравнить Питера Джексона с Джорджем Лукасом и Джеймсом Кэмероном – признанными мастерами, сделавшими спецэффект из вспомогательного технического средства полноценным и едва ли не главным художественным приемом.

Андрей Щербак-Жуков

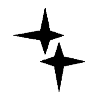
Рейтинг «ЗД»: ★★★★☆

Норма и патология

Солярис (Solaris). Производство «Lightstorm Entertainment» и «20th Century Fox» (США), 2002. Режиссер и сценарист Стивен Содерберг. В ролях: Джордж Клуни, Наташа Макилхоун, Джереми Дэйвис, Виола Дэвис. Слоган картины: «Есть места, куда человек не готов пойти». 99 мин. В российском прокате – с 20 февраля.

Ну, во-первых, жалко пана Станислава... Режиссер Стивен Содерберг ни на йоту не лукавил, когда говорил накануне премьеры, что его новая картина – не экранизация романа Лема, а римейк фильма Тарковского. Это еще слабо сказано: похоже, создатели данной киноверсии даже любопытства ради не перелистали книжку, но полностью основывались на уже зафиксированных на пленке кинематографических образах. Некоторые сцены просто скопированы один в один. Например, когда Крис Кельвин (Клуни) сажает свою вновь обретенную супругу (Макилхоун) – здесь, правда, ее зовут не Хэри, а Рея – в спасательный челнок и запускает в космос. Или когда она, желая уничтожить себя, пьет жидкий кислород, а потом в судорогах возвращается к жизни... Фильмы настолько похожи, что возникает вопрос: а зачем вообще было снимать римейк? Вполне понятно, когда создаются картины на основе черно-белых еще лент: используются новые технологии, новые возможности. Понятно, когда американцы переснимают европейские жанровые фильмы (боевики, комедии) с любопытным, лихо закрученным сюжетом: всем известно, что блокбастер просто невозможен без звезд Голливуда... Но зачем переснимать авторское кино? Ведь его главное достоинство отнюдь не в самой истории или персонажах, а в том, каким образом рассказана эта история, как поданы эти персонажи.

Один подобный опыт уже был: фильм «Город ангелов» сняли по мотивам картины Вима Вендерса «Небо над Берлином». Несмотря на то, что американцы не поленились ввести в повествование новую сюжетную линию, фильм смотрится пустоватым и недостаточно насыщенным по

сравнению с немецким первоисточником... Здесь ситуация во многом схожая: несмотря на целый ряд сцен-флэшбэков – воспоминаний Криса Кельвина о знакомстве со своей женой и встречах с ней еще при жизни – лента кажется вялой и скучной.

Чего еще коснулись переделки? Во-первых, чтобы объяснить происходящее рациональным американцам, не обошлось без привлечения психиатрии. Если герои Тарковского вполне нормальные, более того – умные и «продвинутые» люди, которые в силу сложившихся обстоятельств страдают и совершают неожиданные поступки, то Содерберг делает супругу Кельвина явной психопатичкой со склонностью к самоубийству – эту черту перенимает от оригинала и копия, созданная океаном Соляриса. На протяжении нескольких флэшбэков говорится: «У нее проблемы с психикой», «Ей необходим психиатр»... Если российский фильм начинается с консилиума ученых, то американская картина – с группового сеанса у психоаналитика. Кстати, мизансцены и композиционные решения этих двух эпизодов практически идентичны! В общем, что для русского норма жизни, то для американца – сущая психопатология.

Второе заметное изменение касается приведения картины в соответствие с требованиями политкорректности: в экипаж экспедиции была введена толстая и некрасивая негритянка по фамилии Гордон (Дэвис). Именно она изобретает способ отправлять «гостей» назад.

Третье отличие – самое показательное. В новом фильме есть классический хэппи-энд! «Ненастоящая» супруга Кельвина отправлена на Солярис, Кельвин и Гордон возвращаются на Землю. Крис страдает – об этом сообщает нам закадровый текст. Вдруг, как в сказке, открывается дверь, а на пороге стоит его жена. Изумленному мужу она говорит что-то типа: «Мы подверглись тяжким испытаниям и заслужили счастье...»

Вот так. Многоплановая притча о поиске себя, своих корней и своего предназначения превратилась в историю о человеке, который однажды упустил счастье в личной жизни и мучительно стремится его вернуть, и о разумной планете, по доброте душевной дающей ему такую возможность...

Андрей Летаев

Рейтинг «3Д»:

Сергей Бережной

ОТЯГОЩЕННЫЕ ЗЛОМ

«Звездная дорога» публикует продолжение очерка об экранизациях классического романа Мэри Шелли «Франкенштейн». Начало было напечатано в 1-м номере нашего журнала за этот год.

Явление третье: Он и она

Сценическая адаптация Пегги Уэблинг, послужившая основой сценария «Франкенштейна» (1931), сократила число действующих лиц до девяти человек. При этом многие эпизоды, весьма существенные для романа, из сюжета пропали. Кое-что было убрано уже после окончания монтажа – как, например, фраза, очень важная для понимания образа Франкенштейна: после его знаменитого восклицания «Он живет!!!» была еще одна реплика, заглушенная в прокатной версии фильма раскатами грома: «Теперь я знаю, что значит чувствовать себя богом!»

Уэйл задумал наново снять роман под видом продолжения первой ленты и восстановить кое-что из того, что Уэблинг из пьесы убрала, – например, эпизод со слепым стариком в лесной хижине и желание Создания получить подругу. Впрочем, мотивы романа Шелли были при этом существенно переосмыслены.

Редчайший случай: все это ему удалось сделать, и при этом почти ничем не пришлось пожертвовать. Большую часть жертв снова принял на себя безропотный страдалец Борис Карлофф: Джек Пирс еще бо-

лее усовершенствовал свой грим, и теперь Карлофф каждый съемочный день терпел его издевательства не три с половиной часа, а долгие семь часов – с шести утра и до часу пополудни.

А в некоторые – особо трудные – дни Пирсу приходилось гримировать еще и второе Создание – впрочем, гораздо более симпатичное...

Фильм получил название «Невеста Франкенштейна» (1935).

Во вступительной части мы видим Мэри Шелли, которая принимает от лорда Байрона комплименты в адрес придуманной ею истории и обещает написать ее продолжение. Таким прологом Уэйл убивал сразу нескольких зайцев: во-первых, кратко пересказывал первый фильм, во-вторых, возвращал зрителя к первоисточнику – роману Шелли – и, в-третьих, обосновывал существование продолжения... которое, впрочем, и само отлично могло свидетельствовать в свою пользу.

Конечно, Создание не погибло в развалинах горящей мельницы. Обожженное и искалеченное (на съемках этой сцены Карлофф действительно сломал плечо) оно, одновременно страдая и сея вокруг себя смерть и ужас, добирается до лачуги слепого старика. Калека выхаживает Создание, кормит его, учит нескольким словам и главным человеческим понятиям: друг – хорошо, огонь – плохо... Но старик-отшельник погибает, Создание принимает очередные мучения, а Генри Франкенштейн и сумасшедший алхимик доктор Преториус готовят новый эксперимент по созданию искусственного существа, на этот раз – женщины. В новой мистерии творения рождается Невеста (игравшая ее Эльза Ланчестер появлялась в прологе в роли Мэри Шелли). Но надежды Создания обрести друга хотя бы в ней напрасны: увидев его, девушка смертельно пугается и отвергает его. И тогда Создание, отпустив Генри Франкенштейна и его возлюбленную, уничтожает в огне и лабораторию, и Преториуса, и Невесту, и себя...

Его последние слова – «Мы принадлежим смерти!» – стали классическим финалом классического фильма.

Картина получилась не просто хороша – она была блистательна, неповторима. Закончив ее, Джеймс Уэйл навсегда отказался от постановки других фильмов ужасов.

Через двадцать два года его найдут мертвым в бассейне. Официальная версия: самоубийство...

А еще через сорок лет Иен Маккеллен сыграет закат жизни Джеймса Уэйла в странном и печальном фильме «Боги и чудовища».

Но прошлым успехом могут жить только люди. Индустрия же стремится повторить то, что уже привело к успеху. И если повторять себя отказываются отцы, то это делают за них дети.

У Франкенштейна тоже был ребенок. Сын.

Явление четвертое: Дегенерат

При всей его этической неразборчивости Франкенштейн был гением, а на детях гениев, как известно, природа отдыхает особенно самозабвенно. «То, что новатор создает, уничтожают эпигоны», – грустно заметил Феликс Кривин. Джеймс Уэйл уже сказал все, что хотел, и не желал плодить все новых и новых «Франкенштейнов». Колин Клайв, исполнитель роли доктора Франкенштейна, скончался в 1937 году, не дожив и до сорока лет...

Но главное сокровище «франкенштейновского» цикла – монументально загримированный Борис Карлофф – по-прежнему было готово к употреблению. Но вряд ли его персонаж можно было теперь сострадательно именовать Созданием: дважды погибшее, но все еще живое тело тянуло разве что на звание Существа.

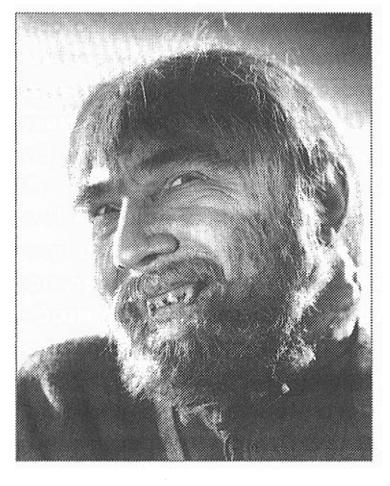
Фильм «Сын Франкенштейна» (1939) не только начал новый «цикл», но и решительно отказался от философского подхода, на котором основывался Уэйл: тема ответственности творца за свое творение и тема мучительного обретения души «небожьим созданием» была без особых раздумий отодвинута на третий план.

Собственно, творца больше не было. Режиссер и продюсер фильма Роуланд Ли просто честно эксплуатировал то, что было создано его предшественниками, – образ Существа и связанную с ним легенду...

Барон Вольф фон Франкенштейн (его играет Бэзил Рэтборн), сын покойного Генри Франкенштейна, возвращается с молодой женой Эльзой и маленьким сыном Питером в те места, где когда-то жили его родители. Он надеется исправить то зло, которое принес когда-то здешним жителям трагический эксперимент, поставленный его отцом. Но на самом имени Франкенштейн как будто лежит проклятие, все их сторонятся. Даже полицейский инспектор, который приходит в замок знакомиться с его новыми обитателями, рассказывает, как много лет назад он лишился руки из-за чудовища, созданного отцом барона...

Однако вскоре находится человек, который заинтересован в дружбе с Франкенштейном. Это местный полубезумный горбатый пастух Игорь (Бела Лугоши совершенно неузнаваем в этой роли – **см. на фото справа**), которого когда-то пытались повесить за ограбление могил. Петля сломала ему шею, но он остался жив. Оказывается, Игорь давно стал хозяином неприкаянного Существа, которое снова, как и в первом фильме, не умеет говорить. С его помощью Игорь отомстил судьям, приговорившим его когда-то к виселице. Но недавно в Существо ударила молния, из-за чего несчастное чудовище впало в глубокую ко-

му. Игорь надеется, что сын доктора Франкенштейна сможет поставить на ноги творение отца. Неся свой крест, барон в конце концов воскрешает многострадального монстра. Очнувшись, тот с интересом сравнивает перед зеркалом себя и Франкенштейна (явная перекличка с самой первой экранизацией 1910 года). Игорь, получивший от барона желаемое, пытается убить его, но в схватке погибает сам. Увидев смерть товарища, Существо хочет отомстить барону и бросить его сына Питера в котел с кипящей серой, но в итоге само оказывается в этом котле.

Фильм почти совершенно лишен драматичности работ Уэйла, его спасает только богатейшая игра Лугоши (герой Карлоффа большую часть экранного времени проводит неподвижно на лабораторном столе) да стильные декорации. Впрочем, даже столь немногие бонусы позволяют ленте до сих пор оставаться на вполне приличном счету...

Существует занятная версия, что «немота» была возвращена Существу по настоятельному требованию Карлоффа. Артисту не нравилось, что во втором фильме его персонаж заговорил: это, по его мнению, снижало выразительность образа (Лугоши, напротив, отказался в 1931 году от роли еще и потому, что она была без текста). Но тогда переубедить Уэйла было невозможно: он совершенно точно знал, зачем ему нужно именно говорящее Создание. Теперь же никакой особенной сверхзадачи у кинематографистов не было, а потому и возражать Карлоффу они не пытались.

Для Бориса Карлоффа это было последнее исполнение роли Создания-Существа-Монстра: проделывать подобные упражнения и молодым-то тяжеловато, а уж когда тебе за пятьдесят... Впрочем, расстаться с «франкенштейнством», которое сделало его немыслимо популярным, ему все-таки не пришлось – просто на свой прежний грим он отныне всегда смотрел со стороны.

«Сын Франкенштейна» породил, однако, еще одного «бродячего» персонажа: горбун Игорь начал самостоятельную жизнь в кинолегенде. В общем, с точки зрения студии это было естественно: с какой стати выкидывать из продолжений (которые не могли не воспоследовать) ту роль, на которую шел зритель? Что значит – «погиб»? А сценаристы у нас зачем?

Поэтому злобный горбун Игорь в исполнении все того же Белы Лугоши появился через три года в «Призраке Франкенштейна» (1942) режиссера Эрла Кентона. Монстрический грим и костюм вместо Карлоффа носил теперь Лон Чейни-младший. Бэзил Рэтборн, успевший к тому времени стать каноническим Шерлоком Холмсом американского кино, на прежнюю роль Франкенштейна не годился, поэтому Вольф фон Франкенштейн из сценария исчез, а взамен появился его младший брат Людвиг, провинциальный хирург (сэр Седрик Хардвик)...

Оказывается, барон застрелил Игоря очень некачественно: тот не только сам выкарабкался с того света, но и выволок оттуда мумию сваренного в сере Существа. Дождавшись ближайшей грозы, он организует удар молнии в шейные электроды этого сухарика, каковая процедура приводит к желаемому результату: Существо оживает. Однако горбуну это потрясающее достижение кажется недостаточным. Он придумал нечто гораздо более зловещее...

Игорь устраивает так, что Существо попадает в клинику доктора Людвига фон Франкенштейна. Доктор поначалу хочет уничтожить это проклятие его рода, но тут к нему является призрак отца и спрашивает, почему это вдруг сынок хочет погубить его труды вместо того, чтобы просто провести работу над ошибками. Созданию нужно вставить правильные мозги – и тогда все образуется наилучшим образом. Просветленный Людвиг решает использовать для этого мозг недавно погибшего коллеги (убитого, кстати, тем же Существом), но тут срабатывает коварный план Игоря. После окончания операции хирурги обнаруживают, что Существо получило мозг... самого горбуна и теперь даже говорит его голосом. Хитрец уже предвкушает веселуху, которую он может всем устроить с таким могучим и практически неубиваемым телом, но вдруг выясняется, что у Игоря с Существом несовместимость тканей. Отторжение мозга вызывает потерю зрения, монстр начинает буянить и – вследствие плохого поведения и несоблюдения техники безопасности – погибает...

К этому моменту цикл совершенно вырождается и приобретает все черты второсортного кино. «Франкенштейн» ставится на поток – наравне с «Дракулой», «Человеком-волком», «Мумией» и другими коммерчески удачными образами. Отношение занятых в картине людей к своей работе заметно меняется. Джек Пирс, уставший десять лет кряду гримировать чудовищ, обоснованно решил, что его ручная работа для такой халтуры не нужна, и сделал для Существа маску, которую нужно только слегка подогнать по актеру и подкрасить в соответствии со сценарием – это спасает кучу времени, к тому же маску можно надевать и на дублера. Для крупных планов такой грим не годился, да и ми-

мику он сводил почти исключительно к открыванию и закрыванию рта – но для фильмов класса «В» этого было достаточно. Они зарабатывали для студии деньги – и больше от них не требовалось ничего.

Дальше была только агония: студия начала комбинировать в фильмах популярных злодеев, не особенно заботясь о какой бы то ни было осмысленности такого объединения. Границы жанров преодолевались одним мановением пера сценариста: для кино разница между научной фантастикой, мифологией и фольклором была несущественна...

В 1943 году на экраны вышел первый такой гибрид – картина режиссера Роя Уильяма Найла «Франкенштейн встречает Человека-волка». Собственно, самого Франкенштейна в картине не было, но «Франкенштейном» уже привычно именовали именно Существо – оно оставалось тем устойчивым образом, к которому массовое сознание жестко привязало эту метку. На сей раз Лон Чейни-младший никак не мог играть Существо: оборотень Лари Тэлбот был его коронной ролью, отказаться от нее в пользу другой маски он не захотел. Поэтому маску Существа согласился надеть Бела Лугоши: его персонаж из предыдущего фильма был недостаточно мертв, чтобы его оживлять, так что грех было отказываться от такой возможности сменить костюм... Правда, его новый персонаж был слеп. Об этом помнили, когда снимали картину, – монстряк ходил перед камерой, выставив вперед негнущиеся руки, чтобы ни на что сослепу не наткнуться, – но при окончательном монтаже упоминание о слепоте Существа убрали, а непонятно с какой стати растопыренные клешни стали просто еще одной чертой образа, которая пришлась по вкусу будущим пародистам.

Следующим стал «Дом Франкенштейна» Эрла Кентона (1944), где к традиционно оживленной парочке злодеев из предыдущего фильма добавился Дракула (Джон Кэррадайн). Оборотня по-прежнему изображал Лон Чейни-младший, а Существо играл «новенький» – Гленн Стрэндж. Ленту почтил своим присутствием Борис Карлофф, сыгравший ученого-маньяка доктора Найманна, который и возвращает к жизни всю команду уродов. Кстати, у доктора в помощниках ходит чокнутый горбун Даниэль, который мечтает, чтобы его мозг куда-нибудь пересадили, – тело Игоря, кажется, тоже обещало стать бессмертным... В итоге пересадка мозгов в фильме приобретает массовый характер и становится чуть ли не главной заботой всей честной компании. При этом персонажам как-то удается сохранять убийственную серьезность. Итог упомянутого безобразия, как обычно, летальный.

Вся троица опять ожила в «Доме Дракулы» (1945), снятом тем же режиссером и с теми же актерами – минус Карлофф (ученые-маньяки, как правило, не доживают до следующей серии).

А затем пришли комики Бад Эбботт и Лу Костелло и все окончательно опошлили. В фильме «Эббот и Костелло встречают Франкенштейна» (1948) они лихо спародировали ужастики, причем пригласили для этого самих пародируемых. Веселая парочка играла двух портовых грузчиков, на которых постоянно покушаются знаменитые чудовища – Дракула (Бела Лугоши в своем классическом образе), Человек-волк (Лон Чейни-младший) и Существо (Гленн Стрэндж), которому срочно нужно пересадить чей-нибудь мозг, лучше всего – мозг Костелло.

Эббот и Костелло прекратили затянувшуюся агонию темы одним контрольным выстрелом.

Эпоха ужасов от студии «Universal» закончилась.

А эпоха ужасов от студии «Hammer» началась в 1957-м – по мистическому совпадению, в том самом году, когда Джеймс Уэйл был найден утонувшим в собственном бассейне...

Явление пятое: Виктор

Причины, по которым после окончания Второй мировой войны с экранов надолго пропало злодействующее творение Франкенштейна, сродни причинам, которые изгнали с тех же экранов Дракулу: по сравнению с ужасами фронта и тыла, по сравнению с тем, что попало в документы Нюрнбергского процесса, деяния наших киновредителей выглядели всего лишь мелкими пакостями. Внимание публики переключилось на вещи более глобальные. Даже чучельно-ходульный Годзилла оказался более уместен: он был прямым потомком ядерной бомбы. А уж всепланетно-масштабные «День, когда Земля замерла» Роберта Уайза и «Война миров» Джорджа Пала были просто как удары под дых...

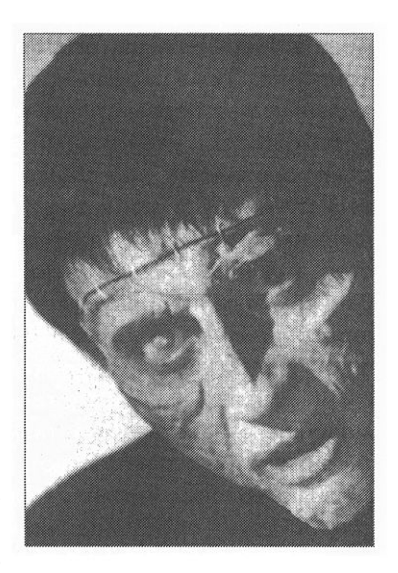
Но когда война стала понемногу освобождать души от кровавой памяти, когда люди опять смогли думать о себе не как о малой части великой трагедии – тогда монстры начали возвращаться.

«Проклятие Франкенштейна» (1957) режиссера Теренса Фишера и продюсера Энтони Хиндса стало одним из первых в новой волне фильмов ужасов, поднятой британской киностудией «Hammer». Это был не просто римейк – скорее, картину можно назвать парафразом на темы «Франкенштейна» Мэри Шелли. Собственно, англичанам ничего иного не оставалось: узнав о том, что «Hammer» собирается снимать нового «Франкенштейна», американский «Universal» разразился в его адрес грозными предупреждениями. «Hammer» не мог использовать в своем фильме ничего из того, что придумали американцы, – не только грим Джека Пирса, но и сюжетные мотивы, которых не было в романе Шел-

ли. В результате Фишер, Хиндс и сценарист Джимми Сангстер придумали совершенно новую историю, а для Создания не только сделали грим, ни одним мазком не напоминающий шедевр Пирса, но и самого персонажа назвали иначе: не «Monster», как было во всех американских версиях, а «Creature» – Тварь.

Было и еще одно важное отличие: все предыдущие «Франкенштейны» были черно-белыми. Английский фильм стал первым **цветным** «Франкенштейном».

Действие «Проклятия» отнесено во вторую половину XIX века. Барон Виктор Франкенштейн (на этот раз именно Виктор, а не Генри) поставил себе целью создать совершенное человеческое существо из фрагментов мертвых тел. Его учитель Пауль Кремпе не в восторге от этой идеи, но помогает Виктору потому, что любит его двоюродную сестру Элизабет. У самого же барона роман с горничной Жюстиной.

Франкенштейн в исполнении Питера Кашинга – фанатик, который для достижения своей цели не останавливается даже перед преступлением: когда для завершающей операции ему понадобился свежий мозг, он пригласил к себе одного из коллег, профессора Бернштайна, хладнокровно убил его и представил его гибель как несчастный случай. Кремпе застает Франкенштейна в склепе в тот момент, когда тот извлекает мозг из черепа покойного. Учитель пытается помешать ему, но безуспешно. В драке между ними мозг оказался поврежден, но Франкенштейн все равно решает его использовать. Кремпе помогает Виктору провести операцию, надеясь, что на этом ужас закончится.

Операция проходит успешно, но лишь до определенного момента. Ожившая Тварь лишена разума. Увидев Франкенштейна, она нападает на него и пытается задушить, а затем сбегает из лаборатории и разделывается со слепым отшельником, живущим в лесу. Барон и Кремпе преследуют ее, и Кремпе убивает Тварь выстрелом в голову. Фракенштейн, однако, эксгумирует чудовище и вторично его оживляет. Это приводит к целой серии убийств...

Тварь играл Кристофер Ли **(на фото вверху)**. Роль ему с самого начала не нравилась, но справился он с ней блестяще. Настоящей звез-

дой, впрочем, его сделало появление в следующем «хаммеровском» ужастике: он стал первым цветным Дракулой, а затем собрал одну из самых потрясающих коллекций «злодейских» киноролей за всю историю кинематографа – вплоть до Сарумана во «Властелине Колец» Питера Джексона и графа Дуку в новых лукасовских «Звездных войнах». Но в роли Твари уродливый грим полностью скрывал его черты, и это не был эстетичный и монументальный грим Джека Пирса: лицо Твари покрывали многочисленные реалистичные шрамы, оно было деформировано – создавалось впечатление, что и оно собрано из фрагментов лиц мертвецов... Популярным такой образ стать никак не мог.

«Хаммеровская» версия во многих аспектах принципиально отличается от американской. Во-первых, здесь злодеем выведен именно барон, а Тварь – лишь его орудие, которое временами выходит из-под контроля. Тема моральности/аморальности научного открытия снова выдвинута на первый план, причем на этот раз речь идет уже не о неосторожности ученого: Франкенштейн идет на преступление, полностью осознавая, что делает. Никаких смягчающих его вину обстоятельств нет. С роли в этом фильме Питер Кашинг начинает многолетнюю карьеру в амплуа человека безжалостного – помимо того, что он стал классическим бароном Франкенштейном, он играл профессора Ван Хелсинга в «дракуловском» цикле (и в этом качестве часто работал антагонистом Кристофера Ли), а зрители классических «Звездных войн» помнят его в роли имперского адмирала Моффа Таркина.

Во-вторых, фильм построен в жесткой реалистической манере, без малейшего налета романтизма. Более того, он непривычно натуралистичен: зрителю показывают и отрубленные конечности, и извлеченные глазные яблоки, и обнаженный мозг, да и вид самой Твари далеко не способствует пробуждению аппетита. Такой подход прижился наравне с классической романтической готикой и в 70-х развился в отдельный жанр ужастиков-«слэшеров».

Фильм получился как будто «в теме», но совершенно непривычным для зрителя по интонации и настроению. Казалось бы, это могло отпугнуть аудиторию – но картина имела шумный успех и, как водится в таких случаях, продолжения.

Однако игра в тот раз шла по несколько иным правилам. Во-первых, воскрешать Тварь Фишер и Хиндс не стали: в истории их Франкенштейна это лишь эпизод. Зато игра в «злого гения» вполне могла быть продолжена. Для этого как нельзя лучше подходила тема пересадки мозга, затронутая в первом фильме...

Окончание очерка читайте в следующем номере «ЗД».

КИБЕР-
ПРОСТРАНСТВО

Несекретные файлы

Третий «Хозяин Ориона»

Поклонники игровой серии «Master of Orion», которая наряду с «Civilization» относится к лучшим и наиболее известным произведениям жанра походовых стратегий, уже довольно долго ждут выхода третьей части своей любимой игры. Игра «Master of Orion-2» увидела свет в 1996-м – целую эпоху назад. И вот наконец объявлено, что ее сиквел поступит в продажу в феврале.

Действие этой игры, как и прошлых версий, разворачивается в галактическом секторе Ориона. В далекие времена здесь властвовала могущественная раса, овладевшая уникальными технологиями. На определенном этапе своего развития орионцы начали амбициозный проект в области генной инженерии. В результате были получены существа, ставшие предками большинства рас, действующих в игре. А потом, после разрушительных войн и бедствий, орионцы бесследно исчезли, оставив немногочисленные артефакты, свидетельствующие об их былом величии.

Каждая раса, обитающая в секторе Ориона, обладает индивидуальными особенностями. К примеру, псилонцы фанатично преданы науке, люди – отличные дипломаты, а киноиды особенно сильны в экономике. Кроме этого, расы делятся на подгруппы в соответствии со своим происхождением: кибернетические, гуманоидные, «эфирные» (обитающие на газовых гигантах), рыбо- и насекомоподобные и т.д. Считается, что люди – единственные, кто не подвергался генетическим экспериментам. Более того, люди сыграли огромную роль в объединении сектора после «темных времен» и даже стали называть себя потомками орионцев.

Победить в игре можно несколькими традиционными способами: уничтожить все другие расы, получить большинство на выборах в Сенат или проникнуть в тайну Ориона, то есть попросту колонизовать древнейшую планету.

Танк против бесчеловечности

Игра «Red Faction-2», сиквел популярной «стрелялки» от первого лица, будет доступна игрокам на платформах Gamecube, Xbox и PC. Изначально продолжение «Red Faction» появилось на платформе Playstation 2.

Поставки новых версий «революционной» игры начнутся в марте. Рево-

люционность сиквела не ограничивается одним лишь сюжетом, повествующим о борьбе горняков Марса с бесчеловечной, эксплуататорской корпорацией «Ultor». Впервые в этом жанре игроку будет дозволено вырваться за рамки туннелей и коридоров (была бы взрывчатка да гранаты), а движок GeoMod скорректирует окружающую среду воронками и проломами. И отсидеться за стеной теперь не удастся: порой даже становится не по себе, когда камень начинает крошиться под ударами ракет с обратной стороны. Зато обретает новые аспекты тактика многопользовательской игры.

Итак, спустя пять лет после событий, произошедших на Марсе, аналогичная «каша» заваривается и на Земле. Бесчеловечное правительство Содружества, прирученные СМИ, антураж – сплошные развалины. Свергнуть диктатора герою помогут пятеро товарищей по борьбе – снайпер, подрывник, разведчик-электронщик, штурмовик и универсальный водитель. Кстати, водить можно будет флаер, танк, субмарину и боевого робота. Разумеется, вся техника вооружена и «к бою готова». Что же касается личного оружия, то оно представлено в 14 разновидностях. Правда, обновленный искусственный интеллект позволит врагам действовать слаженно и реагировать на происходящее адекватно. Кроме того, разработчики обещают различные варианты финала, зависящие от действий игрока.

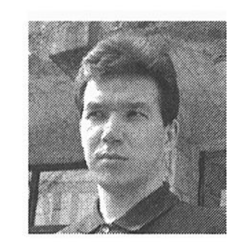
Пират или солдат?

Игровой мир ожидает выхода 3D-симулятора космического наемника «Freelancer». Игра поступит в продажу в марте и будет «нелинейной». В ней предусмотрена возможность проходить отдельные миссии или следовать сюжету, повороты которого будут зависеть от решений играющего. Решения следует принимать обдуманно, так как они влияют на репутацию героя. К примеру, можно стать пиратом и продавать награбленное на черных рынках. С другой стороны, можно в составе космофлота «зачищать» галактику от негодяев. Но самое спокойное занятие – это мирная торговля, хотя без парытройки пушек на корабле обойтись не удастся.

Кроме экономических и баллистических расчетов, понадобится разгадывать тайны, которые в системе Сириуса в изобилии. Не забыт и моральный аспект. Вот цитата с официального сайта: «Лгите. Жульничайте. Крадите. Ведите двойную игру. Устраивайте заговоры и заставайте противника врасплох...» Обманывать можно как компьютерных персонажей, так и своих реальных друзей в многопользовательском режиме...

По материалам www.compulenta.ru.

www.rusf.ru

Дмитрий Ватолин

СКАЗАНИЕ О МЕТРОЛЛЯХ

19 ноября 2002 года Александр Четвергов поставил точку в своей небольшой повести, а буквально через 10 дней его не стало. Из-за этой трагической гибели следующих книг не будет. А жаль, поскольку хоть пока и непрофессионально, но с душой писал Александр о фантастическом мире вокруг нас и о нашем будущем. Светлом будущем, которое редко встречается у современных авторов. Ниже приводится частичка его книги — интермедия «Сказание о метроллях»:

Как много страниц любопытных, как много преданий занятных для нас сохранила седая Вечность! Всем сейчас известно, что метролли — наши далекие и, вероятно, прямые предки — жили в один из интереснейших для изучения периодов: на стыке завершения Эры Технического Прогресса и начала Эпохи Осознания (своего Предназначения). В многочисленных преданиях, легендах и сказаниях, дошедших до нашего времени из глубокой старины, довольно подробно рисуется их внешний облик и тщательно разбираются образ жизни и повадки.

Каждый из вас знает, что метролли жили в бетонно-асфальтовых джунглях (но мало кому известно, что же это за тип растительности), именуемых «городами». Города представляли собой специфические наросты на теле Земли-Матушки, отдаленно напоминающие коросту или фурункулы. В особо крупных образованиях подобного рода метролли рыли громадные подземные ходы, в которых обитали быстрые и шумные драконы с горящими в темноте глазами. По одному из преданий,

свое имя предки наши получили как раз из-за этих подземелий, которые назывались «метро». Хотя вопрос о том, что же первично – метро или метролли, до сих пор служит камнем преткновения. Кто-то из исследователей считает, что вначале появились метролли, давшие жизнь метро и, соответственно, имя ему. Иные же летописцы утверждают, что именно метро положило начало этой интересной расе.

Метролли ели все, что росло, ползало, бегало и летало на Матушке-Земле, они смело пили кипящие, горящие и пузырящиеся напитки. В последний период своего существования они практически полностью перешли на питание синтетическими и генетически измененными продуктами... Мало того, тренируя силу воли и храбрость, они дышали ядовитыми газами из специальных творений рук своих – сигарет – и нюхали воздух, отравленный заводами и механическими зверями-автомобилями...

О смешных и нелепых повадках метроллей написано немало книг и, вероятно, еще немало будет написано. Я лишь кратко упомяну о некоторых из них. Например, об их необъяснимой тяге к сверкающим безделушкам, которыми они увешивали свои тела. Или о стремлении впадать в зависимость от искусственных предметов, типа разнообразной техники. Или о жажде замены собственной жизни жизнью других людей, которые, в свою очередь, стремились жить также не своей, а придуманной еще кем-то жизнью. Эта непостижимая жажда жизни в нереальном мире реализовывалась посредством так называемых телевизоров, средств массовой информации, театров, компьютерных игр и многих других вещей.

Интересно, что метролли любили хвалиться друг перед другом не своими естественными качествами, а искусственными предметами, называемыми ими «роскошью». Чем больше имел роскоши метролль, тем более высокий ранг в иерархической системе общества он занимал. И наоборот. Также занятно, что, как и во многих других известных нам в дикой природе некоторых планет примитивных системах, среди метроллей процветала жажда власти, когда один представитель системы объявлялся на основании достаточно нелепых принципов стоящим выше других. Да, чудными были наши предки с точки зрения людей...

К счастью, в конце этого страшного и мрачного времени на Земле начали появляться личности, обладающие чувством реальности. Именно они впервые начали задумываться над направлением движения человечества и таким образом положили начало Эпохе Осознания. На смену суетливо разрушающим себя и Землю-Матушку невежественным, дремучим и темным метроллям пришли отдающие себе отчет в своих поступках сильные, мужественные, добрые и любящие люди. Эти люди

смело брали ответственность за свои жизни, не перекладывая ее на «дядю», в свои же руки. И самое главное, думали с любовью о нас, своих потомках. Что же мы оставим праправнукам? Этот вопрос они задавали себе прежде, чем приступить к какой-либо деятельности.

История умалчивает о том, что же случилось с метроллями. Есть лишь предположения, одно из которых гласит даже, что они просто вымерли, как когда-то еще раньше – динозавры и саблезубые тигры. Но я лично больше склонен доверять мнению, согласно которому метролли трансформировались в уже полноценных людей и, таким образом, явились нашими прямыми предками.

Ну и напоследок добрый совет из этой повести, в противовес звучащему в рекламах на разные лады «В жизни все надо попробовать»: «И НЕ ЕШЬ БЕЗ РАЗБОРА ВСЕ, ЧТО ДАЮТ, ВЫБИРАЙ САМЫЕ ЛАКОМЫЕ И ЧИСТЫЕ КУСОЧКИ, ТО, ЧТО ПОДХОДИТ В НАИБОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ ИМЕННО ДЛЯ ТЕБЯ». Вы будете смеяться, но это было сказано про книги, хотя верно не только для них.

Искренне ваш,

главный редактор серверов сети «Русская фантастика»

Дмитрий Ватолин

* * *

Мы продолжаем знакомить читателей «ЗД» с результатами голосований, которые проводятся среди посетителей сайта «Русская фантастика». Очередной вопрос звучит так:

Купите ли вы бумажную книгу после прочтения ее электронной версии?

Да, безусловно – 4%

Да, но только если книга понравится – 82%

Нет, потому что я уже прочитал эту книгу – 2%

Нет, потому что за бумажную книгу надо платить деньги – 2%

Нет, потому что мне некуда ставить бумажные книги – 1%

Нет, потому что мне удобнее пользоваться электронным вариантом книги – 1%

Нет, потому что мне некуда ставить бумажные книги либо удобнее пользоваться электронным вариантом книги. Но я согласен заплатить некоторую сумму за электронный вариант – 5%

Всего проголосовало: 599

В ближайших номерах

«Звездной дороги»

читайте повести и рассказы

Эдуарда Геворкяна,

Клайва Баркера, Виталия Пищенко,

Алексея Бессонова

Подписные индексы журнала –

81935 (каталог «Роспечать»)

или 38429 (Объединенный каталог)

